

"Гормон счастья и прочие глупости"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

* * *

В один прекрасный день я вдруг поняла, что смертельно надоела сама себе. Надоели темные волосы, строгая прическа, голубые глаза, надоела родинка на щеке и ямочка на подбородке, надоело каждое утро тащиться на работу, видеть там всех, надоело держать мобильник всегда включенным, надоело одеваться как «деловая женщина» и вообще надоело все, кроме Польки. Полька — это моя дочь. А еще мне уже заранее надоела предстоящая через два месяца свадьба... Моя собственная. Надоела квартира, надоела машина — все надоело. Вообще! И что с этим делать? Ну, в принципе, можно отремонтировать квартиру, поменять прическу, купить контактные линзы другого цвета, новую машину, отменить, к чертям, свадьбу... Но от себя-то не убежишь... Только зря потратишь деньги, время, силы и потеряешь хорошую работу. И жениха. В моем возрасте такие женихи на дороге не валяются, тем более что этого жениха одобряет даже Полина, а это само по себе уже достойно уважительного отношения. Так как же быть? Удавиться?

Но тем не менее я собрала волосы в привычный пучок, надела один из деловых костюмов, туфли на каблуках. Хорошо еще, сейчас не лето, когда в жару приходится надевать колготки. В нашем департаменте нельзя появляться с голыми ногами, и в брюках тоже нельзя. Однажды я решила схитрить и надела вместо колготок чулки на резинках. Чулки были чудо как хороши, но это кончилось плачевно. Во время важных переговоров, когда нас было только трое — шеф, иностранный партнер и я в качестве переводчицы, — я вдруг ощутила, что проклятый чулок сползает с ноги. Я сразу сбилась, запнулась, к немалому удивлению шефа, — такого со мной обычно не бывает... Я, конечно, взяла себя в руки, но после переговоров нам предстоял еще обед в ресторане, и времени на то, чтобы переодеться — запасные колготки всегда лежат у меня в столе, — не предвиделось. Я покрылась холодным потом.

— Вам нехорошо, Бронислава? — спросил шеф с таким явным неудовольствием, что я предпочла сказать:

— Извините, Владимир Никитич, колготки поехали.

Он покраснел от злости, но я не растерялась:

— Вы когда взмахнули рукой с сигаретой...

— Что? — уже побагровел он.

— Искорка попала на ногу! Можно мне пойти переодеться?

— Разумеется, и поживее! — хмыкнул он, видимо моя храбрость ему понравилась.

Держа через юбку проклятый чулок, я похромала к себе в отдел.

— Брошка, что с тобой? — воскликнул мой коллега и приятель Вася.

— Не смей называть меня Брошкой! — привычно огрызнулась я, выхватила колготки, предварительно сорвав с себя окаянные чулки, чем несказанно удивила Васю и Светлану. Но мне было не до приличий.

Больше я чулки не ношу. Хватит с меня. Уж лучше париться в колготках! Хотя жаль, это красиво и сексуально. Мои коллеги утверждают, что с ними такого никогда не случилось. Лилька, например, носит чулки на резинках всегда, даже в самые лютые морозы, и хоть бы хны. А мне с первого раза не повезло. К чему это я? Ах да, я себе надоела. Это отвратительное, ощущение преследовало меня целый день как косточки в лифчике, хотя я уже давно не ношу лифчиков с косточками. Именно потому и не ношу, что раздражают. К вечеру это достигло такой силы, что я решила хоть что-то поменять. Самым простым и наименее разорительным способом, пожалуй, будет покупка новой помады. Я давно хотела купить себе ярко-красную. Может, станет полегче? Но не стало.

— Мам, ты что, спятила? — встретила меня Польша.

— Почему?

— Что за цвет? Жуть какая-то. Как будто ты только что закусила христианским младенчиком.

— Полина, что ты несешь?

— Просто адекватно реагирую на этот кровавый кошмар! Кризис?

— Какой еще кризис?

— Среднего возраста.

— У меня еще не средний возраст, у меня еще молодость, — может, не первая, конечно, но все-таки.

— А когда начинается средний возраст?

— Ну лет в тридцать шесть, наверное, а мне только тридцать два, а на вид дают вообще двадцать семь.

— Это когда меня рядом нет, — довольно ехидно заметила Полина.

— Тебя все принимают за мою младшую сестру.

— Ужинать будешь?

— Буду. А что на ужин?

— Праздный вопрос. Конечно, супчик.

Чтобы не портить фигуру, мы на ужин обычно едим овощной постный супчик, кто-то нас научил. Это вполне съедобно, утоляет голод, и его можно есть сколько хочешь. Правда, уже нельзя пить чай, но красота требует жертв. Однако сегодня я этого не переживу.

— Нет, не могу. Собирайся, пошли в кабак!

— Ну точно, у тебя кризис! Хотя в кабак пойти совсем не хило. Зигзаг в любой диете приветствуется.

Кабаком у нас назывался маленький уютный ресторанчик, расположенный в соседнем доме. Когда мы туда вошли, я вдруг поняла, что и это заведение надоело мне до тошноты. Но поблизости другого не было, а ехать куда-то уже нет сил.

Полька с интересом листала меню, а я и открывать его не стала — и так наизусть знаю.

Когда милая девушка Жанна приняла у нас заказ, Полька, подперев лицо руками, осведомилась:

— Мам, что с тобой, а?

— Понимаешь, мне вдруг все надоело. До тошноты.

— И я?

— Ты пока нет.

— А Женя?

— Женя тоже надоел, но хуже всего то, что я сама себе надоела, понимаешь?

— Честно говоря, не очень.

— Твое счастье, — тяжело вздохнула я.

— Ты что, уже замуж не хочешь? — испуганно спросила Полька.

— Да я не знаю... Но наверное, не хочу!

— Ну знаешь, мам, в кои-то веки попался приличный мужик...

— Да мы его еще мало знаем. Все так быстро получилось...

— Вот и здорово! Выйдешь замуж, и тебя будут подстерегать сюрпризы на каждом шагу — не до скуки будет.

— Ишь ты какая умная! А мне удавиться охота.

— Мам, не вздумай! Мне еще рано быть сиротой.

— У тебя есть папочка.

— Фью! Где я, а где папочка! Да и нужна я ему триста лет... Мам, а ты возьми отпуск, съезди в Турцию, проветрись.

— Знала бы ты, как мне надоела Турция!

— Ну ты даешь! Турция ей надоела! Надо ж такое сморозить. Ну съезди в Египет.

— Не хочу. Отвяжись вообще от меня, ешь свой салат и не приставай!

Она, кажется, обиделась, во всяком случае, пожала плечами, надулась и стала с аппетитом есть салат с креветками. Но выдержала недолго:

— Мам, ты, может, влюбилась, а?

— Если бы!

— Ты что, в Женю совсем не влюблена?

— До сегодняшнего дня думала, что влюблена, а сейчас... Мне все надоело!

В этот момент у меня зазвонил мобильник. Номер почему-то не высветился, зато голос я узнала сразу. Это звонил мой двоюродный брат, Венька. Мы давно не общались. Он популярный артист и всегда занят по горло.

— Бусечка, привет!

— О, привет, пропащая душа!

— И не говори, ни на что нет времени, просто зарез. Ну как ты? Как твоя потомка?

— Большая совсем, вот сидит напротив. Мы с ней ужинаем в кабаке. Хочешь, подваливай!

— Сейчас не могу, но вот завтра... Буська, нам надо повидаться, очень!

— Что, опять любовные драмы?

— Это не драма, это почти трагедия, и помочь можешь только ты. У тебя когда обеденный перерыв?

— Если ничего экстренного не случится, то с половины второго до половины третьего.

— Давай я к тебе подскочу — и мы поговорим. Я ужасно соскучился.

— Я тоже, — вздохнула я. Все ясно как божий день. Несмотря на роскошную внешность, обаяние, талант и популярность, Венька на редкость невезучий в личной жизни. А может быть, именно в силу всех вышеперечисленных достоинств. Но одно совершенно очевидно — завтра в обеденный перерыв поехать не удастся. Он приедет на своей шикарной машине, и мы просидим там целый час, он будет говорить, какая сука его очередная баба. Или блядь. Или непроходимая идиотка. А скорее всего, и то, и другое, и третье в одном флаконе. Надоело! Но я даже отдаленно не могла себе представить, к чему приведет эта встреча. Я никогда даже не слышала ни о чем подобном, разве что читала в каком-то идиотском романе.

* * *

В детстве мы были невероятно дружны. Я его обожала. Ну еще бы, старший брат, мечта любой девчонки, пусть даже двоюродный. Наши мамы родные сестры. Венька старше меня на три года. Нашей дружбе способствовало то, что летом мы жили вместе на дедушкиной даче в Абрамцеве, а подходящей компании для него там не было. Волей-неволей приходилось общаться со мной. А так как я его обожала, он меня ценил. Он уже тогда ценил внимание публики. Его обожали и мои подруги. Когда он подрос, то стал делиться со мной своими любовными тайнами. Потом решил стать актером, и это была самая страшная тайна. Семья ни о чем не догадывалась. Ну еще бы, у нас Ценились только ученые степени. В роду имелся даже один нобелиант, дядя Сева, двоюродный брат дедушки, умерший еще до нашего рождения. Ну и семейству ужасно хотелось, чтобы Венька стал вторым нобелиантом, а он жаждал «Оскара»! И я тоже. То есть я не собиралась быть актрисой, я жаждала присутствовать на церемонии вручения «Оскара» Веньке. Мы тогда еще смутно представляли себе эту церемонию, нам этого не показывали в то время. Не знаю, получит ли Венька когда-нибудь «Оскара», но «Хрустальная Турандот» у него уже есть! И я была на церемонии вручения! Так что отчасти наши детские мечты воплотились в жизнь. Уже кое-что! Венька даже пытался сбить меня с панталыку, уговаривал поступать в ГИТИС, но я элементарно испугалась. А скандалы в семье могли кого угодно навеки отвлечь от театральной карьеры. Только не Веньку. С тех самых

пор из всей семьи он общается только со мной. Правда, от семьи теперь мало что осталось, Венькин отец преподает где-то в Скандинавии, и они с теткой редко бывают в Москве, так что тетя Таня, которая давно простила Веньку, страдает и мечется между твердолобым мужем и не менее твердолобым сыном. Они уж если обижаются, то раз и навсегда, что, по-моему, не свидетельствует о большом уме. А кто сказал, что талант и ум — одно и то же?

Венька позвонил за час до обеденного перерыва:

— Буська, ты помнишь о нашей встрече?

— У меня еще нет маразма.

— Приятно слышать. Значит, ровно полвторого я тебя жду внизу! Только, пожалуйста, не приводи с собой своих сотрудниц, у нас чудовищно важный разговор, и мы можем не успеть!

— Поняла!

Однажды, когда Венька заехал ко мне, наши девицы окружили его плотным кольцом, требуя автографы и коллективно кокетничая. К тому времени он уже устал от обожания или просто был раздражен, но скандал мне закатил нешуточный. Поэтому я, никому ничего не говоря, в половине второго выбежала из нашего помпезного здания и юркнула в его машину. Он сразу заехал за угол, где нас не могли засечь.

— Привет, Буська, что-то у тебя унылый вид. Только я собралась поведать любимому братцу, что я сама себе надоела, как он заговорил, не слушая меня. Впрочем, он никогда не умел слушать, если речь шла не о нем.

— Буська, ты должна меня спасти!

— Опять драма? Ах да, ты же говорил, трагедия. В чем дело, я тебя слушаю. Поздний аборт? Незаконный ребенок в тьмутаракани?

— Хуже, Буська!

— Ну? — уже испугалась я.

— Я горю, Буська!

— В каком смысле?

— В прямом! Синим пламенем! Понимаешь, я взялся сколотить бригаду, забойную, и сколотил, но тут Нютка, сволочь, соскочила — и теперь мы горим! Пытался найти ей замену, ни фиги не выходит, ну как назло, к тому же Гордиенко фордыбачит, если он откажется, все — кранты, а я уже взял аванс! Буська, выручай! Я не поняла ничего:

— Тебе нужны деньги?

— Какие, блин, деньги? Мне нужна ты!

— Веня, я ничего не понимаю. Ни-че-го! Или объясни по порядку, или я уйду!

— Извини. Я слишком волнуюсь. Срывается потрясающая тусовка, за которую должны еще и прилично заплатить, а главное не это, деньги там не безумные, но я уже сорвал нескольких человек, и мне не простят...

— Я ухажу!

— Подожди! Слушай!

И он поведал мне, что в прошлом году организовал прекрасное турне. Собрал группу артистов и повез в Америку. Он сам не ожидал, что будет такой успех. И материальный в том числе. Он уже ощутил, что в нем живет еще и отличный импресарио, а это при зыбкости актерских судеб совсем нелишне. Неизвестно, будет ли он, постарев, пользоваться таким же успехом. А так в запасе вторая профессия. И вот сейчас он снова сколотил группу для поездки в Израиль. Там предусматривается двухнедельное турне по городам плюс недельный отдых у моря. Условия очень приличные, компания — зашибись, но дело в том, что Анна Тимошина, превосходная актриса и певица, наотрез отказалась ехать, а без нее горит забойный номер Юрия Гордиенко, потому что они вдвоем играют жутко смешную одноактную пьесу, которая пользуется бешеным успехом.

— И при чем здесь я?

— Ты сможешь ее заменить. Запросто!

— Я? Да ты спятил, братик. Срочно к психиатру!

— Ерунда! Ты справишься.

— Я не актриса, я не умею играть.

— Там играть не надо. Ничегошеньки, только петь. А поешь ты изумительно!

— Я не пою!

— Ты поешь! Ты прекрасно поешь! Помнишь, я как-то записал тебя на Новый год? Клевая запись получилась, так вот, я прокрутил ее Гордиенко, и он пришел в восторг. Сказал, что ты поешь непрофессионально, а это куда лучше для твоей роли. Короче, он согласился с тобой встретиться и попробовать. Получится — хорошо, не получится... Тогда зарез!

— Послушай, Венька, я спела в компании, подвыпив, без стеснения, а на публике я не могу, к тому же в окружении классных актеров... Это совершенно дикая, даже какая-то хамская идея — так подставлять сестру...

— А брата бросать в пасть..., тиграм можно? — как-то сварливо осведомился Венька. — И вообще, Буська, тебе предоставляется такой шанс..., я всегда говорил, что ты должна быть актрисой.

— Ты же сию минуту уверял меня, что ничего играть не надо, только петь?

— Да. Только петь. Ты, дурища, подумай, это же кайф — в такой классной компании поехать в такую классную страну...

— Там война.

— Где война, а где мы... И потом, там же люди живут и, между прочим, полной жизнью, настолько полной, что даже ходят на спектакли и концерты. Мы ж на передний край, что называется, соваться не будем. И потом в Москве тоже можно запросто нарваться на террористов. Кстати, ты можешь взять псевдоним. Не Бронислава Левашова, а хоть Матильда

Кшесинская или Мария Каллас. Ты подумай, Бронзулечка, новая жизнь — пусть всего на три недели, а? Все новое — имя, профессия, хочешь, даже внешность!

Я вздрогнула. Так не бывает! Только вчера я поняла, что смертельно себе надоела, — и вдруг такое предложение. Но оно чересчур невероятное, я не смогу.

— Я, Венька, никогда не была авантюристкой.

— Ну и дура! — закричал он. — Нельзя, нельзя упускать такой шанс! Если он тебе предоставляется, его надо использовать! Ну чем ты рискуешь? Отпуском? Так ведь отдых тебе обеспечен и куча впечатлений, страна-то потрясающая.

— Я не понимаю!

— Ну чего ты не понимаешь?

— Почему ты не можешь найти профессиональную актрису или певицу? Их, по-моему, как грязи...

— Я пытался, — тяжело вздохнул кузен. — Не вышло. С двумя Гордиенко категорически отказался работать, а он, сама понимаешь, ключевая фигура... И номер забойный. В Америке такой успех был... Одна, на которую он согласился, не смогла... И потом, Буська, ну нет времени, можешь ты понять?

И тут я вдруг ощутила, что больше всего на свете я хочу поехать. И внутри все уже дрожало от страха. Я боялась, что Гордиенко меня не одобрит, и ужасно боялась опозориться, если меня возьмут.

Заметив мои колебания, Венька как клещ вцепился в меня:

— Буська, я тебя просто умоляю! Если ты согласишься, я готов всю жизнь исполнять все твои самые дурацкие желания. Вот ты, например, позвонишь мне ночью и скажешь: «Венька, я хочу, чтобы ты женился на Никаноровне!» Ей-богу, женюсь!

Никаноровна — это старая домработница, которая живет в квартире его родителей.

Я не выдержала и расхохоталась.

— Значит, ты согласна? — возликовал Венька. — Тогда давай свой загранпаспорт и срочно говори псевдоним.

— Погоди, а Гордиенко? Вдруг я ему не подойду?

— Вечером мы едем к нему, я уже договорился.

— Как ты мог договориться? — ахнула я.

— Рассчитывал на преданную сестринскую любовь.

— Наглая морда! Я же боюсь, ты понимаешь?

— Побоишься, перестанешь. Все боятся. И потом он такой обаятельный, он тебе понравится.

— Он всем нравится.

— Ну вот видишь... Он так всем нравится, что ты спокойно будешь купаться в лучах его славы, а заодно и в Средиземном море. Поди кисло?

— Да нет, совсем не кисло. Но стремно.

— Ерунда, не боги горшки-то обжигают.

— А если я провалюсь?

— Ты не провалишься, я убежден на все сто.

— Сто пудов, как говорит Польша?

— Сто пудов! Бусечка, подумай, мы три недели будем вместе, как когда-то в Абрамцеве. Это же кайф, а то в этой суматошной жизни и не видимся почти.

— Да ладно, я тебя небось и не увижу, как пойдешь по тамошним Суламифям.

— Да ты что, я в таких поездках сама добродетель. Положение обязывает. В мои задачи ведь входит обеспечение дисциплины, а актеры такой народ... Любят расслабиться, и Израиль к этому располагает.

— К чему?

— К расслабухе.

— Никогда бы не подумала, особенно если смотреть сводки с Голанских высот и с этих, как их..., территорий.

— Ты не поверишь, но там мгновенно наступает расслабуха. У актеров особенно. Никогда не видел, чтобы знаменитые, классные артисты так халтурили, как там... Но у меня этого не будет. Ну все, Бусенька, на вот съешь плюшку, ты же любишь!

И он достал из пакетика именно такую плюшку, как я люблю, — улиточкой, посыпанную сахаром с корицей.

— Венька, — умилилась я.

— Рада? Я помню все про свою любимую сестренку, не дам тебя в обиду никому и, более того, обеспечу тебе успех!

— Да ладно тебе, болтун. А запить плюшку у тебя есть чем?

— Обижаешь! — Он протягивал мне бутылочку с квасом.

— И это помнишь? — совсем растаяла я. — Венька, ты жуткая сволочь! Искуситель!

— Ничего, ты еще будешь умирать от благодарности ко мне. Кстати, у тебя в Израиле, кажется, кто-то был?

— Ой, Венька, я, кажется, соглашусь.

— Что значит — кажется? По-моему, ты уже согласилась. Короче, мне пора, вечером я за тобой заскочу, поедem к Гордиенко.

— Боже, Венька, ты так на меня насел, что я даже не спросила, что там надо петь? Какой кошмар!

— Разберешься. Все, чао-какао!

Он умчался, а я осталась стоять столбом на улице. А кто мне, кстати, отпуск даст? Бред все это, чистой воды сумасшествие. Я даже головой потрясла, чтобы стряхнуть с себя наваждение. И медленно побрела за угол, на работу. Венька сказал, что я могу взять псевдоним. А какой? Бронза? А что, можно. Хотя нет, глупо уж очень. В роли такого-то — Юрий Гордиенко, в роли такой-то — Бронза! Идиотизм! Ненавижу свое имя, вот родители удружили! Мама как-то сказала, что имя мне выбрала бабушка, а та объяснила, что Броня была одной из героинь ее любимого в юности романа «Девочки с Новолипок» какой-то польской писательницы. Я даже попыталась найти эту книжку, но не смогла. Интересно, почему же бабушка не назвала Брониславой маму, а отыгралась на мне? Вот теперь я и живу с этим именем. Торжественным и бронированным. Обычно все зовут меня Броней, только Венька еще в детстве прозвал Буськой. Что крайне возмущало моего мужа. Это собачья кличка, негодовал он и звал меня Славой. Броня ему тоже не нравилась. Кое-кто звал меня Бронзой или Брошкой. Раньше я это терпела, пока не прочитала несколько романчиков Дарьи Донцовой, у которой героинь звали Лампой и Вилкой. С тех пор я всегда фыркаю как разъяренная пантера, если кто-то зовет меня Бронзой или Брошкой. А вот Буська меня вполне устраивает. А что, если так и явиться перед публикой: выступает Буська! По-моему, отличная идея! Сразу понятно, это прикол! Ой, мамочки, о чем я думаю, идиотка! Я что, и впрямь собираюсь выступать перед публикой?

— Броня, что это с вами? — поинтересовалась моя непосредственная начальница Инна Геннадьевна.

— Ой, я задумалась, извините. С дочкой проблемы, — ляпнула я первое, что пришло в голову. И смертельно испугалась, как бы не накликать!

— Что-то серьезное? — поинтересовалась она.

— Да нет, школьные дела.

— Я могу чем-то помочь?

Она всегда старалась помогать своим подчиненным, но, как злословили эти самые подчиненные, не от доброты душевной, а от стремления к совершенству в работе отдела. Но это не правда. Она просто одинокая немолодая женщина, у которой, кроме работы, ничего и нет в жизни. Но чем бы она ни руководствовалась, а если в ее помощи нуждались, помогала чем могла.

— Да нет, спасибо большое, Инна Геннадьевна.

Но вот отпуск в неурочное время она мне точно не даст. А уж если прознает о моих гастролях, и вовсе безжалостно уволит. Какие, на фиг, гастроли, я еще не сошла с ума. Пусть Венька сам выкручивается, нашел, понимаешь, себе палочку-выручалочку!

* * *

— Мам, что у тебя стряслось?

— Ничего пока.

— Что значит — пока?

— То и значит — пока ничего не стряслось.

— Но может стрястись?

— Всегда что-то может стрястись.

— Ой, мать, ты мне не нравишься.

— Я не обязана всем нравиться.

— Всем — не знаю, а мне — обязана.

— Ты полагаешь? — рассеянно спросила я. Меня вдруг стал занимать вопрос, как бы Польша отнеслась к такой аванюре. Боюсь, что восторженно. А Женя, как Женя отнесется? Уверена на все сто — сугубо отрицательно. Ну да ему лучше вообще не знать об этом. Скажу, что уезжаю с шефом в длительную командировку, и все. Он поверит. Такое не раз бывало. Он ревновал, а мне это даже нравилось, дуре. Ревнует — значит, вроде как любит. Вроде как... Нет, я не сомневалась, что Женя меня любит. Я сомневаюсь лишь в том, что я его люблю. Но его любит Польша, он ее тоже, что немаловажно. А мне уж ладно, стерпится — слюбится. Но что же мне спеть сегодня у Гордиенко? Господи, у меня разве хватит смелости открыть рот при нем? Ой, мамочки, во что меня втягивает этот обалдуй Венька?

И тут он позвонил:

— Буська, готова?

— Нет.

— То есть как? Все снова-здорово? Буська, не начинай! Я буду у тебя через пять минут! Изволь одеться. Нельзя заставлять ждать народного артиста. И надень, пожалуйста, что-нибудь подчеркнуто строгое, деловое.

— Зачем?

— Для контраста! Войдет такая строгая дама и вдруг запоеет! Отвал башки!

— Это я тебе гарантирую!

— Что?

— Отвал твоей дурацкой башки!

— Бусенька, я тебя обожаю.

— А я тебя ненавижу, козла! — Я швырнула трубку.

— Мать, ты с кем так строго?

— С Венькой.

— За что?

— Есть за что, не сомневайся.

— Не сомневаюсь. Ты куда-то собираешься?

— Да. Венька требует, чтобы я пошла с ним в гости.

— В качестве телохранителя, что ли?

— Какого телохранителя?

— Ну чтобы охранять его знаменитое тело от нападения всяких разных коз?

— Ну что-то в этом роде, — пробормотала я.

— А к кому в гости?

— К Гордиенко.

— Ух ты, клево! Ты там посмотри, у него потрясная собака.

— А ты почему знаешь?

— В каком-то журнале видела. Лабрадор. Мамочка, ты там разузнай, как за ней ухаживать.

— Зачем это?

— Мне Женя обещал щеночка Лабрадора.

— А что он тебе еще обещал?

— Горные лыжи!

— Через мой труп.

— А щенка? Тоже через труп?

По сравнению с горными лыжами щенок — это такие пустяки...

— Нет, щенок без трупа обойдется, но... Гулять с ним я не буду!

— А зачем вообще гулять, мы же будем за городом жить, когда вы поженитесь.

Так, они уже все решили без меня.

— Там будет видно. Тут явился Венька:

— О, Полина, ты уже не ребенок, ты телка!

— Венька, заткнись! — разозлилась я.

А Полина, наоборот, обрадовалась такому комплименту.

— Ну ты готова, Буська? Отлично, пошли. Ой, а гитара?

— Мать, ты что, собираешься глотку драть у Гордиенко? Не советую.

— Ты как с матерью разговариваешь? — напустился на нее Венька. — Да если хочешь знать, из нее могла бы выйти классная певица.

— Чего ж не вышла? — хмыкнула дочь.

— Много будешь знать, скоро состаришься. Пошли, Буська!

* * *

Что было у Гордиенко, я помню очень смутно. Когда мы с Венькой уже глубокой ночью вышли на улицу и сели в машину, он сказал:

— Согласись, я все-таки гений.

— Почему?

— Потому что выбрал тебя.

— Вень, а что это было?

Он внимательно на меня посмотрел:

— Это был успех. Явный и определенный. Сама, что ли, не поняла?

— Нет, я была все время как в тумане.

— Не придуривайся!

— Честное слово, Венечка, я даже ничего не помню.

— Интересно, а ты запомнила, что завтра должна начать с ним репетировать?

— Завтра? Репетировать? — искренне удивилась я. У меня есть странное свойство — иногда, если очень волнуюсь, я потом почти ничего не помню. Такое со мной уже не раз бывало.

— Буська, возьми себя в руки. Завтра в десять ты должна приехать к нему.

— В десять вечера?

— Утра!

— Но я же работаю.

— Завтра суббота!

— Ой, правда! С ума сойти! Венька, это что же выходит, я поеду на заграничные гастроли?

— Выходит, так!

— Оупеть!

— Ты уже опупела! Вот что, сейчас я поднимусь к тебе, ты дашь мне заграничный паспорт и две фотки на визу.

— Я не знаю, есть ли у меня, я завтра снимусь... И вообще, что ты сделаешь с паспортом в

субботу?

— Тогда придется еще раз к тебе тащиться, а у меня со временем зарез. Ладно, черт с тобой. Кстати, вот тебе анкеты, заполнишь и в воскресенье где-нибудь пересечемся.

Он вытащил из валявшейся на заднем сиденье папки два листочка и сунул мне в руки:

— Держи. И хватит трястись. Все уже позади.

— То есть как это — позади? Все еще только начинается.

— Ерунда. Главный экзамен ты сдала на пятерку. Знаешь, какой Гордиенко строгий? А тут просто поплыл. Кстати, я думаю, не только от твоего вокала. Мне так показалось.

— То есть?

— Ну приглянулась ты ему!

— Не выдумывай!

— Да чего ты пугаешься? Тебе ничего не грозит. Он прекрасный муж, отец и дедушка. Но некоторая влюбленность на сцене не помешает. К тому же, если пустить слух...

— Что? Какой еще слух?

— О вашем романе с Юрашей. Знаешь, как побежит израильская публика смотреть на тебя?

— Я тебя убью! И никуда не поеду.

— Ну если убьешь, то и вправду никуда не поедешь, так что не советую!

— Дело в том, что мне, скорее всего, не дадут отпуск!

— То есть как?

— А вот так! У нас все спланировано, расписано, и неожиданно отпуск могут дать только в каком-то крайнем случае.

— Не волнуйся, это не проблема.

— Что?

— Придумать крайний случай! Чепуха!

— Я не умею.

— Черт с тобой, возьму это на себя.

И в понедельник он явился ко мне на работу. Наши все вытаращили глаза, а он уединился с Инной Геннадьевной — и через двадцать минут отпуск был подписан. Причем с завтрашнего дня. А отъезд, вернее, отлет был назначен на следующую неделю. Совершенно ошарашенная, я пошла его проводить к выходу:

— Что ты ей наплел?

— Какая разница?

— Что значит — какая разница? Я должна хотя бы знать, что ты наврал, чтобы не попасть в неловкое положение.

— Не попадешь! За это я ручаюсь. Она обещала быть предельно деликатной. Ну все, я помчался, времени нет!

Вот так я избавилась от гнетущего ощущения, что надоела сама себе. Мне было некогда. Я репетировала с Гордиенко, и это было фантастически интересно. Сюжет одноактной пьески заключался в том, что неудачливая певичка из провинции приезжает в Москву, является к пожилому продюсеру и начинает повсюду преследовать его своим пением, пока наконец он не влюбляется в нее. Весьма милый водевильчик, не более того. К тому же содранный с какого-то бродвейского мюзикла, ужасный до одноактной пьески и перенесенный на российскую почву. Роль у Гордиенко главная, и играет он ее, насколько я могу понять, блистательно. Моя же роль сводится к музыкальным иллюстрациям его рассказа. Вся пьеса занимает сорок минут.

— Бронечка, детка, вы можете петь что хотите, это несущественно. Главное — не бояться публики. А маночек в вас есть. Зритель от вас будет тащиться, — успокаивал он меня. — И пожалуйста, постарайтесь сохранить тот испуг, который у вас есть, зафиксируйте его, это поможет...

— Нет, Юрочка, — вмешалась его жена, педагог в театральном училище, — не надо ничего фиксировать. Насколько я понимаю, Броня не собирается менять профессию, и ее испуга вполне хватит на ваши гастроли. Обнаглеть она просто не успеет.

— Ох, не скажи, — вздохнул Юрий Митрофанович. — Иной раз люди наглеют моментально.

— Ну, по-моему, это не тот случай.

Они говорили так, будто меня с ними не было.

Но Нина Ивановна все-таки обратилась ко мне:

— Броня, я не ошибаюсь на ваш счет?

— Нет, мне бы только набраться наглости, чтобы выйти на сцену и рот открыть.

— Ну это, конечно, важно, но Юра вам поможет. Не знаю, как насчет театральной карьеры, но диск я бы на вашем месте записала. Вы чудесно поете.

Слышать такое было приятно до ужаса, но мне все казалось, что они это говорят, чтобы подбодрить меня, чтобы я от страха не сорвала гастроли.

До отъезда оставалось три дня, а я, занятая репетициями и поисками подходящего репертуара, еще не уладила и половины дел. По дороге домой от Гордиенко я решила, что прежде всего поговорю с Полькой. Ничего от нее скрывать не стану, а вот отцу, которому надеюсь ее подкинуть, правду говорить нельзя, поэтому мне необходимо заручиться ее поддержкой. К счастью, она была дома.

— Полина, поди сюда!

— Мам, подожди, я досмотрю...

— Долго еще?

— Десять минут!

Она с упоением смотрела бесконечный сериал «Бедная Настя».

— Ма, чего? — явилась она на кухню, где я готовила обед на завтра.

— Полина, у меня к тебе разговор.

— Воспитывать будешь? — обреченно вздохнула она.

— Нет. Все гораздо интереснее.

И я рассказала о предстоящей аванюре. У нее загорелись глаза.

— Мам, ты не врешь?

— Мне бы и в голову не пришло такое врать.

— Супер!

— Что?

— Все! Ох, Веня молоток! А ты почему мне раньше не говорила?

— Потому что была уверена, что Гордиенко меня забракуют. Кстати, собака у него умерла.

— Ой, как жалко! — огорчилась Польша, но тут же глаза ее снова засияли. — Мам, а мне нельзя с тобой поехать?

— Нереально!

— Почему?

— По целому ряду причин, начиная с того, что у меня там свободной минутки не будет.

— Но ты же вроде сказала, что неделю будешь отдыхать! А я бы, пока ты работаешь, о тебе заботилась, супчик варила диетический.

— В гостинице?

— А чего? Плитку можно взять!

— Прекрати, Польша. Я умираю со страху, а ты с глупостями.

— Ладно, я понимаю, у меня шансов нет.

— Вот и умница.

— Значит, ты меня оставишь тут одну?

— Нет, на это время переберешься к деду.

— Кайф! А он в курсе?

- В том-то и дело, что нет. И я хочу, чтобы это была наша с тобой тайна.
- Супер! Да, дед небось лапти сплел бы, если б узнал.
- Лапти? Какие лапти? — опешила я.
- Ну ма, это ж значит коньки отбросить. Или сыграть жмура.
- Господи помилуй, где ты этого кошмара набралась?
- В гимназии, мамочка, — опустив благонаравно глазки, сказала она сладеньким голоском. — Ладно, мам, это все фигня, ты мне лучше скажи, ты под своим именем позориться будешь?
- Ты уверена, что я провалюсь?
- Нет, наоборот, просто у меня такая манера выражаться.
- Конечно, я возьму псевдоним.
- А какой?
- Еще не придумала.
- Надо что-то такое броское, чтобы как взрыв!
- Там и без меня хватает взрывов.
- Ой, а я и забыла, что там война! Мам, а ты не боишься?
- Сейчас я боюсь только выхода на сцену. Все остальное мне кажется не так страшно.
- Ничего, не бойся, мамочка, у тебя получится! Ой, а Женя в курсе?
- Нет, — тяжело вздохнула я.
- Ему тоже вратъ будем?
- Будем! Он не поймет.
- Это точно. Вообще-то я тоже не очень понимаю...
- Чего ты не понимаешь? — с тоской спросила я.
- Как ты согласилась? Ты же вообще такая разумная, выдержанная, мне дед всегда тебя в пример ставит...
- А мне надоело...
- Что?
- Все, я тебе уже говорила — и тут вдруг такое предложение. А еще я хочу изменить внешность.
- Класс! Давно пора! Надо что-нибудь эдакое забацать!

— Забацаю! Но еще не знаю, что именно. Завтра пойду.

— Куда? В салон красоты?

— Ага, мне жена Гордиенко посоветовала одну мастерицу...

— Мам, а ты знаешь, я тебя.., уважаю! — вдруг серьезно проговорила моя неожиданная дочка.

— Уважаешь? Вот и хорошо.

— А знаешь за что?

— Ну?

— В твоём возрасте вляпаться в такую историю... Это круто!

Она, кажется, считает меня старухой!

— И не волнуйся, я буду хранить эту страшную тайну! Но ты должна мне кое-что пообещать.

— Новый мобильник?

— Я об этом не подумала, но в принципе тоже нехило. Но главное — возьми у деда видеокамеру, и пусть Веня запишет спектакль! Я должна это видеть и слышать. По-моему, справедливо!

— Безусловно, это только справедливо, — согласилась я. — Но под каким предлогом я возьму камеру?

— Ну наври что-нибудь!

— Ой, и так приходится много врать. Я надеюсь, что у Веньки есть камера.

— А если нет? Ты скажешь деду, куда ты едешь?

— Скажу. Чем меньше врать, тем легче.

— Значит, Израиль не тайна, а что ты там будешь делать?

— Еще не придумала.

— А я знаю! Ты там будешь лечиться на Мертвом море!

Я даже застонала от восторга:

— Полина, ты гений! Но папа ведь спросит, от чего я собираюсь лечиться.

— Говно вопрос! Закатишь глазки, потом потупишь и скажешь: «Папа, это по женской линии». Он дальше спрашивать не станет.

— Здорово придумано... У тебя что, такой большой опыт по части вранья?

— Ну не то чтобы большой... Но кое-какой есть. Да ты не бери в голову, я не тебе вру, в основном в гимназии.., там не обойдешься... А вообще-то сейчас ты сама меня на вранье подбиваешь, — опомнилась она.

Мы расхохотались и крепко обнялись.

* * *

Когда я окончила школу, мои родители словно с цепи сорвались. Оказалось, что оба крутили романы на стороне. Первым решился папочка. Он ушел к своей подруге на другой день, после того как меня приняли в институт. Для меня это был шок, а мама... Она уже через месяц вышла замуж. За своего школьного друга. К счастью, родители сохранили вполне дружеские отношения.

Я почувствовала себя брошенной, мне было тогда хуже всех, и с горя я довольно быстро выскочила замуж. Муж был начинающим бизнесменом, потерпел крах и решил, что ему необходимо учиться в Америке. К моменту отъезда я как раз собиралась родить. Разумеется, я с ним не поехала. А когда он вернулся, Польке было уже два года. Мы прожили вместе три месяца и разошлись. От любви остались только воспоминания. Но он тем не менее всегда мне помогал, а когда Полька подросла, стал с ней общаться, и я этому не препятствовала. Он давно женился на вполне приличной женщине, других детей у него нет, он любит Польку. Каждое лето берет ее с собой на отдых за границу, и они хорошо ладят. Его мать, Полькина бабка, обожает внучку. Так что дочка у меня не обделена любовью. Но двум кандидатам в мои мужья она устраивала такие концерты, что они быстро охладели ко мне. А вот Женя, Евгений Николаевич, сумел как-то расположить ее к себе, они быстро привязались друг к другу, и теперь даже порой дружат против меня.

— Мам, я тебе псевдоним придумала!

— Воображаю!

— Ну и зря! Очень даже клевый псевдоним. Полина Брон.

— Как?

— Полина, ну это в честь меня, а Брон — кусочек от Брониславы. Чем плохо?

— Знаешь, мне нравится! — обрадовалась я. — Здорово! Полина Брон! Ой, Полька, если б ты знала, как я боюсь!

— Не бойся, остальные должны больше бояться.

— Какие остальные?

— Ну Веня, и Гордиенко особенно. Ты ведь можешь все провалить, но они же не боятся! Значит, и тебе бояться не нужно.

* * *

— Ну вот, все как вы просили, теперь вас родная мать не узнает, — смеясь, сказала парикмахерша.

— Это точно, — пролепетала я, во все глаза глядя в зеркало. Оттуда на меня смотрела какая-то совсем дикая женщина. Мои гладкие темно-русые волосы, которые я обычно затягиваю в аккуратный пучок, теперь висели длинными, туго завитыми спиралями двух цветов — золотистого и темно-каштанового.

— Ну как?

— Н-не з-знаю... — заикаясь, ответила я. — А эта завивка долго продержится?

— Долго, не волнуйтесь, — ответила она, думая, что успокаивает меня.

— А цвет..., скажите, можно будет потом покраситься в прежний цвет, через месяц?

— Покрасим, не волнуйтесь. Это вы решили внешность поменять на время отпуска?

— Именно. А то у меня на работе не поймут...

— Не волнуйтесь. Вернем вам прежний образ, хотя, честно говоря, так вы во сто раз интереснее. В вас что-то такое появилось...

— Дикое, да?

— Не то чтобы дикое, но экзотическое.

— Да уж, экзотики хватает. Сюда, наверное, подойдут крупные серьги.

— Конечно! А хорошо бы еще браслеты... И знаете, советую еще позагорать в солярии.

— Да я на юг еду...

— Два сеанса не помешают.

— Я подумаю, спасибо.

— Вы зря так настороженно отнеслись. Увидите, у вас теперь все переменится в жизни. Поверьте мне, уж я знаю!

Из парикмахерской я поехала к Гордиенко. Он сам открыл мне:

— Вы к кому?

— Юрий Митрофанович!

— Броня, вы? Что вы с собой сделали? Совсем другая... Но, черт побери, это интересно!

Какая-то дикарка получилась... Но мне нравится! Это не парик? — Он дернул меня за кудрявую прядь.

— Ай! Больно!

— Вениамин вас уже видел?

— Нет. Вы первый, даже дочка еще не видела. Вам правда нравится?

— Мне — да!

А после репетиции он сказал:

— Бронечка, вот сегодня я могу сказать, что уверен в успехе. Вы раскрепостились. И дело, как я понимаю, в перемене облика. Это иной раз очень полезно! Поздравляю!

Домой я летела как на крыльях.

— Отвал башки! — закричала Полина при виде меня. — Мама, супер! Тебе надо срочно загореть!

— Времени нет!

— Автозагар!

— Что?

— Ну мазилка такая есть! Хочешь, сбегая куплю?

— Не надо!

— Ну и зря! Мам, я забыла, Веня звонил, сказал, что заедет в девять и чтобы мы его покормили.

— Ладно, покормим.

— А еще, мам, завтра родительское собрание в семь часов.

— Родительское собрание? Не пойду! Не успею!

— Вообще-то с такими кудрями лучше не ходить, — заржала Польша. — Могут не правильно понять. Особенно наша Валентина!

— А что, это так неприлично выглядит? — перепугалась я.

— Да клево выглядит, просто не очень.., как бы это сказать.., не очень добродетельно.

— Кошмар! Ой, а вдруг Веня забракует?

— Исключено!

— Думаешь?

— Уверена!

Она как в воду глядела. Веня пришел в восторг:

— Буська, ты похожа на шнурового пуделя! Блеск! Ой, мамочка, как мне нравится! Не будь ты моей кузиной, я бы в тебя втюрился!

— А в кузину можно, — заметила Полина. — Это не считается инцестом!

— Мама дорогая, что она несет! — воскликнул Веня, хватаясь за голову. — Что за воспитание!

— Нормальное воспитание, — пожала плечами Польша. — Современное.

— Хорошо, что у меня нет детей!

— Ты уверен? — спросила она.

— Конечно, что хорошего в нынешних детках!

— Нет, я хотела спросить, ты уверен, что у тебя нет детей? Может, где-то и подрастают?

— Полина! — возмутилась я.

— Буська, что это будет лет через пять?

— Путана номер один! — спокойно ответила Польша.

— Уже немодно! — парировала я, привычная к подобным штучкам.

— Что — немодно?

— Отстой, можно сказать.

— Что — отстой?

— Быть путаной — уже немодно. Это было актуально, когда ты родилась, а теперь уже нет. Теперь гораздо актуальнее быть бизнес-вумен.

— Но путаны же есть!

— Заткнитесь, бабы! — не выдержал Венька. — Уши вянут. Ты псевдоним придумала?

— Польша придумала — Полина Брон!

— Полина Брон? Нормально! — Он вытащил мобильник:

— Толик, вместо Тимошиной Полина Брон. Да-да. Порядок, пока.

— Вень, а скажи... — начала Полина.

— Отвянь! Голова и так кругом идет, еще твои глупости слушать! Спать тебе пора!

— Не пора! Скажи лучше, а кроме мамы и Гордиенко, кто с вами еще едет?

Боже мой, я так ошалела от всего происходящего, что даже не задала ему этого элементарного вопроса.

— Демин и Барышева.

— Класс! — воскликнула Польша.

— Еще Андрюха Дружинин с женой и Вовик Златопольский.

— Мама, я горжусь тобой! В такой компании выступать — это же супер!

— Это ужас! — простонала я.

— Вень, а у Дружинина жена красивая?

— Очень! А ноги — с ума спятить! Характер, правда, не сахар, я бы ее не взял, но он сказал, что без нее не поедет. А он, можно сказать, главная приманка для дам! Такой красавец.

— Венька, во что ты меня втравил?

— Ты еще будешь задыхаться от счастья и писать кипятком!

— Да ну тебя!

* * *

До отъезда оставалось два дня. Я перевезла Польшу к своему отцу, его, к счастью, не было в Москве, а жена Симочка, женщина в высшей степени деликатная, не стала спрашивать, от чего именно я собираюсь лечиться на Мертвом море. Только сочувственно кивнула головой. Она прекрасно относилась к Польке и радовалась, что та будет гулять с их овчаркой Куней, полное имя которой Кунигунда. Чтобы не напугать Симу, я собрала свои новые кудри в пучок и запихала под шляпку, надвинув ее пониже. Симочка дама возвышенная и ровным счетом ничего не понимает в шляпках и в том, как их надо носить. Она живет совершенно другими интересами.

— Полина, не протрепись! — взмолилась я на прощание.

— Могила! Но ты мне позвони после первого спектакля, ладно? Я же волнуюсь.

— Обещаю!

— Нет, ты мне сразу позвони и сообщи, когда первое выступление. Я буду тебя ругать! Последними словами!

— Да, пожалуйста! Самыми последними! Нет, Польша, знаешь, если я провалюсь, то я звонить не стану. Так и знай, если не позвонила, значить, провалилась!

— Да ну тебя, мам, как ты можешь провалиться рядом с Гордиенко? Он-то точно не провалится. Ему будут хлопать как ненормальные. Ну скажут, на худой конец, что партнерша у него не ахти, и все. А тухлыми яйцами и помидорами тебя не закидают, будут бояться попасть Гордиенко!

— Спасибо, утешила!

— Мам, кончай, все будет клёво, и ты еще станешь звездой!

— Ну разумеется, вторая Барбара Стрей-занд!

— Не Барбара, а Полина Брон!

* * *

Вечером накануне отъезда я решила все-таки позвонить Жене и сказать, что уезжаю лечиться. Но его мобильник был почему-то отключен. Тогда я позвонила ему домой и наговорила на автоответчик: «Женечка, не могу дозвониться. У меня так все складывается, что я уезжаю в Израиль — лечиться на Мертвом море. Ничего страшного, но подвернулась возможность недорого пройти курс лечения. Полина у моего папы. Обязательно позвоню, когда устроюсь. Целую крепко. И нежно!»

* * *

Самолет вылетал около двенадцати, но Венька заехал за мной в восемь.

— Пока доедем, пока пройдем все эти процедуры в аэропорту. Златопольский с гарантией опоздает. Андрюха со своей Ларочкой тоже, мне уж никак опаздывать нельзя. Да ничего, Буська, я хоть отдохну в аэропорту. Ты даже вообразить не в состоянии, что я провернул за последние дни. Сам себе не верю. Ой, Буська, как хорошо, что ты с нами едешь, по крайней мере свой, родной человечек!

— Ненавижу слово «человечек»!

— Ладно, человечиче.

— Венька, а если я провалюсь?

— Ты не провалишься.

— А если все-таки?

— Замолчи, дура!

— Спасибо тебе!

— А что, я, по-твоему, должен тебе поддакивать? Да, сестренка, ты непременно провалишься. Даже слышать об этом не желаю! И потом, я убежден, что все будет отлично. А вообще, перестань. Ты увидишь дивную страну, будешь купаться в Средиземном море, наслаждаться солнышком, фруктами. Ты любишь арбузы, а там сейчас полно арбузов, и они, представь себе, без косточек.

— Как — без косточек?

— А вот так! В еврейских арбузах нет косточек! Ты только вообрази: встанем рано утром — и на море! А потом завтрак, а на завтрак арбуз! И только вечером спектакль!

— Венька, а что ты наврал моей начальнице?

— Сказал, что у тебя на сиськах какая-то экзема, а ты замуж собираешься.

— Почему — на сиськах? — засмеялась я.

— Ну чтобы к свадьбе зажило! Да какая теперь разница?

— Действительно, никакой! — вдруг облегченно рассмеялась я.

Мы еще ехали по Москве, а я уже не так смертельно боялась. В самом деле, никто не освистает Гордиенко! И потом, я ведь и правда неплохо пою! Конечно, разговоры о том, что мне якобы ничего не надо играть, сущая ерунда. Мне надо играть. Не бог весть что, конечно, но все-таки. И Юрий Митрофанович сказал, что у меня получается, особенно с новой прической. Он сумеет меня подбодрить в нужный момент. И в конце концов, спектакль еще только завтра вечером! А пока буду жить! Зачем умирать раньше смерти? Да и Венька тоже не совсем идиот. Он понимает, что я ничего не умею, и будет меня поддерживать. Мы ведь с ним родные, близкие люди и с детства дружим. Не могла же я его подвести. А главное — у меня напрочь исчезло уныло-депрессивное чувство, что я сама себе надоела. Напрочь! Я сейчас была интересна сама себе. Что еще я могу выкинуть?

Разумеется, мы приехали первыми.

— Черт, как жрать охота! — простонал Венька. — Я не завтракал, но тут такие цены, что несварение желудка обеспечено. Вот фигня!

— Дать тебе денег?

— У меня есть. Просто выложить пятьсот рублей за кусочек пережаренной куриной ножки не позволяет совесть. Ничего, я потерплю.

— Тогда съешь шоколадку.

— У тебя есть?

— Ага!

— Лучше б ты захватила пару бутербродов!

— Сказал бы!

— Не сообразил!

— Ой, а вот Юрий Митрофанович! — обрадовалась я.

— Друзья мои, вы уже здесь! Душевно рад! Бронечка, можно дернуть за кудряшку? Прелесть что такое, вы не находите, Веня? Хотите пирожков с мясом? Теща напекла в дорожку.

— Юрий Митрофанович, вы не только великий артист, вы еще и волшебник, — просиял Венька.

— Понимаю! Сам ненавижу платить бешеные деньги за весьма сомнительную шамовку. Да и отравиться можно. Ешьте, ешьте, вкусно и с гарантией. Бронечка, берите!

— Ну конечно! — раздался незнакомый голос. — Где артисты, там или пьют, или жрут!

— Вовик, я думал ты приедешь последним! — закричал Венька.

Я никогда не видела этого человека, только слышала о нем. Актер и шоумен Владимир Златопольский. Мне он сразу понравился. Обаятельная улыбка, сияющие весельем синие глаза. Он напомнил мне моего любимого артиста, Хью Гранта.

— А я парень неожиданный! Кто эта прелестная девушка? Твоя жена, Венька?

— Это моя новая партнерша, — опередил Веньку Гордиенко. — Анюта не смогла поехать, и вот Веня нашел Бронечку!

— Отлично! По-моему, я где-то вас видел? Вы не у Фоменко играете?

— Нет. Я нигде не играю.

— А!

Казалось, он утратил ко мне всякий интерес. И побежал куда-то в сторону, категорически отказавшись от пирожков, которые были выше всяких похвал.

— Он стесняется, — с мягкой улыбкой заметил Гордиенко. — Немного странный парень. Производит весьма нахальное впечатление, а на деле нежнейшая, ранимая натура. Среди

актеров чувствует себя нормально, но люди со стороны его пугают.

— Вы так хорошо его знаете? — спросила я.

— Да, он ученик Ниночки, и она в нем души не чает.

— Но почему же он меня застеснялся? Вы же сказали, что я ваша партнерша, то есть все-таки актриса.

— Чуют правду! — глубоким басом пропел Венька фразу из «Ивана Сусанина».

— Да-да, он такой!

— С ума сойти!

Вскоре появилась и Барышева, чудесная характерная актриса, толстая и уютная. И буквально вслед за нею Сергей Николаевич Демин, весельчак и балагур с грустными глазами. Гордиенко и их оделил пирожками, а Сергей Николаевич вытащил из кармана большую плоскую фляжку и, подмигнув, предложил выпить по глоточку за встречу. Венька достал из сумки упаковку с бумажными стаканчиками.

— Нет, вы чувствуете, что за руководитель у нас! — воскликнул Демин. — Обо всем позаботился! А что это за прелестное создание?

— Моя партнерша! — опять заявил Гордиенко.

А Венька опять промолчал, что я его кузина. Скрывает, что ли?

Вокруг нас уже ходили люди, словно не веря своим глазам, — столько знаменитостей сразу.

— Вень, а не пора ли нам... — сказала Барышева. — Они там будут еще опрашивать нас...

— Да, вы, пожалуй, идите, а я подожду Дружининых, пора бы им уже появиться.

— О, а вот и очаровательная Ларочка! — обрадовался Демин.

К нам приближалась поистине ослепительная девушка! Высоченная блондинка с умопомрачительными ногами. В первый момент мне показалось, что она второпях забыла надеть юбку, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что юбка все же есть. Но невооруженным глазом заметить ее трудно.

— Привет всем! Не опоздала?

— Ларчик, солнце мое, что значит это единственное число? — позеленел Венька. — Где Андрей?

— С таксистом расплачивается, а я вперед побежала, там же теперь еще и на входе вещи просвечивают!

— Ну слава богу, все в сборе! — перевел дух Венька. — Ладно, Ларчик, жди мужа, а мы пока пойдем. Да, вот, познакомься, это Броня, она вместо Анюты будет.

— Привет, Броня! — улыбнулась она обаятельной улыбкой.

— Привет!

Поскольку мы летели самолетом израильской авиакомпании, то кроме обычных таможенно-пограничных процедур нам предстояло еще и собеседование с представителями службы безопасности Эль-Аль. Милая кудрявая девушка долго расспрашивала меня, кто именно собирал мой чемодан, не подходил ли кто-то к моим вещам или ко мне, не просил ли что-то передать. И когда наконец она отстала, я заметила Ларочку с мужем. Я видела его в каких-то фильмах, и он представлялся мне ослепительным, романтическим красавцем. А тут небритый, чрезвычайно хмурый мужик на пол головы ниже жены, правда, она при своем немалом росте была еще на высоченных каблуках. Наверное, он жутко талантливый, если на экране кажется таким красивым.

Когда все уже прошли пограничный контроль, я тихонько спросила:

— Вень, а что, надо скрывать, что мы с тобой кузены?

— Да боже упаси! Но вот говорить, что ты непрофессионалка, пока не стоит.

— Но ведь завтра вечером это станет всем очевидно!

— Да брось, все будет отлично! выступишь, тогда и скажем, если кто спросит.

— Но вот же Златопольский спросил, откуда я.

— Блин, отвечай «от верблюда»!

— Ты чего огрызаешься, скотина? Втравил меня черт знает во что, а сам...

— Ну скажи, что ты, пела в Париже в кабаре! А теперь вернулась на родину.

— Почему — в Париже?

— Потому что прекрасно говоришь по-французски.

— Я еще и по-итальянски хорошо говорю и по-английски.

— Ладно, пусть будет римское кабаре, если тебе так легче.

— Слушай, ты чего такой злоющий? Боишься за меня, да?

— Господи, какая чушь! — искренне возмущился он. — Я действительно кое-чего боюсь, но ты тут ни при чем.

— Чего ты боишься, Венечка?

— Да ерунда все, не бери в голову.

— Ну скажи, а то я буду думать...

— Нет, ты меня достала! Хочешь знать, чего я боюсь? Изволь! Боюсь, что эта лярва будет мучить Андрюху, сбивать с настроения, тянуть одеяло на себя. В Америку мы без нее ездили, и было все отлично.

— Но зачем ей это делать, он же ее муж?

— Ай, боже мой, Буська, нельзя быть такой наивной! Потому что она ревнует, завидует.

— К кому ревнует?

— Да не к кому, а к чему?! К популярности его! Он же знаменитость, а она, как ни тянется, все не дотягивает! Крепкая профессионалка, красивая баба, но настоящей изюминки в ней нет! Он по дури как-то пытается ее толкать, а все равно, стоит ему выйти на сцену с ней рядом, все смотрят только на него. В нем есть все, а в ней почти ничего. Но он в нее влюблен и... Пока глаза не откроются, так и будет мучиться.

— А они что, в одном театре играют?

— Играли раньше. Потом она ушла и теперь поет в мюзикле, вернее, пела. Кстати, вполне неплохо. Но мюзикл сошел со сцены. Вот она и вцепилась в Андрюху. Знаешь, ты попробуй с ней закорешиться.

— Зачем?

— Ну если у нее появится подружка, может, она меньше будет лезть к Андрюхе.

— Да ну, не стану я с ней корешиться, я ей до пупа. Мы что будем изображать Пата и Паташона? Я с ней даже пошептаться не смогу, мне подпрыгивать надо. И вообще, отвяжись от меня.

— По-моему, это ты ко мне со всякими дурацкими вопросами лезешь.

— Вень, а репетиции у нас еще будут?

— А как же!

— Когда?

— Ну вообще-то когда Гордиенко захочет, а для всех завтра утром на сцене прогоним весь спектакль. — Посиди тут, а я схожу куплю сигарет в дьюти-фри и виски на дорогу. А тебе ничего не надо?

— Нет.

— Тогда сторожи мой кейс. Если его сопрут, гастролы сорвутся! И придется платить бешеную неустойку.

— Иди на фиг! И тащи свой кейс с собой!

— Не вредничай, Буська!

— Черт с тобой, посторожу.

Едва он ушел, как откуда-то возник Злато-польский.

— Извините, пожалуйста, я повел себя невежливо. Будем знакомы, Владимир.

— Бронислава. Очень приятно.

— Юрий Митрофанович рассказал мне о вас. Это и вправду ваш дебют?

— Да. Дебют поневоле, — улыбнулась я.

— Юрий Митрофанович очень хорошо о вас отзывается. Да и одно то, что он согласился с вами работать, говорит само за себя. Но вам, наверное, страшно?

— Не то слово!

— А кто вы по профессии?

— Переводчица.

— Книги переводите?

— Нет-нет, я вообще-то синхронист, работаю в крупной фирме...

— И вам это нравится?

— В общем — да.

— Но почему же тогда вам страшно? Ведь эта работа сродни актерской, вы тоже работаете на публике, правда?

— Бывает, да. Но чаще это конфиденциальные переговоры.

— Но все-таки на публике тоже?

— Конечно, и не так уж редко.

— Ну вот! — с некоторым даже торжеством произнес он. — Значит, публики вы не должны бояться. Просто скажите себе, что это ваша работа, только вы будете петь, и все!

— В этом что-то есть, — задумчиво ответила я. — Я попробую!

— Обязательно попробуйте.

— Спасибо!

— Простите, а у вас всегда такая прическа?

— Нет, — засмеялась я. — Просто вдруг захотелось сделать с собой что-то эдакое, а тут такой случай... А почему вы спросили?

— Просто я немножко знаю, как выглядят переводчицы в крупных фирмах.

Какой он очаровательный, — мелькнуло у меня в голове.

— Я смотрю, вы уже нашли общий язык! Это хорошо! — обрадовался Венька.

— У тебя милая кузина!

— Плохих не держим!

— Ох, как хочется солнышка, ребята, я без солнца чахну! — проговорил Златопольский мечтательно. — Вы знаете, что на солнце организм вырабатывает гормон счастья?

Гормон счастья? Хорошо бы... Если уж не счастье, то хоть его гормон. Но солнца в Израиле хватает, неужели там много счастья? А я? Разве я несчастлива? Я не счастлива, а вовсе не несчастна. Вот так! А чего мне не хватает? Любви. По-моему, я вообще не знаю, что это такое. Мне много раз казалось, что вот она — любовь, но по тому, как быстро я оправлялась от этих чувств, можно сделать вывод — это не было любовью. Или я просто органически к ней неспособна? Так, может, и к лучшему? Любовные страдания — вещь малоприятная. Даже когда просто влюбляешься — а это со мной бывает не так уж редко, — все-таки немножко страдаешь, а если настоящая любовь? Ну ее к бесу! А вот влюбиться не мешает. Последний раз я влюбилась полтора года назад в Женю, но с ним все было так гладко, никаких страданий, никаких сомнений, он так мгновенно приручился и сам приручил Полину, что совершенно естественно эти отношения привели к предложению руки и сердца. Правда, он был женат, но жена жила отдельно, и вообще в другом городе, поэтому на развод и удовлетворение ее имущественных претензий ушло время. Благодаря этому мы еще не женаты. Но заявление уже подано и бракосочетание назначено на пятнадцатое июля. И наверное, надо совершить этот шаг. Он хороший человек, любит Польшку, отличный любовник, отнюдь не бедный и даже красивый. Поди кисло? Но вдохновения нет. У меня нет. А с другой стороны... А, ладно, проживем — увидим. А пока.., хочется влюбиться. В нашей группе (или в данном случае надо говорить «труппе»?) перспективным в этом смысле мне представляется только Златопольский. В нем масса обаяния, чудные глаза, какая-то внутренняя интеллигентность и тонкость, как мне показалось. И он с такой доброй улыбкой подбадривал меня. Чем черт не шутит?

— Буська, ты о чем так глубоко задумалась?

— А? Что?

— Пошли, посадку объявили!

* * *

Первое, что поразило меня, когда мы вышли из здания аэропорта Бен-Гурион, это запах юга. Теплый воздух и шелест пальм наполнили сердце такой неистойвой радостью, что я сама себе не поверила. Встречавший нас пожилой, симпатичный толстячок с гордым именем Оскар посмотрел на меня гораздо внимательнее, чем на всех остальных, и спросил:

— Это и есть Полина Брон?

— Да, — пролепетала я.

— Почему я никогда про вас не слышал?

— Потому что она жила в Париже и пела там, — подоспел мне на помощь Венька.

— А, ясно! — успокоился Оскар и стал заталкивать в микроавтобус наши вещи, причем, заталкивал в основном шофер, а Оскар руководил процессом.

Наконец мы уселись и поехали. Оказалось, что первый раз в Израиле только я и Златопольский, остальные тут уже бывали. Бурная радость первых мгновений сменилась давящим страхом, но когда микроавтобус свернул в улочку, в конце которой нагло синело Средиземное море, и сразу остановился, радость вновь вспыхнула.

— Приехали!

Гостиница «Сити» оказалась очень милой, уютной, и окно моего небольшого номера смотрело

на море! А еще в номере стоял маленький электрический чайник, две чашки с блюдцами и коробочка с пакетиками чая, кофе и сахара. Имелся и телевизор. Но в этом не было ничего необычного. А вот чайник с чашками... Мне сразу стало уютно. И не успела я распаковать вещи, как явился Венька:

— Ну как тебе?

— Здорово! Мне нравится!

— Исключительно удобное место. Три шага до пляжа, и один шаг до оживленной торговой улицы. Отсюда до всего близко. Андрюхина мадам, правда, ворчит, что он звезда и должен жить в пяти звездах. Я сказал, что, если они оплатят разницу, я их мигом туда устрою. Как будто я их в Москве не предупреждал, что гостиница трехзвездочная. Но тут есть все необходимое и даже кипятильник не нужен. Ненавижу эти дешевые понты..., ну да фиг с ними. Пошли купаться, Буська!

— погоди, дай найти купальник.

— Ладно, через десять минут жду тебя внизу. Слушай, а мы с тобой никогда вместе не купались в море!

— Не выдумывай, купались в Эстонии!

— А, правда. Ну это разве море? Холодно, мелко... Брр! И потом, это было так давно, что как бы уже и не было.

Я стала искать купальник, но он, как назло, не попадался. Неужто забыла взять? Нет, я помню, Полька мне его принесла..., и сунула во внутренний карман большой сумки. Ура!

Внизу Венька разговаривал со Златопольским. Тот был уже в шортах и шлепанцах. Какие у него красивые ноги, мелькнуло у меня в голове.

— О, вот и Буська, пошли скорее.

На улице было жарко, но не тяжело.

— Ой, как хорошо!

— Да, но завтра, говорят, будет хамсин, — заметил Венька.

— Хамсин? Что это? — осведомился Злато-польский.

— Довольно противная штука. Это, знаешь ли, как в Африке — будто открывают духовку, и оттуда на нас веет... Иногда еще и с песочком... Ну да ничего, тут везде кондиционеры, можно пережить.

— Ладно, посмотрим, может, и не будет никакого хамсина! — легкомысленно воскликнул Златопольский. — Боже, какая прелесть!

Вода в море была теплой, но освежающей, чистой и гладкой, почти без ряби. Венька и Златопольский сразу уплыли к волнорезам, а я плаваю неважно. Далеко заплывать не решаюсь, но мне и так хорошо. Как же вовремя я себе надоела! Если бы не это гнетущее чувство, я бы ни за что на свете не решилась на такую авантюру! Сердце опять ушло в пятки. Но разве может случиться что-то плохое, когда такое небо и море, а Володя Златопольский так

похож на Хью Гранта?

Когда мы возвращались с пляжа, в холле гостиницы нас ждал Гордиенко.

— Броня, я договорился с Оскаром, что он даст нам возможность нелегально порепетировать на сцене, — сообщил он, отводя меня в сторону.

— Почему — нелегально? — удивилась я.

— Потому что за аренду зала надо платить. А он нам устроит это бесплатно. Только никому не говорите.

— Даже Вене?

— Лучше, чтобы об этом знали только вы, я и Оскар.

— Но что я скажу Веньке?

— Что я пригласил вас ужинать. Одну, — усмехнулся он и подмигнул мне. — Кстати, это соответствует действительности. После репетиции я приглашаю вас поужинать. Значит, через полтора часа жду вас здесь. Договорились?

— Конечно!

Гордиенко, пряча усмешку, ушел.

— Ну что? — спросил Венька.

— Юрий Митрофанович пригласил меня поужинать.

— Ничего себе, не успел еще отряхнуть московский прах, как уже пошел по бабам! — засмеялся Венька. — Я сразу просек, что он к тебе неровно дышит.

Златопольский как-то загадочно улыбнулся. Честно говоря, я бы с большим удовольствием пошла ужинать с ним, но он меня не приглашал. К тому же предстояла репетиция на сцене, тут вообще не до ужинов. Гордиенко сказал, что покажет мне основные мизансцены, и от этого профессионального слова у меня по спине побежали мурашки.

Ровно через полтора часа я спустилась в холл. Гордиенко уже ждал. Он снова подмигнул мне, взял под руку, и мы направились к выходу. В дверях мы столкнулись с Ларисой, явно возвращавшейся с пляжа. На «мини-бикини» была накинута лиловая сетчатая хламидка, последний писк пляжной моды. Надо бы и мне такую... Выглядела Лариса сногшибательно.

— Какая красивая! — вырвалось у меня.

— Бесспорно! — ответил Гордиенко. — Но ее беда в том, что она об этом знает.

— А куда мы идем?

— Оскар ждет нас в машине за углом, — таинственным шепотом ответил Гордиенко.

— Юрий Митрофанович, зачем такая таинственность?

— Надо!

Действительно, Оскар ждал нас в сером «рено».

— Полина, вы впервые в Израиле? — с ходу спросил он.

Я даже не сразу сообразила, что это он ко мне обращается.

— А, да, впервые!

— Ой, я вам даже немножко завидую, вы сможете ловить кайф от этой страны.

— А вы его уже не ловите?

— Только иногда. А вообще... Я тут уже двадцать лет, у меня был дом на территориях, своими руками построил, а потом тот кусок земли отдали палестинцам. А теперь хотят еще чего-то отдать, скоро от страны останется носовой платочек, чтобы утирать слезы радости этим сволочам! Хотя вам это ни на фиг не надо знать. Смотрите лучше по сторонам, хотя уже темно и ни черта не видно. Но едем мы в Ришон, там ваше первое выступление.

— Что это — Ришон? — робко спросила я, немного подавленная его агрессивной скорбью.

— Ришон-ле-Цион — с одной стороны город, с другой стороны пригород Тель-Авива.

Большой Тель-Авив! Как будто тут есть что-нибудь большое, в этой маленькой стране. Хотя нет, у нас большое сердце, душа и все такое прочее, не бойтесь!

Он вдруг затормозил, выскочил из машины, обнялся с каким-то прохожим.

— Бронечка, на всякий случай предупреждаю, у него дочка три года назад погибла, когда взорвали дискотеку на набережной. Помните?

— Смутно.

— Я вам покажу это место, не так далеко от нашей гостиницы. Там погибли в основном дети из России. Ужасная трагедия.

— Господи, несчастный человек... — содрогнулась я.

— Да уж, врагу не пожелаешь...

Но тут вернулся Оскар:

— Прощу прощения, встретил двоюродного брата, не виделись целый год. Крутишься, как белка в колесе.

* * *

Зал показался мне до ужаса громадным, правда, там было совсем темно, даже, я бы сказала, черно. Только сцена была слегка освещена.

— Господа хорошие, вам на все про все сорок минут, — предупредил Оскар.

— Ну, Бронечка, поехали?

Оскар сидел в первом ряду. Меня мутило — Броня, бояться нельзя! Значит, так, вы выходите

отсюда, справа, так и мне будет удобнее, и вам. Отступить, между прочим, некуда, позади Москва! А впереди, кстати, новая жизнь!

О, как он правильно меня понял! Новая жизнь — магические слова! И я, набравшись наглости, впервые выскочила на сцену. Сказала первые свои реплики и запела. Я пою а капелла все, кроме финальной песни, которая идет под магнитофонную запись оркестровой партии. Но до конца спектакля еще надо дожить. А Юрий Митрофанович вдруг заиграл совсем иначе, чем играл у себя дома. Он все уходил от меня, и мне приходилось бегать за ним и даже подпрыгивать, потому что он намного выше меня, и еще он включил в себе, как я назвала это потом, секс-кнопку, и я мгновенно это ощутила и, как ни дико это звучит, отреагировала. И почти влюбилась в него. Но это я поняла значительно позже, а пока просто «жила в предлагаемых обстоятельствах», но мне уже было хорошо и нестрашно. И вот наконец финальная песня, которую мы поем вместе. И только тут я сообразила, что Гордиенко ни разу не остановил меня, не сделал ни одного замечания, и мы просто сыграли спектакль в черном зале для одного-единственного, но все-таки зрителя. И когда все кончилось, этот зритель захлопал в ладоши, да с таким энтузиазмом!

— Браво! Браво! — закричал он и полез на сцену. — Юрий Митрофанович, Полина! Блеск! Я от вашего голоса просто сомлел! Вы не актриса, да? Но это просто здорово! Можно я вас расцелую? Юрий Митрофанович, нет слов, что значит мастер! Ай, какой мастер!

— Ну, Броня, поздравляю, это было боевое крещение! — поцеловал мне руку Гордиенко.

— Господа, пора сматываться, куда вас отвезти? В отель?

— Нет, в хороший ресторан недалеко от отеля, — распорядился Гордиенко.

Уже в машине Оскар спросил:

— Извините, конечно, но я не понял, вас как зовут? Полина?

— Нет, вообще-то Бронислава, Полина — псевдоним.

— А!

Гордиенко сидел рядом с Оскаром, а я сзади. Они о чем-то говорили, а я сидела как пыльным мешком прихлопнутая. Я сыграла спектакль! И мне аплодировали! И какая, в конце концов, разница, сколько в зале зрителей? Если сыграла перед одним, сыграю и перед многими, тем более что у меня такой партнер! Он просто не даст мне провалиться! Главное — открыть рот и запеть на сцене — я уже сделала!

Оскар привез нас к ресторану в двух шагах от отеля. Ресторан был рыбный, небольшой, но, кажется, достаточно изысканный. Во всяком случае, там было тихо, прохладно и немыслимой красоты официант поставил перед нами по маленькому стаканчику густой белой жидкости.

— Что это? — спросила я по-английски.

— Это от шеф-повара, горячий сок батата.

— Как интересно! — воскликнул Гордиенко и отпил. — Вкусно, Бронечка.

Это действительно оказалось очень вкусно. И необычно. Впрочем, сейчас в моей жизни все было необычно.

— Броня, ну что ж, вы просто молодчина. Заметили, что я играл по-другому, и откликнулись, пошли за партнером И у вас замечательно получились эти прыжки и пробежки! Просто здорово. Смешно жутко! Зафиксируйте обязательно.

— Юрий Митрофанович...

— Бронечка, не забывайте, что это все игра, и только, — мягко заметил он.

* * *

Я думала, что не усну ни на минутку, а задрыхла самым бессовестным образом, как будто мне не предстояло завтра впервые в жизни выйти перед залом...

Проснулась совсем рано. Море за окном было еще бесцветным. Я решила искупаться до завтрака, одна. Внизу никого не было, даже портье. Как здорово, что мы живем так близко от моря. На пляже было пустынно, только вдалеке занимался гимнастикой какой-то дядька, вокруг которого носилась собака. Лежаки еще громоздились высокими штабелями, песок был холодный. Я повесила сумку на заборчик, огораживающий вполне допотопную вышку спасателей, где пока никого не было. Хотя я не слишком хорошо плаваю, но воды не боюсь, наоборот, она доставляет мне невероятное удовольствие. Вода оказалась теплая, несмотря на ранний час, и я засмеялась от радости. Если бы еще совсем недавно мне кто-то сказал, что я приеду на гастроли в Израиль, я бы только покрутила пальцем у виска, а теперь это реальность, и вечером я выйду на сцену... После вчерашнего это не казалось мне уже таким неизбежным ужасом, я поняла, что не пропаду с Гордиенко. А он-то каков! Я вчера с первой минуты на сцене в него влюбилась, и потом, в ресторане... А он сказал, что это только игра... Я прислушалась к себе: влюблена ли я в него? Ничутьточки, как оказалось. Я просто сыграла с ним вместе эту влюбленность, потому что он хорошо знает, что делает. А вот Венька, наверное, так не смог бы. Но он и моложе Гордиенко насколько... Мне стало так легко при мысли, что я не влюблена в женатого и сильно немолодого Гордиенко, и я сразу вспомнила загорелые, стройные ноги Златопольского.

— Буська! — раздалось с берега. — Вода теплая?

— Очень!

Венька подплыл ко мне, отфыркался и, хлопнув ладонью по воде, обрызгал меня.

— Фу, дурак!

— Ну привет, кузина, как вчера сходили в ресторанчик?

— Клево!

— Что наш Митрофаныч?

— Улет!

— Ухаживает?

— Нет.

— Ладно врать-то! Он ни одной юбки не пропускает!

— Так я же в брюках!

— Ладно, поскольку ты все-таки мне родственница и выручила меня, я не стану говорить, что ты дура.

— Да и сказал бы, я бы не обиделась, потому что только полная, законченная идиотка могла согласиться на такую авантюру!

— Знаешь, у тебя в глазах нет паники... Странно, раньше она была, еще какая... Признайся, Буська, ты переспала с Митрофанычем?

— Какая пошлая идея!

— И все-таки?

— Полькой клянусь!

— Странно, я же вижу, он явно положил на тебя глаз.

На это я отвечать не стала. Не буду же я рассказывать, что Гордиенко вчера слегка дал мне по носу, объяснив, что это всего лишь игра. А я не обиделась, а только обрадовалась, но, кажется, не подала виду.

Венька дважды доплыл до волнореза и обратно.

— Буська, давай научу тебя нормально плавать. Ты не правильно дышишь. Научишься правильно дышать, сразу сможешь дальше плавать.

— Научи!

— Обязательно, только не сейчас. Умираю с голоду.

Когда мы уже уходили с пляжа, навстречу нам попался Дружинин, небритый, мрачный, весь какой-то не выспавшийся. Он молча поднял руку в знак приветствия и поспешил к воде.

— Какой противный!

— Да нет, он хороший парень, просто встал рано. Это мы с тобой жаворонки, а он сова.

— По-моему, актер по определению не может быть жаворонком. Вы же никогда рано не ложитесь.

— Нет, но я встаю все равно рано. Мне достаточно пяти часов сна.

* * *

И вот это свершилось! Мы сыграли свой спектакль, и успех был явным и несомненным. Правда, за час до начала Гордиенко, пошептавшись с Венькой и Оскаром, объявил, что мы играем нашу пьеску первыми. Потом он объяснил, что боялся, как бы я не перегорела. И, по-видимому, был прав. В дальнейшем мы будем играть последними, как предполагалось с самого начала. Рассказать, что я почувствовала, пока играла и когда выходила на аплодисменты, не могу. Просто не помню, это как будто происходило не со мной.

— Буська, я уже позвонил Польке, — шепнул мне Венька. — Ты просто молодчина, я не ошибся в тебе, сестренка!

Меня трясло, и он влил мне в рот немножко коньяку из фляжки Гордиенко. Потом мы с Юрием Митрофановичем тихонько вышли в зал посмотреть спектакль. Ах, как была хороша Барышева в чеховской «Драме»! Она ничем не напоминала Раневскую, была куда более простонародной и от неожиданности этого хода немыслимо смешной. Я заливалась хохотом, впрочем, может, это было на нервной почве. Златопольский читал рассказы Жванецкого на удивление изящно, не подражая автору, в какой-то совсем иной манере. Здорово. Последними на сцену вышли Дружинины. Сначала появилась Лариса, и публика ахнула — до того она была хороша. Потом появился Андрей. Куда девался мрачный, небритый тип? Он излучал обаяние и играл настолько естественно, забавно и заразительно — они исполняли смешной водевиль девятнадцатого века, приспособленный к нашему времени, — что постепенно все стали следить только за ним и стало видно, что он невозможно красив, а ее красота на сцене поблекла.

— Обратила внимание, никакой халтуры! — с гордостью прошептал Венька.

После спектакля был устроен легкий фуршет, все перекусили, слегка выпили и погрузились в микроавтобус, чтобы ехать в отель. На следующий день мы должны были играть в Аш-доде. Утром я опять пошла купаться и столкнулась внизу с Ларисой. Она была в коротеньких красных шортах и красной маечке. На ногах кроссовки.

— Привет, ты куда? — осведомилась она.

— Купаться, а ты?

— На пробежку! Ну пока!

И она унеслась в сторону набережной.

Потом из воды я видела, как она бежит — красиво и мощно. На обратном пути она меня догнала:

— Как вода?

— Теплая. А ты не купаешься?

— Потом! Я загорать люблю. А ты здорово поешь, я даже не ожидала. Только ты не профи, да?

— Нет, конечно!

— Сразу видно, но все равно здорово!

— Спасибо, мне приятно...

— А давай потом по магазинчикам прошвырнемся? Шмотки тут не ахти, но цацки можно купить недорого. Ты как насчет цацек?

— Нормально. С удовольствием пойду!

— Вот клево, после завтрака и пойдем, часика полтора пошастаем, а потом на пляж. Идет?

— Идет! — с радостью согласилась я. Обещанного Венькой арбуза не было.

Только очищенные и нарезанные красные грейпфруты. Но зато какая тут имелась селедка! Жирненькая, несоленая и розовая. Я была голодна как зверь и сделала себе два больших

бутерброда — ноздрястый серый хлеб, масло, селедка, а сверху крутое яйцо. Не бутерброд — мечта. А еще я взяла два куска очень аппетитного кекса и грейпфрут. И тут появился Венька:

— Привет, и ты собираешься все это сожрать, Буська?

— Сожру, будь уверен.

— Разжиреешь!

— Не твоя забота!

— Как это — не моя? Ты в моей труппе! — И он схватил один из бутербродов.

— Отдай!

— Обкусанный?

— Подавись, я еще сделаю! Ты мне обещал арбуз, а где он? Нету.

— Значит, ты селедку с яйцом жрешь вместо арбуза?

— Вот именно!

— Черт с тобой, жри что хочешь. Ты такая молодчина, что лишние килограммы я тебе прощаю заранее. Слушай, а сделай еще таких бутербродов, мне бы в голову такая прелесть не пришла. Купаться пойдешь?

— Уже купалась, а потом мы с Ларисой договорились прошвырнуться по магазинчикам.

— С Ларисой? Ты же говорила, что рядом вы будете как Пат и Паташон.

— Ничего. Как-нибудь. Она нормальная.

— Первый раз такое слышу. Скажи, Андрюха тебе вчера понравился?

— О да!

— А вообще как ты себя ощущаешь в новом качестве, а?

— Хорошо, но это не моя заслуга, а Гордиенко. Он все делает.

— Ну поешь, положим, ты сама... И я, кстати, слышал очень одобрительные отзывы.

— Обо мне?

— О тебе, дурища.

В этот момент появился Златопольский. Обворожительно улыбнулся:

— Привет, можно к вам подсесть?

— Садись, — разрешил Венька.

— А что это вы тут едите?

Вскоре и он уже с восторгом уплетал бутерброды с селедкой и яйцом. Ах, как он мне нравился! У него были кроме всего прочего такие изящные манеры! И обволакивающий голос...

— Броня, у вас дивный голос... Почему вы не стали певицей?

Я не успела ответить, как к нам присоединился Юрий Митрофанович и, разумеется, тоже польстился на бутерброды с селедкой. И все трое моих соседей по столу говорили, как хорошо я пепа.

После завтрака мы вчетвером вышли на крохотную терраску покурить.

И столкнулись с Дружининными.

— Ты уже поела? — спросила Лариса, а Андрей хмуро кивнул. — Тогда подожди меня, ладно? Я быстро.

* * *

Мы вышли на улицу Бен-Йегуды. И не спеша пошли по тенистой стороне, прилипая к витринам.

— Ты за границей часто бываешь? — спросила Лариса.

— Довольно часто, по работе приходится.

— Я тоже часто. Обожаю по магазинчикам прошвырнуться, в Москве некогда. Я тут уже была в позапрошлом году и помню как раз на этой улице одну лавчонку, даже не лавчонку, а заныр, там старуха торговала, недалеко. Я у нее тогда старинные бирюзовые серьги буквально за копейки купила.

— А браслеты у нее были?

— Какие?

— Понимаешь, мне кажется, к такой прическе нужны всякие тяжелые серебряные браслеты, чем больше, тем лучше.

Она смерила меня оценивающим взглядом и улыбнулась:

— Сечешь! Ой, вот эта лавка! Точно. Но тут закрыто!

— Наверное, еще рано, — предположила я.

— Может быть. Ладно, на обратном пути зайдём.

— Ларис, а ты в каком театре?

— Сейчас ни в каком. Раньше с Андрюшкой вместе играли, потом меня пригласили в один мюзикл. Там у меня пошло, но сборы были неважные, и мюзикл накрылся. А обратно в театр не берут. Но мне не больно и надо, все равно я там почти ничего не играла, так, при Андрюшке..., а я хочу сама, понимаешь?

— Вполне.

— А ты теперь работу бросишь или уже бросила?

— Боже упаси! Это так, авантюра в отпуске. Я даже внешность изменила. Чтоб не узнал кто-нибудь. Иначе меня турнут.

— Ты замужем?

— Нет, в разводе. Но у меня дочке двенадцать лет и...

— Послушай, Полина...

— Лар, я не Полина, я Бронислава. Полина — это моя дочка.

— Да? А на фига ты псевдоним взяла? Тоже для конспирации, что ли?

— Конечно!

— Ну ты даешь! Слушай, а мужик у тебя есть?

— Есть!

— Он в курсе?

— Нет. Он не поймет.

— Да они все ничего никогда не понимают, козлы. Да, кстати, я...

Она не успела закончить фразу. К ней кинулся высокий, широкоплечий мужчина в белых брюках и белом пуловере на голое тело. Лицо его показалось мне знакомым. Они обнялись.

— Ларчик, какими судьбами? — восклицал он, излишне крепко, на мой взгляд, прижимая ее к себе. — Вкалываешь или отдыхаешь?

— Вкалываю, — вздохнула она. — Вот познакомься, Сергуня, это моя подруга Броня.

— Шолом! — почему-то сказал он, глядя на меня с высоты своего гренадерского роста. — Манишма?

— Что? — обалдела я.

— А вы что, иврита не знаете?

— Извините, нет.

Лариса согнулась пополам от хохота:

— Ты решил, что она местная?

— Честно говоря, да. Я тут уже две недели и немножко наблатыкался на иврите.

— А я еще не наблатыкалась! — заявила я.

— А вы кто?

— В каком смысле?

— Броня — певица. Классная. Приходи к нам на спектакль, оценишь.

У меня внутри все растаяло. Про меня говорят, что я певица! Классная! Причем Лариса ведь и сама поет... Да она просто отличная баба! Что бы там ни говорил Венька. Он, наверное, подкатывался к ней и получил по носу. Вот и выдумывает невесть что... Или у них что-то было? Впрочем, какая разница.

— Не уверен, что смогу, мы и сами почти каждый вечер играем! А твой-то красавец тоже тут?

— Конечно.

— Жалко.

— Сергунь!

— Да я пошутил! Ларчик, а можно тебя на два слова, извините, девушка!

Он отвел ее в сторонку и стал что-то нашептывать.

— Броня, извини, — подошла ко мне Лариса. — Слушай, у меня к тебе просьба.

— Да.

— Не надо говорить Андрею, что я.., ну что мы встретили его, ладно?

— Хорошо, — пожала я плечами. Ее Андрею и захочешь что-то сказать, так сто раз подумаешь.

— Он ревнивый как... А с Сергейой у меня еще до Андрея было... Словом, сама понимаешь.

— Без проблем!

Мы еще побродили и вернулись к той же ювелирной лавчонке. Она по-прежнему была закрыта.

— Облом! — вздохнула Лариса. — Скорее всего, старушка отдала богу душу, а замены не нашлось. Знаешь, тут многое переменялось. На набережной у фонтана было отличное кафе. А теперь нету. Разорились, наверное, кризис у них.

— А я слышала вчера, Оскар говорил, что кризис уже кончился.

— Правда? Я пока не заметила, но дай им Бог, как говорится.

* * *

Мы сыграли уже четыре спектакля, и наутро я проснулась с ощущением счастья, которое тут же скукожилось. Вот те на! Моря практически не видно из-за густой, желтоватой дымки. Из окна веет горячим паром. Хамсин! Нам его предрекали с первого дня, а его все не было. Я закрыла окно, включила кондиционер. Зазвонил телефон.

— Буська, зайди ко мне, я умираю! — прошелестел Венька.

— Что? — испугалась я.

— Хамсин, черт бы его взял! Зайди, прошу!

Вид у него был несчастный. Хотелось пожалеть, приласкать, но как-то не верилось, что у еще

молодого, полного сил мужика может быть такая реакция на погодные неурядицы.

— Что с тобой?

— Голова раскалывается, и сердце давит.

— Врача вызвать?

— Нет, что ты... Просто, Бусечка, будь другом, сделай мне массаж, помнишь, ты делала года два назад. Виски и шею... Мне так тогда помогло!

Он смотрел на меня умоляющими, несчастными глазами.

— Так и быть, хотя не понимаю, почему ты не попросил свою даму.

— Какую даму? О чем ты?

— Да вот... — Я подняла с полу довольно безвкусную заколку для волос. — А в ванной бутылка из-под водки. Следы ночного гульбища налицо. Тебе опохмелиться надо!

— Думаешь? — простонал он.

— Уверена... И хамсин тут ни при чем.

— А массаж?

— Перетопчешься.

— Тогда дай чего-нибудь выпить.

— Где я тебе возьму?

— Бусечка, помоги!

— Ладно, попрошу у Гордиенко.

— Нет, только не это!

— Почему?

— Буська, но я же руководитель группы... Неудобно. Умоляю!

— Где я тебе с утра раздобуду выпивку, если не у наших?

— О, знаю! Я сейчас закажу в ресторане. Только все равно заказывать придется тебе, я ж плохо говорю по-английски.

— А на иврите еще не наблатыкался?

— Наблатыкался? Это еще что за словечко? Кошмар какой-то! Звони, Буська, не медли, бога ради!

Я позвонила и заказала ему спиртное.

— И почему я вечно должна расхлебывать твои делишки? Помнишь, как ты спьяну назначил

свидание моей подружке, а потом звонил и умолял меня отмазать тебя, ты забыл, что в этот вечер футбол по телевизору. А девушка-то уже губы раскатала, бедняжка. И ведь я ее предупреждала, чтобы она ни одному твоему слову не верила...

— Вероятно, такова сила моего обаяния.

— Нет, сила ее идиотизма. На тебе же аршинными буквами написано: чудовищный бабник!

— Не выдумывай, я не бабник! Ну или пассивный разве что... Я иногда сижу себе, никого не трогаю, а они лезут... Помнишь, у меня, когда Франтик был...

— Помню Франтика, чудный был пес.

— Чудный-то чудный, но уж если учует где течную суку, так его ничем не удержишь, с поводка срывался, из дому удирал, скотина.

— Ты это к чему?

— Просто вспомнил его в связи с одной... У нас на бульваре тогда ходила одна с борзой. Ох, как она меня доставала... Я от нее бегал...

— Ты сейчас всех своих баб вспоминать будешь? Или только тех, от которых бегал? Кстати, ты от той борзой убежал или тебя все-таки настигли?

— Настигли... — тяжело вздохнул он. — Но потом я, к счастью, уехал на гастроли. Слушай, Буська, а мне легче стало! Ты, как всегда, меня спасла.

— Это коньяк. Ладно, я пошла завтракать!

— Я тоже сейчас спущусь. Ты мне там сделай два бутерброда с селедкой. Хотя вообще-то я бы предпочел сейчас тарелку щей.

— Да?

— Да! А ты хочешь сказать, что можешь мне и это обеспечить?

— Вообще-то конечно, но не сегодня.

— Как?

— Объясняю! Ты трахаешь местное население не в гостинице, а на дому. Но заранее оговариваешь, что на завтрак тебе нужны щи. Думаю, любая эмигрантка из СНГ сварит тебе целую бадью.

— Дура ты, Буська, но рациональное зерно в этом есть.

* * *

За завтраком собралась вся наша труппа. И говорили только о хамсине.

— Мне горничная сказала, что к вечеру он должен сломаться, — поведал собравшимся Златопольский.

— Дай-то бог, — вздохнула Барышева, — просто ни на что нет сил. Я хотела сегодня

пробежаться по магазинам, и вот на тебе. Носа не высунешь. Интересно, а в хамсин хоть кто-то придет на спектакль?

— Придут, куда денутся, билеты-то уже проданы, — заметил Гордиенко. — И к тому же народ тут привычный, работают все... А после работы с кайфом пойдут в театр. Не у всех дома есть кондиционеры.

— Но к вечеру, может, хамсин и вправду сломается, — пролепетала Барышева.

В какой-то момент Лариса шепнула мне:

— Броня, выручи меня!

— С удовольствием, но как?

— Предложи куда-нибудь пойти!

— В такую жару?

— Да! Скажи: пойдём на Дизенгофф! Это недалеко, и там кондишн.

Я уже знала, что речь идет о торговом центре.

— И что дальше?

— Бронечка, это очень важно для меня, будь человеком, помоги. Часик-полтора походишь по магазину, посидишь в кафе, там вполне цивилизно. А потом я тебя заберу. Ну пожалуйста.

Мне это не очень понравилось, но отказать в таком деле было неловко.

— Ты не думай, что я на блядки! — заявила по дороге Лариса.

— А куда же? — удивилась я.

— Понимаешь, меня Серега хочет познакомить с одним продюсером... Андрей тогда увяжется со мной, а это ни к чему.

Я не поверила ни одному ее слову. Но, в конце концов, какое мне дело?

Она довела меня до большого современного торгового центра, где на входе у нас проверили содержимое сумочек. Лариса уверенно довела меня до кафе на первом этаже:

— Сейчас пол-одиннадцатого. Полпервого жди меня на этом месте. Договорились?

— Ладно.

Она умчалась, сияя радостью и красотой, а я пошла бродить по кондиционированным холлам и бутикам. Но мне это быстро надоело и почему-то ничего не нравилось. Потом забрела в отдел парфюмерии и стала от нечего делать нюхать духи. Вдруг кто-то положил руку мне на плечо. Я испуганно обернулась и похолодела. Передо мной стоял Андрей. Небритый, мрачный.

— Где Лара?

— Лара? А... А я не знаю. Мы... Она где-то бродит..., я не знаю, мы просто договорились

встретиться в кафе, у нас разный.., темпоритм, — брякнула я первое, что пришло в голову.

— Что? Темпоритм? Да, у вас разный темпо-ритм, это точно, — улыбнулся он. — Давай говори, куда она пошла.

— Откуда я знаю? Я оставила ее в обувном. Она примеряла, по-моему, тридцать первую пару. Мне стало скучно, и я ушла. — Поняв, что вру достаточно правдоподобно, я осмелела. В конце концов, тут потеряться вполне реально. Плохо только, что Лариса явится без покупок.

— Пошли, — распорядился он и взял меня за руку.

— Куда?

— А в кафе, где вы встречаетесь. Посидим подождем вместе. Сразу видно, что ты ничего покупать не собираешься. Пошли-пошли!

Не устраивать же скандал, пришлось подчиниться. Мы сели за столик. Тут же подбежала официантка.

— Ой, это вы! — воскликнула она, глядя на меня.

— Что? — не поняла я.

— Я вас вчера в театре видела! Вы так здорово пели! Ой, а вы не дадите мне автограф? Ну, пожалуйста.

Автографов я еще не давала никогда! И тут ее взгляд упал на Андрея.

— Ой, мамочки, как повезло! — закатила она глаза. — А вы не распишетесь тут же, а? Ну пожалуйста!

Девушка протянула нам листок из блокнота, где мы благополучно и расписались.

— Вот спасибо, жалко, у меня фото нет. А у вас нету?

— Нет, что вы... Мы с собой не носим, — поспешила я ответить, чувствуя, что Андрей может схамить девушке.

— Ну все равно спасибо большое. Знаете, у нас тут торт ванильный вкусный. Не хотите?

— Нет, спасибо, мне просто воды.

— С газом?

— Нет, с лимоном, если можно.

— А мне эспresso, большую чашку, — мрачно сказал Андрей.

Я украдкой глянула на часы. До возвращения Ларисы в лучшем случае оставался еще целый час. А он явно намерен ее дожидаться. Перспектива провести целый час в его обществе показалась мне поистине кошмарной. Но ничего не попишешь.

Девушка принесла заказ. Андрей выпил глоток кофе и поднял глаза. Я обомлела. И дело не в том, что глаза у него потрясающе красивые — светло-зеленые с темным ободком вокруг

зрачка, но в них была такая боль и мука, что у меня сердце зашлось от жалости.

— Скажи, куда эта шалава девалась?

— Откуда я знаю? Скорее всего, все еще в обувном торчит.

Я уже успела заметить, что обувь у Ларисы потрясающая, и она все время ее меняет, да и она обмолвилась, что туфли ее слабость.

— Врешь!

— С какой стати мне врать? Не верите, пойдите и попросите объявить по радио, что ждете ее. А кстати, что-то случилось или вы просто следите за женой?

— Говори мне «ты». А потом..., какое тебе дело, слежу я за ней или нет?

— Да следите себе, ради бога, просто я тут совершенно ни при чем.

— Вот чертова женская солидарность! Ты что, подружилась с Ларкой?

— А хоть бы и так!

— Зря. Она дружить не умеет. Она просто использует тебя, когда ей нужно. И хорошо еще, если не обольет грязью за глаза.

— Послушайте, если вы такого мнения о своей жене, зачем же вы с ней живете?

— Если бы я мог ответить на этот вопрос... — горько проговорил он. — Ты хорошая девочка, наивная... Только не вздумай становиться актрисой!

— И не собираюсь.

— Значит, умная девочка.

— Я не девочка, у меня дочери двенадцать лет.

— Да? А у меня сыну тринадцать. Такой парень...

— Похож на вас? — Я с удовольствием переменяла тему.

— Похож, говорят. А твоя дочка на тебя похожа?

— Нет, она в отца.

— А кто твой муж?

— Мы в разводе.

— Извини. Тебе легко с дочкой? Вы находите общий язык?

— По-моему, да. А вы разве нет?

— Как-то не очень. Но мы же не живем вместе, я очень занят всегда...

— А я вот хотела спросить... Вы действительно занятой человек. Театр, кино, телевидение...

Как вы сумели выкроить время для таких гастролей? Все-таки три недели...

— Это было нелегко, но... Я, знаешь ли, долго болел, лежал в больнице, из каких-то проектов выпал... Образовалось время, и хотелось побывать еще раз в Израиле.

— А сейчас вы здоровы, все прошло?

— Ты почему спросила? Слушай, брось ты эту дурацкую манеру, говори мне «ты», будь проще.

— Я попробую.

— Ты хорошо поешь. И маночек в тебе есть. Не умеешь, конечно, ничего, но с Гордиенко можно и не уметь, он сам столько умеет... Классный артист, самый классный из нас всех... А чем ты в обычной жизни занимаешься?

— Я переводчица.

— А...

Он замолчал. Потом вдруг протянул руку и дернул меня за кудрявую прядь.

— Ай, вы что, с ума сошли? Больно же!

— Хотел проверить, не парик ли...

— Я что, больная, в такую жару в парике ходить?

— Почему? Ортодоксальные еврейки же ходят в париках.

— Я им сочувствую.

И тут вдруг до меня дошло: я же в Израиле, в такой потрясающе интересной стране — и еще ничего здесь не видела. Совсем ничего, кроме моря, набережной и улицы Бен-Йегуды.

— Андрей, а вы что-нибудь тут уже видели?

— Ты про что?

— Про Израиль?

— В прошлый раз многое, а сейчас еще ничего.

— И я ничего. Обидно. Хотя у нас будет целая неделя... Оскар обещал экскурсии.

— Ненавижу ходить стадом. Слушай, у меня идея.

Мне стало как-то страшно.

— А давай завтра с самого утра мотанем в Иерусалим?

— Как?

— Очень просто. Я возьму напрокат машину, и поедем!

— А Лара?

— Нет. Вдвоем.

— Ерунда!

— Почему?

— Не хочу!

Самое ужасное было в том, что я хотела! Поехать вдвоем на машине... Хоть в Иерусалим, хоть к черту на кулички! Было в нем что-то такое при ближайшем рассмотрении... Что хотелось рассмотреть еще ближе. Но у него Лара, у меня Женя... А кстати, Женя за эти дни ни разу мне не позвонил. Это очень странно и как-то даже тревожно. Надо сегодня самой ему позвонить.

— Почему не хочешь? Боишься? — как-то даже зловеще поинтересовался он.

— Чего мне бояться, кроме арабских террористов? Говорят, в Иерусалим одним лучше не соваться.

— А меня не боишься?

— Нет. Но с женатыми мужчинами дел не имею.

— Плохо твое дело.

— Почему это? — возмутилась я.

— Выбор мизерный. Большая часть мужиков — в браке, чуть меньшая — «голубые», а остальные — импотенты. Ну или соплики.

— Знаете, я на отсутствие мужчин не жалуюсь.

— И все неженатые?

— Чему вы так удивляетесь? Даже в нашей крохотной компании трое неженатых!

— Трое?

— Ну да.

— Венька и Демин. А третий кто?

— Златопольский.

— Так он «голубой»!

— Что? — ахнула я и ощутила горькое разочарование.

— Да, Вовочка «голубенький» у нас. Правда, это не бросается в глаза, у него хороший вкус, но... А Веня твой брат. Хотя с двоюродным можно... Ну а Демин для тебя староват. Облом!

— Слушайте, что вы такое несете? — разозлилась я. — Какое вам дело до моей половой жизни?

Он рассмеялся. А у меня внутри все оборвалось, так он был хорош...

— Кто знает! — загадочно произнес он. — О, а вот и моя шалава!

К столику, восторженно сияя, подходила Лариса. Ни следа изумления или испуга на лице заметно не было, а самое интересное было то, что в руках она держала обувную коробку!

— Привет! Андрюха, ты чего сюда приперся? Проверять? Извини, Бронечка, я в обувных дурею... — Она вытянула вперед потрясающую ногу. На ней были сандалии, ремни которых оплетали ногу выше колен. С ее минимальной юбкой это выглядело здорово.

— Красиво!

— Дрюнь, а тебе нравится?

Меня чуть не стошнило от этого «Дрюнь». Ему это так не шло.

— Нормально, — буркнул он.

— Ой, кофе хочу! И воды!

— Ладно, я пошел!

Он встал, положил на столик кучку шекелей и быстро ушел.

— Он давно приперся?

— Давно!

— Приставал?

— В каком смысле? — опешила я.

— В обычном, как мужик.

— С ума сошла! Он всегда за тобой следит?

— Нет, только когда время есть, — рассмеялась она. — А ты небось перебздела?

— Неприятно было, честно скажу.

— Ну извини, подруга, так получилось.

— Хорошо, хоть ты догадалась что-то купить. Я как раз наврала ему, что оставила тебя в обувном.

— Молодец! С меня бутылка!

— Ну как продюсер? — спросила я.

— Какой продюсер? Ах, ну да..., нормально, кажется, все путем!

Да, все ясно, ни с каким продюсером она не встречалась, только что выскочила из койки, впрочем, может, из койки продюсера? Мне было неприятно, что меня использовали в качестве ширмы. Хотя сама виновата, я же сразу смекнула, что к чему. Мне стало искренне жаль Андрея.

— Лар, а ты что, Андрея не любишь?

— Ой, да брось ты! Любишь — не любишь! Люблю, но почему я должна себе отказывать в жизненных радостях? Он, между прочим, тоже далеко не святой. Знаешь, как на него бабы западают?

— Догадываюсь. Венька тоже жалуется.

— Да понятное дело, Венька клевый. Только у него характер лучше, чем у Андрея. Легче. Андрей мрачный, мнительный, ревнивый.

— Так у него все основания есть.

— Да он не только к мужикам ревнует. Даже к успеху!

— Что это значит? — удивилась я.

— Он не хочет, чтобы у меня был успех! Знаешь, как он радовался, когда наш мюзикл прикрыли? Просто счастлив был. А как не хотел, чтобы я сюда ехала!

— А мне Венька говорил, это он настоял, чтобы ты поехала...

— Пришлось. Я ему так в печенки вгрызлась!

— Ладно, пошли, мне тут надоело!

Мы вышли на улицу, и нас обдало тяжелым, липким жаром.

— Ого! — ахнула я. — Ничего себе!

— Нормалек! Мне даже нравится! — засмеялась Лара.

Я посмотрела на нее как на сумасшедшую.

Добравшись до номера, я первым делом позвонила Жене. Его мобильник не отвечал, а звонить на работу мне не хотелось. Ладно, попозже позвоню еще. В конце концов, если бы что-то случилось, мне бы уже сообщили. Его секретарша прекрасно знает номер моего мобильного. На этом я успокоилась. И решила поспать. О том, чтобы идти к морю, не хотелось и думать. Надо просто дожить до вечера, сесть в автобус с кондиционером и доехать до города Реховот. Говорят, езды до него меньше часа. Может, к тому времени хамсин кончится или, как говорят здесь, сломается? Невероятно, я сыграла всего несколько спектаклей, а вечер уже не вызывает у меня ужаса. Значит, я не актриса, а так.., скорая помощь. И я улеглась спать. Но заснуть мне не дали. Явился Венька.

— Чего тебе?

— Побеседовать надо.

— О чем опять?

— О тебе!

— Ну?

— Буська, ты что вытворяешь?

— Я? А что я вытворяю?

— Ты зачем к Андрюхе лезешь?

Я подскочила как ужаленная:

— Я? Лезу? Кто это тебе наплел?

— Мне сказали, не важно кто, что видели тебя с ним в кафе, и ты просто неприлично себя там вела, ну и все такое...

Очень интересно!

— Да? Ну надо же! И кто же это тебе сообщил? Уж не Лариса ли?

— Нет. У меня свои осведомители. Предупреждаю —дохлый номер! Даже если он тебя милостиво трахнет...

— Слушай, ты, моралист хренов, я никогда и никому не позволю себя милостиво трахать, заруби это на своем глупом актерском носу! — заорала я.

Он хлопнул в ладоши:

— Браво, Буська. Это прозвучало просто великолепно! Но все-таки имей в виду.

— Что? Что я должна иметь в виду?

— Если тебе так уж надо, потерпи до Москвы, а там делай что хочешь. А мне в группе такой геморрой не нужен. Если очень приспичит, скажи мне.

— И что? — Найдешь кого-то или свои услуги предложишь, благо двоюродный? — вне себя от злости крикнула я.

Он весьма озадаченно смотрел на меня:

— А что? Интересная мысль! Может, нам вообще следовало бы пожениться, а, Буська?

— Да пошел ты! Уходи, я спать хочу.

— Не ври, ты такая злющая, что ни за что не уснешь.

— Это правда, но ты все равно козел.

— Значит, про Андрюху вранье?

— Конечно. На фиг мне сдался женатый, мрачный, вечно небритый тип?

— Разумно, Буська. Я рад. Вот видишь, недоразумение выяснилось.

— А кто все-таки тебе насплетничал, явно что баба. Неужто Барышева?

— Да боже сохрани! Татьяна Ильинична тиходохнет у себя в номере.

— Тогда кто?

— У меня тут разветвленная шпионская сеть.

* * *

К вечеру хамсин, кажется, и впрямь начал ломаться.

Едва мы выехали с нашей улочки, как у меня зазвонил мобильник. Женя! Наконец-то!

— Броня? Что случилось? — Голос звучал как-то необычно.

— А что случилось?

— Ты заболела?

— Женечка, это пустяки, просто представилась возможность легко и недорого с этим справиться.

— Лечишься, значит?

— Ну да. Тебе Польша сказала?

— Разумеется. Но все так внезапно... А что ты сейчас делаешь? В данную минуту?

Он любил иногда звонить и спрашивать, что я делаю в данную минуту.

— Скучаю, — тихо сказала я. В небольшом пространстве микроавтобуса каждое слово было всем слышно.

— Тебе там скучно? — В голосе прозвучала явная ирония.

— До ужаса!

— И компании нет?

— Откуда? Я тут всего несколько дней, да и вообще...

Если бы не свидетели, я бы наврала ему с три короба, но тут...

— А как Мертвое море?

— Да как тебе сказать...

Венька настороженно смотрел на меня.

— Так и скажи. А лечение тебе помогает?

— Еще рано судить, но я... Я тебе много раз звонила, но ты не отвечал.

— Возможно.

— Жень, как там Полина? Ты ее видел?

— Разумеется. С ней никаких проблем. Прозвучало это так, что, со мной зато проблем до фига и больше.

— Но ты еще помнишь про пятнадцатое июля?

Пятнадцатого июля должно состояться наше бракосочетание.

— Господи, Женя, я потому и поехала... И вообще...

— Тебе там что, неудобно говорить?

— Да, именно. Процедуры... Понимаешь?

— Понимаю. Ну ладно, до скорого!

Он отключился. Злится. Этого следовало ожидать. Ну и ревнует, вероятно.

Я спрятала мобильный в сумочку и поймала на себе весьма насмешливый взгляд Андрея.

Чтобы не думать о разговоре с женихом, я стала из-под ресниц разглядывать Златопольского. Неужто Андрей сказал правду? Но я ничего не замечала. Впрочем, я не такой уж специалист в этом вопросе. Но мне стало немного грустно. Он мне так нравился, этот наш Хью Грант.

— Твой звонил? — спросил Венька.

— Да.

— И что?

— Недоволен.

— Я его понимаю. Но если бы он узнал правду, его недовольство было бы куда сильнее.

— Надеюсь, он ее не узнает?

— От меня, конечно, не узнает, да он и меня-то в глаза не видел. Кстати, ты нас познакомь, я посмотрю на него. Может, он нам и не подойдет.

— Нам?

— Конечно, нам. Мы же все-таки семья. Ты не расстраивайся, Буська. Поревнует и перестанет. Мы будем на Мертвом море. Сфотографируешься там во всех видах и предъявишь жениху. Он сразу уймется.

— Вот с этой прической?

— Ну и что? А ты разве не имеешь права изменить прическу?

— Имею, наверное. Но не в этом случае.

— Почему?

— По кочану! Внезапно уезжаю лечиться и делаю себе такую экстравагантную голову?

— Да брось, если он нормальный мужик, ему понравится! Тебе так идет!

— Видишь ли, кузенчик, ему ужасно нравилась моя гладкая голова. И строгий пучок.

— Просто он тебя такой еще не видел. Мне, например, ты раньше тоже нравилась, но теперь нравишься в сто раз больше. И Гордиенко, кстати, тоже. Так что не дрейфь. А если не получится... Ему же хуже. А ты и без него обойдешься прекраснейшим образом. Ты что, так безумно его любишь?

— Откуда я знаю?

— Ну вот видишь!

— Ты не понимаешь, у него полный контакт с Полиной. А это очень ценно. Двух претендентов она сгнобила.

— Но замуж-то за него ты собираешься, а не Полина.

— Отвяжись от меня. Ты, может, мне всю жизнь поломал!

— Дура ты, Буська. Я подарил тебе кусочек другой жизни. А выбор за тобой!

И он обратился с чем-то к Барышевой.

* * *

После спектакля хамсин окончательно сломался, было свежо и приятно. И мы решили всей компанией пойти ужинать в кафе «Лондон», что на набережной. Было весело, мило, Венька и Демин травили байки, и делали это на редкость талантливо и артистично. Барышева изредка что-то рассказывала. Лариса тоже пыталась, но она этого не умела, у нее получалось длинно, путано и не смешно. Андрей вообще помалкивал и только без конца курил. А мне рассказывать было как-то нечего, да я и стеснялась вылезать. С нами был еще и Оскар. Чувствовалось, что ему безумно нравится все, что тут происходит. Он основательно подвыпил и в какой-то момент вдруг прошептал мне:

— Бронислава, у вас завелся персональный поклонник!

— Да? И кто?

— Я говорю вам это по секрету! Он вас увидал в Ашдоде и теперь бывает на каждом спектакле!

— О! Я польщена! И кто он такой?

— Фигура неромантическая.

— Тогда к чертям его!

— Ну вряд ли вы его пошлете к чертям, когда он объявится. Я говорю вам это под большим секретом, даже Вениамин ничего не знает.

— Оскар! Я вас не понимаю!

— Видите ли, ему еще не все ясно, но у него уже есть кое-какие намерения...

— Гнусные?

— Отнюдь! Хотя кто его знает...

— Оскар, бросьте эту таинственность.

— Ладно, забудьте, язык мой враг мой. Может, ничего еще не будет.

В этот момент к нему подошел официант и что-то зашептал на ухо. Оскар встал и скрылся в темноте. Но вскоре вернулся.

— Броня, вас там спрашивают.

— Меня? Кто?

— Какой-то мужчина.

— Поклонник с гнусными намерениями?

— Наверное, но это не мой поклонник, вернее, я с ним незнаком.

— А почему он не подойдет сюда?

— Не хочет... Вот его визитка, вам это что-то говорит?

На визитке значилось: «Евгений Николаевич Фролов».

Я похолодела. Женя здесь? И вскочила как ужаленная.

— Я вас провожу! — вызвался Оскар. — И если вам неприятно, дайте мне знать. Я его спроважу!

За дальним столиком у выхода из кафе сидел Женя.

Он встал мне навстречу:

— Привет, не ожидала?

— Бронечка, я вам не нужен? — шепнул Оскар.

— Нет, спасибо, все в порядке, — шепнула я в ответ.

Оскар исчез.

— Ну и что все это значит? — каким-то ненатуральным голосом спросил Женя.

— Как ты меня нашел?

— А ты этого не хотела? Ну еще бы!

— Женя, вот видишь...

— Да уж, вижу! Я, как последний кретин, испугался, что такое случилось с моей Бронечкой! Заболела!

— Женя, я просто...

— Ну и ради кого ты ввязалась в эту авантюру? Ради Гордиенко? Он же старый!

— При чем тут Гордиенко? Я выручила своего двоюродного брата!

— Ты с ним спишь?

— Ты рехнулся?

— Не надо мне рассказывать, что в Москве, кроме тебя, не нашлось ни одной актрисы, которая могла бы подпрыгивать и трясти кудрями! Бред, чистой воды бред!

— Мне тоже так казалось. Но так вышло... Мне и самой странно... А ты что, видел спектакль?

— А как же!

— Тебе не понравилось?

— А что там может понравиться? Самодеятельность!

— Но людям нравится...

— Что им нравится? Им нравится, что к ним такие знаменитости приехали, в это чертово пекло! Халтура — она и есть халтура! Подсунули публике голосок с кудряшками, она и хакает! Кстати, с этой прической ты похожа на обезьянку.

— Ты хочешь меня обидеть?

— Правда всегда звучит обидно!

— Тогда зачем ты пришел сюда? — разозлилась я. — Посмотрел, не понравилось, сел в самолет и улетел. А потом прислал эсэмэску: «Прости, дорогая, нам дальше не по пути». Зачем разводить туры на колесах?

— Потому что я тебя любил!

— Любил? А теперь разлюбил? Ну и до свидания!

Я хотела уйти, но он схватил меня за руку:

— Броня, подожди, я, наверное, погорячился, мне обидно, что ты меня обманула... Если ты завтра утром улетишь со мной, я обещаю никогда больше не вспоминать об этом! Забуду раз и навсегда!

— Нет, я не могу! Пойми, я же связана с людьми, я не могу их так подвести!

— Глупости, обойдутся и без тебя!

— Если бы могли обойтись, не тащили бы меня сюда.

— Ну что ж, обольщайся... Но тогда.., тогда конец. Мне не нужна такая жена.

С одной стороны, мне было обидно до слез, а с другой — я вдруг испытала невероятное облегчение.

— По-видимому, ты давно это понял, а теперь просто придрался к случаю. Кстати, откуда ты узнал?

— От Полины! Мне жаль, что она.., остается с такой матерью.

— Здрасте, я плохая мать?

— А что хорошего? Обыкновенная блядь! Пока! Он встал и быстро пошел прочь.

Вот и нет у меня жениха. Может, и к лучшему? Он был из той смертельно надоевшей жизни... Но все-таки обидно...

Я стояла у столика, подставляя лицо морскому ветру, чтобы поскорее смыть слезы обиды и возмущения.

— Ты чего тут стоишь? — спросил тихо Андрей, — очевидно, на пути из сортира он заметил меня. — Кто этот мужик?

— Жених. Бывший.

— Это сейчас выяснилось?

— Что?

— Что бывший?

— Да.

— Ты его любишь?

— Наверное, нет.

— Тогда чего страдать? Пошли. Будут у тебя еще женихи. Ты такая милая... — Он положил руку мне на плечо.

У меня вдруг комок подступил к горлу.

— Не вздумай реветь.

— Я не буду... Сейчас... Ты иди, я приду...

И тут вдруг возле нас опять вырос Женья.

— Ну вот я все и выяснил, — проговорил он насмешливо.

Я почувствовала, что он взбешен.

— Андрей, иди. Я сама...

— Нет. Я постою рядом. А то мало ли...

— Ну а как же! Сыграть рыцаря ничего не стоит. Но не волнуйся, я человек цивилизованный, женщин не бью. Даже таких блядей...

— А я вот нецивилизованный и хамов всегда бью!

— Андрей! — завопила я. — Не надо! Уходи, Женья!

В этот момент прибежал Венька:

— Что тут происходит? Буська, в чем дело?

— Буська? А что, собачья кличка тебе очень подходит. Прости за «обезьяну», ты и в самом деле больше похожа на собаку. Настоящая сука!

Течная!

Андрей рванулся к нему, но Венька его опередил и сильно пихнул Женю. Тот только рассмеялся:

— Точно течная сука, вон кобели как ярятся. Пока, Буська!

И он перепрыгнул через парапет прямо на песок пляжа.

Андрей рванулся было за ним, и Венька тоже.

— Не надо! — крикнула я. — Не надо, не связывайтесь!

Хорошо, что в кафе еще играла музыка. Андрей пожал плечами.

— Вообще-то хамов надо наказывать, но желание дамы — закон. — С этими словами он вернулся к столу.

А я разревелась, прижавшись к Веньке.

— Ты чего реवेशь? Жених бросил? Да тебе перекреститься надо. Он тебе не пара совсем. Говно мужик!

— Я не знала...

— Что он говно? А почему брату не предъявила? Я бы сразу разобрался, что к чему. Ну все, не реви! Я терпеть не могу, когда ревут... Пошли, выпьешь немножко — и успокоишься.

— Нет, я пойду в гостиницу.

— Тоже дело. Я тебя провожу.

— Не стоит.

— Что за чушь! Пошли! Слушай, а как он пронюхал?

— Полька меня сдала.

— Вот паршивка!

— Она его любит, а мной гордится... Вот и решила, что он тоже будет гордиться...

— Если хочешь знать, он никуда не денется. Попсихует и успокоится.

— Я не хочу больше...

— Вот и умница. Нам такой хоккей не нужен. А кстати, что там делал Андрюха?

— Проходил мимо.

— Что-то он часто проходит мимо...

— Не выдумывай, он помешан на Лариске, следит за ней, проверяет...

— Будем надеяться.

Венька поднялся со мной в номер.

— Буська, ты собираешься тут реветь в одиночестве?

Я прислушалась к себе. Плакать не хотелось.

— Нет, лягу спать. Устала очень.

— Заснешь?

— А если нет, ты будешь меня убаюкивать, колыбельную петь? Вень, а правда, что Вовик «голубой»?

— Ты не знала?

— Нет, он мне так нравился...

— Бедная Буська, сколько разочарований...

— Да ну тебя, дурачина!

— Но не простофиля! Но Полине всыпь по первое число! Что за дела!

— Больше всех пострадала она сама. Она в Жене души не чаяла.

— Ну и дура!

Утром я проснулась довольно поздно. Как ни парадоксально, спала я прекрасно. Море за окном было уже синее, и видны были легкие волны. К тому же я зверски проголодалась. Вчерашний день, такой длинный, насыщенный, отодвинулся очень далеко. Женю я вспомнила без злости, скорее с какой-то сторонней иронией. Как будто он не со мной объяснялся, а с кем-то другим, а я со стороны на это взирала. Наверное, все к лучшему, в этом, безусловно, лучшем из миров.

За завтраком я встретила Барышеву. Остальные то ли еще спали, то ли уже поели.

— Броня, что вчера был за скандал? Андрей молчит как партизан. Вы с Вениамином смылись потихоньку...

— Ой, Татьяна Ильинична, ничего интересного. Скандал на почве ревности.

— Кто к кому приревновал-то?

— Один дурак к моей новой ипостаси...

— Не хочешь говорить?

— Я стараюсь забыть.

- Правильно, между прочим. Извини за вопрос. Не знаешь, нам сегодня далеко ехать?
- Нет. Сегодня мы тут играем, в Тель-Авиве, и завтра тоже. А потом едем на Мертвое море.
- Ох, хорошо, два дня никуда не ехать... Приятно, черт побери. А ты знаешь. — она вдруг как-то таинственно понизила голос, — похоже, Андрей на тебя глаз положил.

По спине побежали мурашки.

- Да ну, с чего вы взяли?
- У меня глаз знаешь какой наметанный. Он мне нравится, хороший парень, талантливый. Только крученный очень... Для жизни негодный, а пороманиться с ним можно... Одни глаза чего стоят...
- Он мне не нравится.
- Да ты что! Почему?
- Слишком мрачный и вечно небритый. Не люблю. Да и не до романов мне сейчас... Татьяна Ильинична, можно вас спросить?
- Спрашивай.
- Мне один человек сказал, что я ничего не умею... Я и вправду не умею, я сама понимаю, но это сильно бросается в глаза?
- Ты о чем?
- Ну.., я играть не умею...

Она улыбнулась:

- Разумеется, не умеешь. Откуда бы? Но смотришься мило, обаятельно, а поешь просто здорово. А потом, Юра так много умеет, что тебе необязательно. Одно скажу, если тебя это волнует, — обедню нам ты не портишь.
- Спасибо.
- А ты дальше-то что думаешь делать?
- После гастролей?
- Ну да.
- Становиться актрисой не собираюсь. Поздно уже.
- А петь?
- Тоже поздно.
- Ну петь-то, положим, не поздно. Хотя сейчас, чтобы пробиться...

— Нет, не хочу я никуда пробиваться, да и не умею. И потом, у меня дочке двенадцать лет, возраст такой трудный, надо ею заниматься, а не артистической карьерой. Так что вернусь на

работу, к прежнему имиджу, и буду с радостью вспоминать эту безумную эскападу. Она мне уже стоила жениха!

— Да ты что? Так это он вчера там базарил?

— Он.

— Он что, здешний?

— Да нет, из Москвы не поленился прилететь, чтобы меня прищучить... Но если честно, я даже рада.

Произнеся это, я вдруг опять почувствовала невероятное облегчение. Я рада, что не выйду замуж за Женю! Я вообще не хочу ни за кого замуж! Будь я замужем, разве могла бы ввязаться в такую упоительную авантюру, как эта поездка? Да Веньке никогда даже в голову бы не пришло просить меня ни о чем подобном.

После завтрака я пошла на пляж. Разговор с Барышевой подействовал на меня благотворно. Я словно сбросила с плеч огромную тяжесть. Я, конечно, ничего не умею, но обедню не порчу. А что, собственно, от меня требуется? Не портить обедню до конца гастролей. Я почти уверена, что мне это удастся. А потом прости-прощай, Полина Брон. И Женя тоже прости-прощай! А Польша сама себя наказала. И теперь уж не сможет укорять меня за то, что я рассталась с ее любимым Женечкой! Ура! Свобода! И, выходя из моря, я вдруг впервые по достоинству оценила красоту тель-авивской набережной, синеву неба.

— Буська! — раздался вопль. Прямо на меня по воде бежал Венька. И я вдруг каким-то сторонним взглядом увидела, как он красив. Я любила сейчас весь мир, а особенно Веньку — за то, что он спас меня от надвигающейся депрессии. Ведь когда человек чувствует, что сам себе надоед, — это начало депрессии. По крайней мере, мне так кажется. А он меня вылечил.

— Венька! — заорала я в ответ и повисла у него на шее.

— Буська, ты веселая?

— Я веселая! Я такая веселая, Венечка! Ты мой самый лучший в мире братик!

— Что это с тобой, Бусечка?

— Радость жизни!

— Это от потери жениха ты так радуешься?

— Может быть, но не только!

— Ой, Буська, а у меня для тебя сюрприз, да какой!

— Сюрприз? Что-то многовато сюрпризов...

— Этот тебе понравится.

— А где он?

— В кармане шортов.

— Покажи!

— Дай искупаться!

— Купайся, а я посмотрю!

— Валяй!

Он поплыл к волнорезу, а я принялась обшаривать карманы его шортов. Как назло, их было четыре. Кошелек, носовой платок, мобильник, расческа, записная книжка, свернутая небольшой квадратик газета, вернее, кусок газеты и два презерватива. Господи, до чего предусмотрительный парень! И что тут предназначено мне? Не презервативы же! Может, газета? Я развернула ее. Ну конечно. Статья о наших гастролях и один абзац отчеркнут. «Обращает на себя внимание прелестная Полина Брон. Ее чарующий голос и неискренность актерской игры. Впрочем, я видел в этой же роли с тем же великолепным Гордиенко Анну Тимошину и должен признать, что здесь неискренность госпожи Брон куда уместнее профессионализма знаменитой актрисы».

Ну ни фиги себе! Я еще раз прочитала отчеркнутый абзац, не померещилось ли? Потом пробежала всю статью. В ней подчеркивалось, что наша маленькая труппа работает на совесть, с полной отдачей, что не так часто тут бывает, и, вероятно, в этом заслуга Вениамина Романовского, импресарио, к чести которого служит то обстоятельство, что он, будучи популярным и одаренным артистом, предпочел остаться в тени своих весьма талантливых коллег. Пожалуй, лишь госпожа Дружинина несколько проигрывает рядом с мужем, замечательным Андреем Дружининым. Однако красота ее ног вполне искупает некоторое однообразие актерской палитры. Бедная Ларка, подумала я. Какая там актерская палитра в этом водевильчике? Вероятно, критик — мужчина маленького роста, которого угнетает такая высокая женщина.

— Ну что? Наслаждаешься? — спросил Венька.

— Про Лариску хамство.

— Женская солидарность? Нет, все правильно.

— И про меня?

— И про тебя. Хочешь соку или мороженого?

— Хочу!

— Хотя мороженого, пожалуй, не нужно. И холодного соку тоже.

— Скотина!

— Согласен. Пошли все-таки в кафе. Посидим в тенечке, потреплемся. А потом еще искупаемся.

В кафе на пляже было тенисто и приятно. Венька заказал себе кофе с коньяком, а мне чай с мятой.

— Ты же хотел сок и мороженое?

— Тебя стало жалко.

Мне принесли высокую стеклянную кружку, в которой плавала веточка мяты, которую тут называли наной.

— Пей, в жару чай с наной самое милое дело.

— А сам почему не пьешь?

— Еще успею. Сегодня, слава богу, некуда спешить.

* * *

Вечером после спектакля все как-то разбродилось, благо не надо было никуда ехать. У всех тут есть друзья и знакомые. Венька тоже куда-то смылся, и в результате я осталась одна.

— Бронечка, вас забыли? — спросил Оскар. — Куда вас подвезти?

— В гостиницу, если не трудно.

— У вас нет знакомых в Тель-Авиве?

— Нет. У меня подружка живет в Араде.

— А она в курсе, что вы здесь?

— Нет, пока не в курсе.

— Ну это вряд ли, — улыбнулся он. — Реклама-то идет — и по радио и по телевизору.

— И меня показывают?

— Показывают. Не так чтобы очень подробно, однако...

— Милка меня в жизни с такой прической не узнает.

— А вы не голодная после спектакля?

— Да нет... — неуверенно ответила я.

— А поехали ко мне? Жена вас с удовольствием покормит, я ей сейчас звякну.

— Нет, не стоит никого беспокоить. У меня в номере есть фрукты, этого достаточно.

— Ну что ж... А может, передумаете?

— Нет, спасибо.

Он подвез меня к гостинице.

В холле я сразу увидела Андрея. Он был мрачен и, похоже, нетрезв. Я хотела незаметно проскочить к лифту, но не тут-то было.

— Привет! — поймал он меня за подол. — Куда спешишь? Посиди.

Я неохотно опустилась в кресло.

— А где все? — спросил он.

— Не знаю, сразу как-то разбрелись — по знакомым, наверное. Меня Оскар у театра подобрал. Такой славный дядька...

— Жук, каких мало.

— Не знаю, мне он нравится.

— А я тебе не нравлюсь, да?

— Вы мрачный...

Он рассмеялся. И сразу стал таким красивым, что у меня дух захватило.

— Слушай, ты есть хочешь?

— Хочу!

— Пошли куда-нибудь. Я умираю с голоду. А одному идти неохота.

— А Лариса?

— Если ты мне скажешь, где Лариса, я буду тебе очень признателен. Ну пошли, я приглашаю.

Есть хотелось. К тому же я понимала — один он может здорово напиться, что нашей труппе совершенно ни к чему.

— Пошли. Только я буду за себя платить.

— Да иди ты в жопу! Я в состоянии заплатить за даму. Слава богу, на это я зарабатываю.

Аргумент был весомый. Он взял меня за руку и почти потащил за собой.

— Куда мы пойдем?

— А куда ты хочешь?

— В такой час большого выбора уже нет, наверное.

— Тут есть итальянский ресторан. Как насчет спагетти? Да нет, пошли в «Лондон», у моря приятнее.

— Пошли в «Лондон», — согласилась я.

Мы сели за столик, на котором стоял стаканчик с маслом, где плавал фитиль и горел огонек. Андрей поставил на стол локти, подпер руками лицо и спросил с улыбкой:

— Ты чего смеешься?

— Да у меня в этой поездке столько новых впечатлений... Например, меня еще никогда не посылали в жопу, приглашая в ресторан.

— Ой, прости, — ничуть не смутился он, а мне почему-то понравилось, что он не смутился. — Но ты, по-видимому, уже простила, раз все-таки пошла?

— Считайте, что так.

— А ты как считаешь, хотелось бы знать?

— Я просто побоялась, что вы пошлете меня еще дальше, а кругом многие понимают по-русски.

Он опять рассмеялся. Достал сигареты, закурил, а губы его при этом насмешливо кривились.

— Слушай, а Ларка не просила тебя сегодня обеспечить ей алиби?

Мне стало его безумно жалко. Значит, это не попытка ухаживания, а попытка как-то бороться с ревностью и одиночеством? Некоторое разочарование я все же ощутила, не буду скрывать.

— Ты читала, что про тебя написано в газете?

— Да. Лариса, верно, обиделась?

— Не знаю, читала ли она. Свинство, конечно, всех похвалить, а ее одну обосрать. А впрочем, поделом! Ну, что будешь заказывать?

— Какой-нибудь салат и чай с наной!

— А покрепче?

— Нет, спасибо. Я плохо переносю...

— Ну а я с твоего разрешения выпью виски.

— Может, не надо, Андрей?

— Иди ты...

Он не добавил, куда именно.

Собственно, надо было встать и уйти, но почему-то совершенно не хотелось.

— Андрей, почему вы такой грубый?

— Я устал.

— Так, может, вам лучше пойти и лечь спать?

— Не в этом дело, я вообще устал, понимаешь?

— От своей жизни?

— Вот именно! Устал от своей жизни или вообще от жизни, черт его знает...

— О, тогда я знаю, что делать!

— Да? Как интересно! И что же?

— У меня так было перед этой поездкой. Я однажды утром проснулась и поняла, что сама себе надоела. И тут же подвернулся Венька с этим безумным предложением... — Договорив фразу, я поняла, что сморозила несусветную глупость.

— В твоём случае это понятно, а мне что прикажешь делать? В шахту пойти или на бензоколонку?

— Простите, я глупость сказала.

— Да нет, в этом есть рациональное зерно. Надо что-то поменять. К примеру, послать подальше Ларку и жениться, допустим, на тебе? Хочешь за меня замуж?

— Да боже упаси!

— Тоже правильно. Я не подарок. А просто перепихнуться хочешь? — И он посмотрел на меня так, что мне немедленно захотелось. Но меня никак не устроила форма этого предложения.

— Нет, не хочу, — спокойно ответила я.

— Почему?

— Кажется, я вам уже говорила, что не имею дел с женатыми, это во-первых, во-вторых, мне нравится Лариса... А в-третьих, я не желаю чувствовать себя девицей из анекдота.

— Из какого анекдота?

— «Кто девушку ужинает, тот ее и танцует».

И я сделала попытку встать из-за стола. Он вскочил и обеими руками надавил мне на плечи:

— Извини, ради бога, извини! Я не хотел тебя обидеть...

— Надеюсь.

— Только, пожалуйста, не обращай ко мне на «вы». Меня это угнетает.

— Я попытаюсь.

— А давай-ка выпьем на брудершафт?

— Не стоит.

— Почему? Эй, девушка! — махнул официантке. — Принесите нам, пожалуйста, еще виски и стакан для дамы. Или ты хочешь что-то другое?

— Да нет, символически можно и виски выпить. Хотя пить на брудершафт виски как-то бесстыдно.

— Да какая разница? — улыбнулся он.

От этой улыбки у меня задрожали колени. Мы выпили на брудершафт по всем правилам, с переплетением рук и с поцелуем. Как ни странно, поцелуй был никакой. От улыбки я больше взволновалась. Ну и слава богу. Не хватало мне только влюбиться в этого женатого, заматанного популярностью грубияна и психа.

Кто-то как-то вскользь упомянул, что Дружинин лечился в психушке, правда в санаторном отделении, но это все равно... Да и не нужна я ему, он со мной, потому что Лариска неизвестно где... Но в обаянии ему не откажешь.

— Слушай, а кто тот мужик?

— Какой?

— Ну вчерашний, белобрысый?

— Бывший жених, я уже говорила.

— С ума сошла? Он тебе не подходит.

— Сейчас это уже не важно.

В этот момент у него зазвонил мобильник.

— Ларка. Алло! Да. Хорошо. Твое дело. Пока, — убийственно холодным тоном проговорил он и раздраженно сунул телефон в карман.

— Все в порядке? — осторожно спросила я, видя, как у него дрожит рука с зажигалкой.

— Мне мило сообщили, что после спектакля она никак не могла меня найти. Можно в это поверить, а? И потом ее буквально умыкнули какие-то старые школьные приятели, которые, оказывается, здесь живут. Я не должен волноваться, она скоро приедет. Блядь, какая беспардонная блядь!

— Андрей, мне не нравится...

— А мне, думаешь, нравится?

— Думаю, да. Иначе зачем?

Он внимательно на меня посмотрел:

— Я и сам удивляюсь — зачем? Но в ней есть что-то..., что меня иногда завораживает..., я ее любил...

— О, я так и знал! — раздался совсем рядом голос Веньки. — Смотрите, тут, кроме вас, уже никого не осталось, поздно, черт побери!

— Веня, друг, сядь, хочешь с нами выпить? Мы с Броней выпили на брудершафт, а то она мне все «вы» да «вы», как будто я старый как мир, а мне всего только сорок лет... Выпьешь?

— Нет. И тебе не советую! Хватит, ты и так набрался. Мы же договаривались, Андрюха!

Я была рада появлению Веньки, мне не нравился разговор с Андреем, а еще больше не нравилось то, что у меня сердце кровью обливалось от жалости к нему. Жалость — опасное для меня чувство.

Проводив Андрея до его номера, Венька поднялся ко мне:

— Буська, не шути с огнем. Он тебе не пара. Да и наживать врага в лице Ларки не советую. Можно такой грязи и мерзости нахлебаться...

— Венечка, это не то... Просто вы все куда-то разбрелись, я осталась одна, пришла в гостиницу, а тут Андрей. Мы оба хотели есть, вот он меня и позвал. Ты ничего такого не думай, он просто

жаловался на Ларису...

— Такие жалобы иногда черт-те к чему приводят.

— Ладно, моралист хренов. А ты сам куда делся?

— Да понимаешь ли..., случилась одна знакомая...

— С кем она случилась? С тобой?

— Не понял?

— У вас случка была?

Он громко расхохотался:

— Как ты все опошлила, Буська. У нас было романтическое свидание.

— Без случки?

— Ну почему же...

— Тогда иди спать и не читай мне мораль.

— Ладно, не буду. Только все равно... Андрюха — совсем не то, что тебе нужно.

— Сама знаю!

* * *

Утром меня разбудил звонок Полины.

— Мамочка, пожалуйста, прости меня, — рыдала она в трубку. — Мама, я же не знала, что он к тебе поедет..., и что все так будет... Мамочка, я тебе сломала жизнь, да?

— Да нет, успокойся, может, оно и к лучшему. Но все же, если тебе доверили тайну, ее надо свято хранить, а то и впрямь можно человеку жизнь сломать. Ладно, не реви.

— Мама, может, еще не все потеряно? Женя сказал, что должен обдумать...

— Меня это уже не касается. Я его знать не желаю! А ты успокойся. Тебе что, так плохо со мной, что без Жени и жизни нет?

— Мамочка, что ты выдумываешь!

— А деду ты тоже протрепалась?

— Нет, что ты! Значит, ты не сердишься?

— Сержусь, но не очень.

— Ура! Мам, а ты правда имеешь успех?

— Ну вроде да. Хочешь знать, что про меня в газете написали? — И я зачитала ей отчеркнутый Венькой абзац.

— Мам, ну супер! Ой, мам, знаешь, у меня к тебе просьба!

— Излагай!

— Дашке Кролль бабка привезла из Тель-Авива одну штучку, я такую тоже хочу.

— Что за штучка?

— Понимаешь, там где-то есть улица, вроде нашего Арбата, там художники торгуют. А штучки делают из шелковых платков. Их скручивают по-разному — и получаются всякие красивые бусы, пояса, повязки на голову. С бисером, с металлом. Очень клево! Мамочка, купи мне такую штучку, а?

— Попробую узнать.

— Мамочка, я жутко соскучилась!

— Я тоже.

— А ты в море купаешься?

— Слушай, Польша, это ты деда там разоряешь? Сейчас даже не льготное время! Кончай болтать! Все, целую.

И о чем я, идиотка, думаю? Андрей, не Андрей... У меня есть Польша, и это главное.

В ресторане работала очень милая женщина с Украины, она относилась к нам прямо-таки по-родственному. К ней я и обратилась с вопросом о бусах из шелковых платков.

— Ну, Бронечка, насчет бус я не знаю, но всякие такие штучки продают на Нахалат-Беньямин. Как раз сегодня там есть торговля. Не каждый день бывает. Пойдите пораньше, пока не так жарко, часов в десять там уже всю торговлю.

— Это далеко отсюда?

— Да нет, но можно сесть на четвертый автобус или на монитку, и доехать до шука. Там рядом.

Польша еще дома взяла с меня клятву, что на автобусах я ездить не буду. Уж слишком часто мы слышим, что в Израиле взрываются автобусы.

— А пешком далеко?

— Да нет! Пойдете по Бен-Йегуде направо, до конца, упретесь в Алленби и по ней налево, по правой стороне. Ну в крайнем случае спросите, где шук Кармель. Это базар! А сразу за ним увидите Нахалат-Беньямин. Только головку прикройте чем-нибудь и водичку с собой возьмите.

Я поблагодарила милую женщину. В холле я столкнулась с Андреем. Он был гладко выбрит.

— Привет! — улыбнулась я.

— Куда собралась?

Я объяснила.

— Я с тобой.

— Андрей, может, не стоит?

— Почему? Обожаю такие места. Я, когда бывает время, езжу в Измайлово, гуляю там, присматриваюсь, прицениюсь... Меня это успокаивает.

— Может, позвать Ларису?

— Лариса спит без задних ног. Она заявила в половине пятого, пьяная в стельку. Так что я вполне свободен. А ей надо выспаться, чтобы не сорвать спектакль.

— Ну что ж...

Ой, добром это не кончится.

— Ты небось думаешь: и чего он ко мне привязался?

Я промолчала.

Какое-то время мы шли молча. Он мне здорово мешал. Хотелось прилипнуть к какой-нибудь витрине, заглянуть в какую-нибудь лавочку, а при нем мне было неудобно.

— А вы знаете... — начала я.

— А как же брудершафт? — напомнил он.

— Хорошо. Ты знаешь, где этот пресловутый шук Кармель?

— Знаю! Очень завлекательное место, кстати.

Ну хоть не придется спрашивать дорогу.

У витрины ювелирного магазина на улице Алленби я было притормозила, но тут же одернула себя.

— Не обращай на меня внимания, лупись сколько влезет! — великодушно разрешил Андрей.

— Да нет, я просто...

Бедняга, как же ему хреново! Такой потрясающий мужик буквально пропадает из-за любви к не слишком достойной его бабе...

— Мороженого хочешь? — спросил он вдруг.

— Венька не разрешает.

— И ты слушаешься?

— А вдруг я охрипну?

— Ну как угодно.

На асфальте у какой-то лавчонки сидел молодой парень без ноги. Просил милостыню. Я тут же полезла в кошелек. Андрей тоже сунул руку в карман. Одновременно мы ссыпали в картонку

сколько-то шекелей.

— Ларка никогда не подает, — заметил он.

Я это уже знала. На Дизенгофф около магазина пожилая женщина играла на виолончели. У меня сжалось сердце, и я подала ей монетку в пять шекелей, за что Лариса меня отругала.

— А я не могу, — ответила я.

— Я тоже, но, наверное, у нас было другое детство, — словно оправдываясь за Ларису, произнес Андрей.

— У нее было трудное детство?

— Да. Отец их с матерью бросил, они очень нуждались...

Но в таком случае она должна была бы сочувствовать людям, попавшим в беду, подумала я, но ничего говорить не стала. В Москве я тоже не всем подряд подаю, уж слишком много развелось профессионалов.

— А вот и шук Кармель! — объявил Андрей. — А вон там то, что нам надо. С ума сойти, теперь тут тоже охрана...

Действительно, улица была перегорожена, и, чтобы на нее попасть, надо открыть сумочку. А Андрея охранник даже прозвонил аппаратиком, как в аэропорту. На столиках был выложен товар. В основном сувениры и украшения. Глаза сразу разбежались.

— Мы ищем что-то определенное? — деловито осведомился Андрей.

Я объяснила ему, что мне нужно.

— Тогда ты смотри направо, а я налево.

Мысль была вполне рациональная, тем более что солнце сегодня палило нещадно.

— Броня, вот, по-моему, то, что надо! — окликнул меня Андрей.

«Штучки» и впрямь были красивые. Выбор, правда, невеликий, но все-таки. Продавщица говорила по-русски.

— Обратите внимание, дамочка, это можно носить как поясok и как бусы, а можно несколько раз свернуть — и получится оригинальный браслет. А вот это просто на голову...

— Красиво, — заметил Андрей.

Я предпочла multifunctional «штучку». А Андрей купил ту, что на голову.

— Ларисе? — спросила я.

— Думаешь, ей понравится? По-моему, очень изящно.

— Бесспорно. — Мой ответ касался только изящества. Вряд ли Ларисе понравится такая штучка. А впрочем, кто ее знает... Мне почему-то было неприятно, что Андрей это купил.

— Есть еще какие-то задачи? — поинтересовался он.

— Посмотреть хочу.

Я купила еще две очаровательные пепельницы с птичками, но, уже купив, испугалась, что не довезу, уж очень хрупкими они выглядели. Солнце шпарило вовсю.

— Слушай, — не выдержал Андрей, — ты броди сколько хочешь, а я посижу тут в кафе. Надоест, присоединяйся.

Он купил русскую газету и уселся в кафе под тентом.

Я почувствовала облегчение, но через пять минут мне вдруг все надоело. И я повернула обратно.

Андрей сидел ко мне спиной. На бежевой рубашке между лопатками проступил пот, что неудивительно в здешнем климате. Но меня как будто ударили под дых. Даже больно стало и дыхание перехватило. Мне неудержимо захотелось подойти тихонько, обнять его сзади, прижаться к нему, поцеловать в шею, ощутить его запах...

Но я справилась с собой. Венька был прав — он не для меня. Это здесь он таскается за мной, а в Москве я могу никогда больше с ним не встретиться. И он таскается со мной не из-за меня, а из-за Ларочки, которая наставляет ему рога почти в открытую. Их пару вполне можно назвать "Дуэт «Рожки да ножки»". Эта мысль меня позабавила и успокоила. Надо будет вечером поделиться с Венькой этой остротой, очень недурной по-моему.

— Привет!

— Ненадолго тебя хватило! — улыбнулся он. — Ну хочешь чего-нибудь?

Перед ним стояли чашка кофе, вода со льдом и пепельница полная окурков.

— Я бы соку выпила.

Мне подали свежавыжатый апельсиновый сок.

— Ты с таким удовольствием пьешь, смотреть приятно, — почему-то с грустью сказал он. — Я раньше тоже любил...

— А теперь что?

— Понимаешь, мы с Ларкой в прошлом году вырвались на недельку на Тенерифе и после обеда в симпатичном ресторанчике решили выпить сок.

— И что?

— Нам подали два громадных бокала — в каждом никак не меньше литра. Сок был потрясающий. Я свой выдул, а Ларка не смогла. И я сдуру еще допил ее сок. Мне потом так плохо было... Понос, рвота... С тех пор на дух не переношу.

— Жадность фраера сгубила?

— Именно! Слушай, у меня тут мелькнула одна мысль...

— Внимаю!

— Что, если нам взять напрокат машину?

Один раз он это уже предлагал.

— Зачем?

— Покататься по окрестностям. Кое-что посмотреть, интересно же все-таки. В Иерусалим, к примеру, смотаться, а? Как ты на это смотришь?

— Ну я не знаю..., а кого еще пригласим?

— Только вдвоем!

Я струсила.

— Нет, Андрей. Если бы мы с самого утра, тогда другое дело, а так... А вдруг мы попадем в пробку, опоздаем, да и вообще...

— Ну как угодно! — холодно ответил он. Мы еще посидели и пошли обратно, но уже по набережной. С моря дул ветерок, и идти было приятно.

— Ты купалась сегодня?

— Нет еще. Сейчас в гостинице переоденусь и побегу.

— Только не вздумай загорать, сейчас самое пекло.

— Спасибо за заботу.

В холле гостиницы было упоительно прохладно. Какая-то женщина стояла у стойки и говорила с портье. Когда я остановилась у кресла, чтобы достать из сумки магнитную карточку, служащую ключом от номера, женщина вдруг подошла ко мне. Она была пожилая, за семьдесят, с приятным лицом и огромными карими глазами.

— Извините, пожалуйста, — сказала она по-русски, — вы Полина Брон?

— Я.

Неужто поклонница?

— Вы знаете, мне нужно с вами поговорить!

— Слушаю вас!

— Это непростой разговор, может быть долгий...

— Я бы пригласила вас в номер, но там так тесно...

— Нет-нет, не нужно. Я договорилась с портье, что нас пустят в ресторан, там сейчас, днем, никого нет, и нам никто не помешает.

Это было по меньшей мере странно. Андрей вопросительно взглянул на меня: мол, не нужна ли помощь?

Я в ответ отрицательно покачала головой.

Он пошел к лифту.

— Бенчик, счастье мое! — позвала женщина, и откуда-то из-за кресел выбежал мальчик лет трех или четырех такой невероятной красоты и прелести, что я только рот открыла. Темно-рыжие кудри, огромные синие глаза, веснушчатая мордаха, до невозможности хулиганская. Загляденье, а не малыш.

— Боже, какое чудо! Это ваш внук?

— Нет, правнук! — с невероятной гордостью произнесла женщина, — только не надо мне говорить, что не может этого быть и я так молодо выгляжу.

Молодо она выглядела только сзади. У нее сохранилась прекрасная, прямо-таки девичья фигура. Но что ее привело ко мне?

Я так мечтала поскорее окунуться в море, смыть с себя пот и абсолютно ненужное влечение к Андрею.

— Знаете, Бронислава, меня зовут Рахиль.

Откуда ей известно, что я Бронислава, а не Полина?

— Простите, а отчество?

— Здесь отчества не приняты.

— Но, простите, я не могу...

— Хорошо, Рахиль Степановна.

Я даже поперхнулась.

— Не удивляйтесь, отец у меня был русский. Но я тут уже двадцать один год, отвыкла от отчества. Так идемте в ресторан, я же договорила. Счастье, пошли!

Счастье вприпрыжку ринулось в ресторан. Мы за ним. Я терялась в догадках. Рахиль Степановна сунула правнуку шоколадку.

— Вы, наверное, думаете: и чего эта старая перечница ко мне приперлась? Только не говорите нет. Я все понимаю, вы пришли с красивым мужчиной, вам небось охота принять душ, а тут какая-то старуха..., но когда я вам скажу, в чем-таки дело, вы проникнетесь...

Так, мне значит, предстоит чем-то проникнуться. Я терпеливо молчала, следя глазами за правнуком. Он степенно разгуливал по залу с шоколадкой в руке. Но было понятно, что в любой момент может учинить какую-нибудь шкodu.

— Вы знаете, Броня, у меня на вас вся надежда! Вы только меня не перебивайте! Я долго думала, перед тем как к вам прийти, разве ж это легко? Дочка и внучка меня убьют, если узнают..., но помочь можете только вы!

— В чем помочь, Рахиль Степановна?

— Вэйз мир, я же просила: не перебивайте меня!

— Простите, — пролепетала я, и у меня закралось подозрение, что она просто сумасшедшая.

— Вы знаете, у меня есть внучка, мама этого сокровища. Ой, сокровище, поди сюда! Ты ведь сейчас что-то натворишь, я ж тебя знаю! Ты шоколадку скушал? Нет? Так она же растает, к чертовой матери. Сию минуту кушай! Потом руки вытрешь вот этой вот салфеточкой, ты понял, горе мое? Ах да, слушайте, Броня, так о чем это я?

— О внучке, — решила напомнить я.

— Да, внучка! Она у меня хорошая умная, красивая, большой талант — девочка учится на архитектора, еще студентка, но один проект получил первый приз на каком-то там конкурсе, я в этом не разбираюсь. И все у нее хорошо, одно плохо — она полная дура!

Час от часу не легче! То умная, то полная дура. Хотя вообще так бывает.

— Вы небось думаете: старуха спятила, то внучка умница, то дура. Знаете такую старую шутку: не тот дурак, кто дурак, а тот дурак, кто не дурак, да дурак!

Я попробовала понять, и, как ни странно, у меня получилось. Но при чем тут я? Однако задавать вопросы я боялась.

— Ну вот, моя внучка — тот самый случай! И в результате такое счастье, как мой Венчик, растет без отца! Мама у него, видите ли, гордая! Вот я и решила прийти к вам!

Мне казалось, что у меня едет крыша.

— Вы, конечно, удивляетесь... Но вы знаете, у сокровища есть папа. Дети, как правило, рождаются от папы, это правило подтверждает одно исключение, ну вы же помните, исключение только подтверждает правило! Непорочное зачатие случилось только однажды, и, между нами говоря, я в него тоже не больно-то верю! Ну так Венчик наш родился в результате вполне порочного зачатия, даже вдвойне порочного, так как папа с мамой не были в браке. Вот такое незаконнорожденное сокровище. Венчик, ты руки вытер, а лицо не надо? Ну иди сюда, бабушка вытрет.

Я взглянула на замурзанную мордаху, и кое-что стало проясняться. Как же я сразу не заметила, что сокровище жутко похоже на детские фотографии моего драгоценного кузена! Я была ошарашена, но все-таки промолчала. А вдруг мне померещилось?

— Вы только посмотрите на него! Красавец! Ума палата! И растет без отца! А главное — я даже не могу сказать, что отец у него сволочь и мерзавец! Я просто не знаю! Дело в том, что отец и понятия не имеет, что у него растет такое сокровище! Он, конечно, негодяй, в наше время надо в любом случае, извиняюсь, надевать презерватив, но... Моя идиотка не пожелала поставить его в известность о последствиях этой неосторожности... Как там говорит Жванецкий? Одно неосторожное движение — и ты отец!

Я поняла, что надо уже поставить вопрос ребром, иначе она заговорит меня до смерти, прежде чем перейдет к главному. Хотя, судя по тому, что Венка носит презервативы даже в пляжных шортах, он достаточно осторожен. И все-таки...

— Простите, Рахиль Степановна, если я правильно поняла, отец — это мой кузен, Вениамин Романовский?

— Ой, вы так хорошо знаете вашего кузена? Это у него не первый случай?

— Насколько мне известно, первый, — вступилась я за брата.

— Знаете, они встретились на Кипре, у них был роман, короткий, но бурный. По крайней мере, мне так сказала внучка, она со мной делится, а с матерью — нет. Мать у нее таких вещей не понимает! А я очень понимаю, сама в молодости влюблялась как полоумная... Помню, мне было лет двадцать пять, я была уже замужем и дочку имела, но появился один прохвост...

Этому не будет конца!

— Рахиль Степановна, извините меня, ради бога, но что конкретно вы от меня хотите?

— Я просто хочу, пусть ваш брат знает, что у него есть сын. И больше ничего. Совсем ничего. Нам не надо его денег, у нас, слава богу, всего хватает. Моя дочка и ее муж уважаемые люди, известные врачи, хорошо зарабатывают, у меня пенсия, внучка имеет пособие как мать-одиночка... Но мальчику нужен отец, вам так не кажется?

— Ну я не знаю... Это смотря какой отец...

— А ваш брат, извиняюсь, имеет семью? Жену, деток?

— Нет, он закоренелый холостяк, — на всякий случай сказала я.

— Он вообще нормальный?

— В каком смысле?

— Нормальный мужчина всегда хочет иметь сыночка, а уж такого... Счастье, поди сюда! Расскажи тете стихи.

— А ей надо? — первый раз подал голос мальчик.

— Надо, Венчик!

— А почему она сама не просит?

Я едва сдержала смех. Он так мне нравился, что я уже готова была бежать за Венькой.

— Я прошу. Пожалуйста, Бенчик, прочитай стишок!

— Это не стишок, а стихи! — важно поправил он меня. Отошел немного, возвел глаза к небу и вдруг начал:

— В пустыне чахлой и скупой

На почве, зноем раскаленной,

Анчар, как грозный часовой,

Стоит — один во всей вселенной.

Я обалдела. А он спокойно, совершенно по-взрослому, как будто даже осмысленно, читал

Пушкина.

Но когда он произнес:

...И тот послушно в путь потек

И к утру возвратился с ядом, —

Я заметила в дверях Гордиенко, который слушал с совершенно блаженным лицом. Наконец малыш произнес:

А князь тем ядом напирал

Свои послушливые стрелы

И с ними гибель разослал

К соседям в чуждые пределы. —

и добавил:

— Этот князь был сволочь! Тут уж мы все покатались со смеху.

— Броня, что это за чудо? — спросил Гордиенко. — Парень, как тебя звать?

— Бенчик!

— Это что же, Бенцион?

— Да!

— Ты хочешь стать артистом?

— Нет! Я хочу стать бетаконщиком!

— Что это? — в один голос воскликнули мы с Гордиенко.

— Это охранник, — улыбнулась Рахиль Степановна.

— Это ваш внук, мадам?

— Это мой правнук! Ну, Броня, вы все поняли?

— Да.

— И что вы скажете?

Что я могла сказать при Гордиенко, да и вообще?

— Я постараюсь... — пролепетала я.

— Простите великодушно, я помешал вашей беседе, но мне еще не доводилось слышать столь впечатляющего исполнения «Анчара». Я удаляюсь!

— Я сегодня же поговорю с братом. Не знаю, смогу ли я увидеться с ним до спектакля... Тогда после. Но мы же завтра уезжаем!

— Ничего, Израиль — маленькая страна. Я вам оставлю свой телефон. Если он заинтересуется собственным сыном, пусть позвонит, а на нет и суда нет. Ему же хуже!

— Вы ему угрожаете?

— Ни боже мой, нет, зачем? Просто, имея такое сокровище..., лучше знать про это, вы не согласны? Им же можно гордиться, правда?

И вдруг в глазах этой старой женщины я увидела такую грусть, что чуть не разревелась сама.

— Бенчик, попрощайся с тетей! — Она сунула мне в руки фотографию правнука.

— Пока, — помахал мне Бенчик.

Она взяла его за руку и ушла.

Да, с моим братцем не соскучишься! Интересно, почему все-таки она пришла ко мне, а не к нему? Из деликатности? Хочет, чтобы я подготовила его? Пожалуй, это единственно верное объяснение.

* * *

На спектакле со мной сыграли злую шутку. Когда я прихожу в квартиру продюсера, я снимаю ботинки и влезая в большие мужские шлепанцы, что само по себе достаточно комично и нелепо. Я в них путаюсь, они мне мешают, но так придумал Юрий Митрофанович. Это то, что помогает мне, неумехе, играть. И вправду помогает. Но в этот вечер, когда я сунула ноги в шлепанцы, оказалось, что они намертво приклеены или прибиты к полу.

— Ой, у вас тапки приклеились! — помимо воли вырвалось у меня.

— Очередная выходка внука, — как ни чем не бывало ответил Гордиенко. — Не стоит снимать обувь, барышня. — А мне шепнул:

— Ничего страшного, ты справишься!

Но легко говорить ему, мастеру, с опытом и стажем, равным всей моей жизни. А у меня от ужаса помутилось в голове. И ч застыла.

— Ну что же вы стоите, не в дверях же мне с вами разговаривать? — опять пришел на помощь Гордиенко. — Ох уж эта провинциальная застенчивость! — И он незаметно для зрителей, но очень больно ущипнул меня. Это помогло. Я очнулась и с грехом пополам доиграла свою роль. Но как только закрылся занавес, у меня помимо воли потекли слезы.

— Ну что ты реवेशь? — напустился на меня Юрий Митрофанович, — все нормально, считай, это было боевое крещение! Можно сказать, — посвящение в актрисы! Но сделал это, безусловно, негодяй! Ты же неопытная..., кто-то хотел тебе напакостить... Или мне? Да, скорее всего, мне хотели напакостить.

Я посмотрела на него сквозь слезы. Кому может прийти в голову напасть на него? Да нет, он просто успокаивает меня! Чтобы я со страху не отказалась выйти на сцену в следующий раз.

— А где Вениамин? — спросил он вдруг.

— Не знаю! Я его сегодня видела только мельком, перед спектаклем.

— Он обязан разобраться, кто это так развлекается у нас.

В целях экономии и по каким-то еще соображениям все подсобные обязанности выполняли местные мастера. Гримерша, костюмерша, двое рабочих сцены, осветитель и тэ дэ. Всех их нанял Оскар. Но я даже вообразить не могла, что кто-то из них подложит мне такую свинью. Хотя, конечно, бывает всякое.

— Бронечка, теперь шлепанцы будешь держать у себя и сама приносить на сцену. Береженого Бог бережет.

— Но могут придумать что-то другое... — всхлипнула я.

— Ну вот что, хватит тут лить слезы. Приглашаю тебя поужинать.

— Спасибо, Юрий Митрофанович, но совсем нет настроения...

— Дуреха ты! Кому-то захотелось, чтобы ты плакала, а ты и рада реветь? В конце концов, ничего страшного не произошло. Поверь, бывают истории куда хуже. Пошли-пошли.

Венька стоял у микроавтобуса. Когда все собрались, он объявил:

— Господа, завтра у нас свободный день, сами понимаете, пятница, шабад.

— И значит, следующий спектакль у нас только в воскресенье? — спросил Демин.

— Нет, Сергей Николаевич, шабад заканчивается в субботу вечером. Й у нас спектакль в субботу. В Бат-Яме. Это совсем близко.

В этот момент раздались громкие вопли:

— Юра! Юрочка!

И к Гордиенко кинулись четыре человека — трое мужчин и одна невероятно толстая женщина. Он так обрадовался, что буквально ринулся им навстречу. Они начали обниматься, целоваться и что-то восторженно выкрикивать. Наконец Юрий Митрофанович что-то сказал им и решительно подошел ко мне:

— Бронечка, дорогая, прости, это мои школьные друзья. Я не ожидал их увидеть всех вместе... Перенесем наш ужин на завтра, согласна?

— Ну конечно, Юрий Митрофанович, о чем речь.

Он улыбнулся и поцеловал мне руку:

— Выше носик!

По дороге Венька вдруг обнял меня и шепнул:

— Ты большая молодчина, я тобой горжусь!

— Ты о чем?

— О шлепанцах!

— Венька!

— Только не вздумай разреваться! Я предлагаю пойти вдвоем поужинать. Ты как?

— Согласна.

Я заметила, что Андрей сегодня мрачнее тучи... С чего бы? Лариса при нем, играл он сегодня прекрасно, я посмотрела... И вдруг меня как будто что-то стукнуло — а ведь шлепанцы приклеила Лариса! Больше просто некому! Хотя зачем? Я ведь ей не конкурентка. Неужто приревновала Андрея ко мне? Ну если так, то я могу собой гордиться!

* * *

Когда мы с Венькой сделали заказ, он тихо сказал:

— Я тебя предупреждал: держись подальше от Андрюхи. Вот и дождалась.

— Ты думаешь, это Лариса?

— Уверен! Больше вроде некому, народ солидный, и потом, к тебе все прекрасно относятся. Мне даже Вовик сказал, что ты ему очень понравилась. И Барышева тебя хвалила. А Оскар от тебя просто в восторге и все намекает на какого-то таинственного поклонника.

— Мне тоже намекал.

— Ты не очень на меня злишься за то, что я тебя втравил во все это, Буська?

— Нет, не очень.

— Но ты же и вправду талантливая баба. У тебя такой чудный голос, и поешь ты здорово. Может, еще не поздно пойти по этой дорожке? Записать для начала диск...

— А дальше что?

— Я попробую что-то с этим сделать. Но я горжусь не только и не столько тобой, сколько собой.

— Ну еще бы!

— Нет, правда, я на свой страх и риск взял на гастроли совершенно неопытную и никому не известную особу — и попал в десятку! Ты не только не портишь обедню, ты даже в некотором роде придаешь свежести и Гордиенко, и вообще всей труппе. А что касается пения, то Лариска, если хочешь знать, тебе в подметки не годится. Да, у нее есть определенная выучка, школа, так сказать, но нет и сотой доли твоего обаяния. Вот она и бесится.

— А я думала, она не из-за этого...

— Не из-за этого тоже... Хотя я, честно говоря, не понимаю, почему они не расходятся. Она же лагает его на каждом шагу, не знаю, как еще у него башка не отвалилась от тяжести рогов.

— Дуэт «Рожки да ножки»! — произнесла я вслух свою давешнюю придумку.

Венька посмотрел на меня и чуть не упал со стула:

— Буська! Блеск! Сама придумала?

— А то кто же?

— Я тебя обожаю!

Мне показалось, что сейчас самый подходящий момент, и я вытащила из сумки фотографию Венчика:

— Посмотри!

— Что это за чудо?

— Нравится?

— Красота! Кто такой?

— Это... Бенчик!

— Его мама хочет, чтобы его снимали в кино?

— Не думаю? А ты знаешь, чей он сын?

— Понятия не имею. Господи помилуй, неужто Андрюхин?

— При чем тут Андрюха? Это мой двоюродный племянник.

— Какой еще двоюродный племянник?

— Ну а кем же мне приходится твой сын'?

— Мой сын? У меня нет никакого сына, — испуганно пробормотал Венька.

— Есть, как видишь. И он жутко похож на твои детские фотографии.

— Что ты несешь? Откуда? Это такой дурацкий розыгрыш?

— Нет, — покачала я головой. — Ты отдыхал на Кипре?

— Отдыхал... Давно... И что?

— А то, что ты там..., сделал одно неосторожное движение.

— Какое движение, что ты лепишь?

— Неосторожное. По Жванецкому — Пстой, пстой... Ты хочешь сказать... Но каким боком ты...

— Венька, выслушай меня спокойно.

— Это вранье... Парень, конечно, красавчик, но я тут ни при чем!

— Послушай, ко мне пришла бабушка той девицы...

— Она уже тогда не была девицей. И вообще... Если хочешь знать, она меня почти изнасиловала... Я от нее бегал...

— Но не убежал?

— Нет. Я ее пожалел.

— И бот результат.

Он выглядел совершенно несчастным.

— А ведь малый и вправду на меня похож... Так чего хотела бабка? Черт, я даже не помню, как ту.., как ее звали. Хоть убей!

— Соня.

— Да-да, действительно... Кстати, ненавижу имя Соня. А парня как звать?

— Бенчик.

— Вениамин?

— Бенином.

— Черт знает что, Бенцион! Беня Крик, а я, выходит, уже Мендель Крик? — И вдруг он как-то странно хмыкнул.

— Ты чего?

— Понимаешь, у меня в Москве сейчас девушка... Ее Марусей звать. Точь в точь Мендель Крик.

— Только без Нехамы и Левки. Хотя теперь я не поручусь, что где-то не подрастает еще и Левка.

— Кошмар! Но это все хохмочки. Бабель, конечно, гениальный писатель, но что я теперь должен делать? И почему бабка этой окаянной Сони явилась к тебе? Что за дела? И чего от меня хотят?

— Ну, насколько я поняла, Соня даже не подозревает, что бабка пошла ко мне.

— Так я и поверил!

— А я поверила!

— Ну-ну, излагай дальше.

Я изложила. Братец был мрачнее тучи.

— Да, влип... Хотя если от меня ничего не требуют, то пусть все идет как идет.

— То есть ты просто как не знал, так и дальше знать не хочешь?

— А что ты предлагаешь? Жениться на совершенно чужой, ненужной, нелюбимой женщине, да

еще и с обширным семейством, — так, что ли? Видит Бог, я ее не домогался! Ты же сама всегда утверждаешь, что я пассивный бабник. Говорю тебе, даже клянусь, чем хочешь могу поклясться, что я долго от нее бегал. Провел с ней всего две ночи. И то вторую уже из чистой вежливости. Да и я ей, по-видимому, давно не нужен. Она же не пыталась даже меня найти, поставить в известность... Это блажь ее бабки, и только. Я эту бабку понимаю даже, обожаемая внучка родила без мужа, и выросло такое вот чудное дитя. А тут биологический папаша прибыл в страну. Надо бы его проинформировать! Пусть знает! Зачем ему спокойно жить, козлу вонючему! Бабка же не в курсе, как ее внученька за мной по всему Кипру гонялась!

Меня раздирали противоречия. С одной стороны, женская солидарность и все такое, а с другой стороны, сколько раз я сама была свидетельницей женских посягательств на Веньку. И не раз помогала ему скрываться от преследований. Я верила ему. Ведь если эта Соня унаследовала от бабушки ее напор и вязкость, то Веньку можно только пожалеть. Но ведь существует этот чудный ребенок, Венчик. И что теперь?

— Буська, что мне делать? Как ты считаешь?

— О, я даже не знаю, что сказать! Это только твое дело.

— Но ты же ввязалась в эту историю, вот и изволь тоже думать.

— Хорошо. Я могу предложить такой вариант: ты встречаешься с Соней, рассказываешь, как узнал о ребенке, и выражаешь готовность усыновить его. Будешь помогать по мере возможности и дашь свое имя. Познакомишься с мальчиком и, если захочешь, будешь видаться с ним раза два в год. Не исключено, что после этого она пошлет тебя куда подальше, и твоя совесть будет чиста.

— Эх, если б можно было забрать мальчишку..

— Как — забрать? — ахнула я.

— Вот так.., взять его в Москву, Никаноровна будет счастлива, а там, глядишь, и мать с отцом обрадуются.

— Не надейся, никто тебе его не отдаст.

— Я и не надеюсь. Но парень хорош! Бандит, наверное, еще тот! Значит, думаешь, надо повидаться с этой... Соней? А вдруг она опять вспыхнет ко мне страстью?

— Или ты к ней!

— С ума сошла! Это исключено. Ох, вот не было печали...

— Вень, но тебя ведь никто не неволит, в конце-то концов. Плюнь, разотри и забудь.

— Эх, Буська, видела бы ты, сколько у тебя на морде презрения отразилось.

— Не выдумывай! Я знаю, как бабы за тобой гоняются.

— Но детей мне пока еще не предъявляли.

— Лиха беда начало!

— Тьфу! Типун тебе на язык! Слушай, а может, мне с этой бабкой встретиться?

— Зачем? Чтобы объяснить ей, что Соня тебя силком в койку затянула? Она просто не поверит.

— Так что, затаиться? Нет, я пожалуй, все-таки встречу с Сонькой... Или нет, лучше ты! Ты встреться с ней!

— С ума сошел?

— Нет. Нисколько. Ввязалась в историю, так изволь расхлебывать.

— Да, очень по-мужски.

— Буська, ты столько раз мне помогала, помоги еще разочек! — взмолился он.

— Ну, предположим, я встречу с ней, и что я ей скажу? Нет, Венька, давай лучше ты подумай, взвесь все свои мысли и чувства, а уж потом...

Он обрадовался отсрочке как школьник, у которого директор вызвал родителей, а сам внезапно заболел.

— Ты правда думаешь, что я могу не спешить?

— Правда! И давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Давай! Знаешь, ты эту карточку заberi. А то она будет на меня давить.

Я молча спрятала фотографию.

— Буська, скажи, ты очень расстроилась из-за Жени своего?

— Вздохнула с облегчением.

— Значит, ты его ничуть не любила?

— Мне казалось, что это вполне приемлемый вариант... И Польша была от него в восторге... Но все равно, считай, что жизнь ты мне поломал. Так что придется тебе жениться на Никаноровне.

— Лучше уж на Никаноровне, чем на Соне.

— Да, сурово.

— Знаешь, Буська, я хочу дать тебе один совет... Профессиональный, можно сказать. Ты не должна ни с кем из наших обсуждать эту историю со шлепанцами. Как ее и не было. Никакой реакции. Иначе попытки будут повторяться. Атак ей станет неинтересно.

— Значит, ты уверен, что это Лариса?

— На все сто! Я тебе больше скажу, ты на нее не дуйся, делай вид, что не подозреваешь ее. Как будто ничего не было.

— Легко сказать!

* * *

Утром первая мысль, пришедшая мне в голову, была: я хочу видеть Андрея. Я так испугалась

этой мысли, что даже перекрестилась, словно он был черт. Но видимо, нет, потому что крестное знамение не помогло. Я хотела его видеть! Посмотрела на часы: семь! Я совсем мало спала. За окном было еще серо. Пойду-ка искупаюсь до завтрака. Вода с утра еще прохладная, может, это приведет меня в чувство? Сушить купальник в гостинице было негде, и я на ночь вешала его на открытое окно. В ванной он и за сутки плохо высыхал. Оделась, выскочила из номера и у лифта увидела Андрея.

— Привет! Куда в такую рань? — улыбнулся он.

— Купаться! А ты?

— И я.

Мы вошли в маленький зеркальный лифт. Мне вдруг стало там душно.

И он это заметил. У него глаза опасно потемнели. Но тут лифт остановился. Внизу в задумчивости стоял Злато польский.

— Вы куда это в таком составе?

— На пляж!

— Да? И я с вами, можно?

— Конечно! — несказанно обрадовалась я. Мне было страшновато.

По дороге Андрей с Вовиком оживленно обсуждали какое-то футбольное событие, и слава богу. Чтобы попасть на пляж, надо перейти узкую проезжую часть на набережной. У перехода собралась небольшая толпа.

— Бомба! — как-то буднично сообщил Андрей.

— Что? — ахнула я.

— Видишь машину? Из нее сейчас выйдет робот!

И вправду из машины спустилось какое-то устройство, которое самостоятельно направилось к валявшемуся у самого спуска на пляж пластиковому пакету.

— Ой, а если рванет? — спросила я, не в силах оторвать взгляд от этого зрелища. Я такое видела впервые.

Стоящая рядом женщина успокоила меня:

— Скорее всего, ложная тревога! Но береженого Бог бережет.

Тревога и впрямь оказалась ложной, но зато начисто сбила меня то ли с лирического, то ли с эротического настроения. И мне сразу стало легко! А тут еще и Вовик, который мне все равно нравился, несмотря на его ориентацию. Он был милый и талантливый.

Андрей сразу далеко уплыл, а я в воде болтала с Вовиком, который считал своим долгом не оставлять меня одну.

— Вова, ты плыви, я не боюсь одна!

— Но тебе же будет скучно! Вот Андрей вернется, тогда я поплыву!

Общества Андрея я боялась куда больше, чем одиночества. Наконец он подплыл к нам.

— Андрюша, я тут сторожил Бронечку, теперь твоя очередь!

Когда Вовик отплыл подальше, Андрей вдруг шепнул:

— Вот не думал, что ты такая трусиха!

— Я не трусиха, просто зачем мне лишняя головная боль! — Я призвала на помощь весь свой крохотный актерский опыт.

— Ну-ну! — произнес он насмешливо, а у меня душа опять ушла в пятки. Я, кажется, все-таки в него влюбилась. Более неподходящего объекта и не придумаешь! Ничего, я буду бороться с собой!

— Броня это все-таки не броня, — словно услышал мои мысли он.

Меня как будто крапивой стегнули. Однажды в детстве Венька со мной такое проделал. И ему это дорого обошлось. Я так разозлилась, что расцарапала ему всю физиономию. Больше он со мной так не шутил.

Царапать Андрея я не стала, но и сдерживать себя не собиралась:

— Ну вот что, ты, секс-символ и кто ты там еще, запомни раз и навсегда:

— я для утирки носа твоей бледовитой жене не гожусь! Ищи кого-нибудь другого! Думаю, это не проблема!

Он совершенно опешил.

— Послушай, я...

— Разбирайся с ней сам! Мне и своих проблем хватает!

Я выскочила из воды, схватила сарафан и полотенце и побежала прочь.

А он крикнул мне вслед:

— Броня крепка, и танки наши быстры!

* * *

Едва войдя в ресторан, я сразу увидела нарезанный ярко-красный арбуз. В мае! И действительно без косточек. Я сразу забыла все на свете. Из наших в зале был только Гордиенко.

— Броня, иди сюда! — махнул он мне. — Видишь, я ем твои бутерброды!

— Я польщена!

— Ты не выпалась?

— А что, заметно?

— Да. Но это не страшно. В твоём возрасте это даже придает женщине известный шарм... — Он внимательно посмотрел на меня. — Уууу!

— Что такое? — встревожилась я.

— Смятение, барышня, в глазках-то. И что тому причиной? Надеюсь, не вчерашний казус?

— Какой казус? — не сразу сообразила я.

— Вон даже как! Весна, весна, пора любви! Только объект, детка моя, неподходящий, — добавил он едва слышно.

Я вспыхнула:

— Юрий Митрофанович!

— Знаю-знаю, не мое дело! Молчу!

— Вы не так поняли. Просто нет никакого объекта. Все дело в Веньке! — Чтобы замести следы, я сразу сдала двоюродного брата.

— А что с Вениамином?

И я выложила ему историю появления на свет Венчика.

— Вот этот дивный малыш, который читал «Анчар»? С ума сойти! Но Вениамину не позавидуешь. Если мать мальчика вызывает у него отвращение... По законам мелодрамы раскаявшийся блудный отец должен безумно полюбить ребенка и оценить верную и преданную любовь скромной девушки, которой довольно иметь ребенка от любимого. Море слез и просветленные улыбки. Марш Мендельсона и ожидание братика. Или сестрички. Третьего не дано.

— Боюсь, это не тот случай.

— Да. К тому же все-таки не мешает сделать анализ на ДНК.

— Но мальчик очень похож на Веньку в детстве.

— Боже мой, все красивые и упитанные младенцы более или менее похожи друг на друга. Пухлые щеки, трогательные ротки, блестящие кудрявые волосики...

— Юрий Митрофанович, вы так говорите об этом... С вами бывало что-то подобное?

— Ах, Бронечка, такое случается сплошь и рядом. Гастрольная жизнь... У нее свои законы и свои соблазны. Вот лет десять назад я приехал в Новосибирск на какое-то мероприятие, и ко мне заявляется девушка чудной красоты. У меня сердце дрогнуло — человек слаб. Но она вдруг, заливаясь краской и слезами и безмерно смущаясь, сообщает мне, что она моя дочь... Как, что? Она рассказывает мне банальную историю: дескать, девятнадцать лет назад я был на гастролях в Новосибирске — и у меня случился роман с ее матерью. В результате на свет появилась она. Мать безумно меня любила, но не хотела ничем обременять, ну знаешь эту вечную сказочку.. А теперь вот мать умерла и дочка осталась одна-одинешенька на свете... Она была очаровательна, но я совершенно не помнил ее маму. Ну начисто. Хотя исключить этот факт все же не мог. Мало ли что случается на гастролях... Разве упомнишь все? И я, старый дурак, рассиропился было. Пожалел прелестное одинокое создание. Но у меня есть школьный

друг, крупный биолог, он предложил мне сделать анализ на ДНК, тогда это еще было сложно. Ну и выяснилось, что прелестное создание не имеет ко мне ни малейшего отношения. А должен признать, что я заметил явное сходство девицы с моей родной сестрой в ранней молодости.

— Правда? А что же с прелестным созданием?

— Пожалел дурочку, познакомил ее с одним болгариним. Он очень быстро на ней женился. Она и вправду была прелестна. Так что...

В этот момент появились Андрей с Ларисой и сели неподалеку от нас.

— Броня, разве можно с утра есть столько арбуза? Ты же, пардон, не сможешь выйти из номера! — смеясь, заметил Гордиенко.

— Юрий Митрофанович, я больше всего на свете люблю арбуз! А этот такой вкусный! Да еще в мае!

— Ты так аппетитно его ешь... Я тоже захотел.

Он поднялся, чтобы положить себе арбуз, а Лариса ослепительно улыбнулась мне:

— Бронь, я вчера видела, что та лавочка открылась, ну ювелирная. Я заглянула, там та же старуха торгует. И сегодня до двух у нее будет открыто. Сбегаем после завтрака, а?

Андрей смотрел на меня с насмешливым интересом. Как я отреагирую.

— Сбегаем, конечно! — решительно ответила я. Почему бы и нет?

После завтрака мы как ни в чем не бывала отправились в ювелирную лавчонку. Зга был крохотный закуток, сплошь завешанный недорогими, но красивыми украшениями из серебра, меди и мельхиора. Древняя, лет под девяносто, старуха обрадовалась Ларке как старой знакомой и на ломаном русском стала расхваливать длинные серебряные серьги, действительно очень эффектные. Я бы и сама от них не отказалась, но у меня для них не хватало роста. И я принялась разглядывать браслеты, чтобы осуществить наконец свою давнюю и навязчивую идею. Выбор был большой.

— Давай, дева, я поставлю тебе серьги, и ты видишь сколько красиво...

— Красиво, да, — согласилась Лариса, — но я не люблю такие замки. У меня от них уши болят.

— Проблема нет. Я менять замки, но ты не правильно, это хороший французский замки...

— Они мне неудобны.

— Хочешь такой? Совсем простой? Пусть! Сейчас сделаю.

И старуха с потрясающей для ее возраста сноровкой поменяла замки на сережках. Заметив мое восхищение, она с довольным видом кивнула:

— Я старый ювелирка, тут половина моя работа! Этот браслетка тоже.

— Вы из России? — спросила я.

— Нет, я из Румынии. Но я знаю двадцать языка. Немножко, но знаю. Ты хочешь эта браслетка?

— Да. И еще вот эти три...

Я надела все четыре браслета на одну руку, и мне страшно понравилось.

— Хорошо. Только надо еще одна! — Старуха вытащила из ящика браслет с висюльками.

— Поставь это тоже! Вот теперь красота!

И действительно, теперь было то, что надо!

— Все берешь?

— А сколько это стоит?

— Ты много берешь, я делаю тебе скидка!

Она взяла с меня совсем недорого за такую красоту.

— Господи, какое счастье в таком возрасте еще работать! — воскликнула я.

— Я без работы никогда не стою. Мне уже девяносто один год, и я была в гетто.., умирала там.. И моя сестра думать, я умер, все думать, я умер. А я все живу. И мне еще не надоело!

Она была завита, крашена хной, на губах яркая помада.

Мы сердечно с ней простились.

— Чудо, а не старуха, правда? — сказала Лариса.

— Да. О такой старости можно только мечтать.

— Да ну... Старость, даже такая, ужасна! Не хочу стариться!

— Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— О! Тебе еще рано о старости думать. Сейчас она была милой, нормальной, и я вдруг засомневалась: неужели это она хотела мне напакостить?

— Давай кофейку выпьем, а? — предложила она.

— Давай.

Мы зашли в маленькое кафе. Там работал кондиционер, и было прохладно.

— Смотри, какие пирожные! Давай по одному, а?

— С удовольствием.

— Послушай, Бронь, я что хотела сказать... Я вижу, что ты на Андрея запала...

— Ларка, ты спятила!

— Да нет, я ж не слепая! Да мне не жалко, пожалуйста!

— Ты больная?

— Нет, я-то как раз здоровая. А вот он...

— Что?

— Импотент.

— Да ты что? — обомлела я.

— Да, и довольно давно. А почему, ты думаешь, я на сторону смотрю? Я не уйду от него просто из жалости. Так что... Ты понимаешь, он не хочет в это поверить..., пытается иногда..., ну с другими... И ничего. Только каждая такая попытка это кошмар! Он впадает в такое отчаяние...

— А он не лечится?

— Лечился, а толку чуть... Его сглазила какая-то баба...

У меня сердце кровью облилось от жалости. К нему, а не к ней. И тут же я вспомнила утреннюю встречу. Она не была похожа на встречу с импотентом. И в заигрывании Андрея не было никакого надрыва. Легкая игра опытного и уверенного в себе мужчины. Но может, и в самом деле игра, но не мужчины, а прекрасного актера?

— Лара, а зачем, собственно, ты мне это рассказываешь?

— Жалко мне тебя. Сперва на педика губу раскатала, а потом на импотента.

Мне стало тошно.

— Знаешь, я как-нибудь сама разберусь со своей половой жизнью.

— Конечно, только зачем зря время тратить на пустой номер. Хочешь, с охренительным мужиком познакомлю?

— Да нет, спасибо, у меня вопрос так остро не стоит.

— Счастливая! А я вот мучаюсь. Да еще Андрюшка ревнует как сволочь. Я бы бросила его, но...

— Ты уже говорила, что тебе его жалко.

— Жалко, конечно. Но если встречу подходящего мужика, чтобы устроить свою жизнь во всех смыслах, уйду, не дрогну. Сколько можно?

— Ну, если не дрогнув, то зачем ждать?

— Потому что Андрюшка мне все-таки задницу прикрывает. У него успех, популярность, он сейчас прилично зарабатывает..., вот в эту поездку меня протырил..., твой братишка не хотел меня брать, думаешь, я не знаю? Да и вообще..., уходить в пустоту неохота.

— Тебе жить негде?

— Ну, положим, у меня есть где жить, осталась квартирка от старшей сестры, крохотная.

Но Андрей, если мы расстанемся, квартиру по-любому оставит мне, он же строит из себя порядочного. Первой жене с сыном оставил квартиру. И мне оставит.

— Но ведь у тебя есть...

— Вот пусть он там и живет, я не против.

— А он в курсе твоих планов?

— Думаю, догадывается. Я на тринадцать лет моложе, я здорова, мне мужик нужен...

— Ладно, Ларис, пойдем, что ли?

— Пошли, — согласилась она.

Когда мы уже подходили к нашей улице, у Ларисы зазвонил телефон. Она глянула на экранчик и расцвела.

— Алло! Да, я! Конечно! Хорошо, договорились! Я сегодня свободна! Блеск! Пока!

Опять свиданка, судя по всему.

— Броня, придумай что-нибудь!

— Что я должна придумать?

— Ну давай умотаем куда-нибудь вместе, а?

— Куда?

— Куда хочешь! Мы только вместе выйдем, а потом ты свободна как птица! Ну, Бронечка, пожалуйста!

— Нет. Хватит с меня. Я и за себя-то врать не умею, один раз попробовала, и то чуть по морде не схлопотала. Но жениха потеряла.

— Как же ты живешь? Совсем не по лжи? — хмыкнула она.

— А мне некому врать. Я одна живу. Только с дочкой. А тебе, похоже, часто врать приходится. У тебя опыт больше.

К счастью, в этот момент кто-то крикнул:

— Девушки, куда ходили?

Венька! Вид у него неважный. Невыспавшийся, хмурый.

Я протянула ему руку, унизанную браслетами:

— Вот!

— Ты что, папуаска?

— А ты не знал? — засмеялась я.

— Девушки, мы вас ждем, а вы шляетесь.

— Ждете? Кто ждет? — насторожилась Лариса.

— Да мы с Андрюхой машину напрокат взяли. Так что живо собирайтесь!

Так, интересно, как Лариса будет выкручиваться?

— А вы нас спросили? — накинулась она на Веньку. — Может, у нас другие планы?

— Лично у меня нет никаких планов, — поспешила заявить я. Еще не хватало мне опять покрывать Ларкины блядки.

— Тогда беги переоденься, захвати купальник и что там тебе понадобится. А ты сама разбирайся с мужем.

Я побежала в номер. Поехать с Венькой и Андреем — такая перспектива меня вполне устраивала.

Когда я спустилась вниз, они оба уже ждали меня.

— А Лара не поедет? — спросила я.

— Нет, у нее, оказывается, страшная мигрень, и она хочет полежать в темноте и тишине, — сообщил Андрей таким тоном, что я сразу поняла, что он видит ее насквозь.

— А давайте заглянем в супермаркет, купим чего-нибудь и устроим пикник, — предложила я.

— Мудрая мысль! — заметил Андрей. Супермаркет находился на Бен-Йегуде в двух шагах от гостиницы, но мы не учли, что сегодня пятница и народ закупает продукты на шабад. К каждой кассе стояла очередь, и почти у всех были тележки, доверху набитые продуктами.

— Ну нет, — сказал Венька, — мы потеряем уйму времени! А поесть в Израиле не проблема даже в пятницу!

— Это правда, — согласился Андрей. — Купим воды вон в той лавочке и орешков для Бронечки.

— Почему это для меня?

— Три орешка для Бронечки! Помнишь, был фильм «Три орешка для Золушки»?

— Не помню.

— Ну все равно...

У него в голосе было столько тепла, что я вздрогнула.

За руль сел Андрей. Венька уселся с ним рядом, а я устроилась сзади.

— Венька, командуй!

— Значит, поедем для начала в Кейсарию. Это тридцать шесть километров отсюда.

— А что там такое? — спросил Андрей. — Я там не был.

— Я тоже, вот и поглядим. Там в пятидесятых годах раскопали древний город. И теперь там музей под открытым небом. Говорят, красота. А рядом шикарный курортный городок, виллы и все такое. Искупаемся, приобщимся к культуре, пообедаем...

Они вдвоем смотрели карту, вполголоса обсуждали достоинства и недостатки взятой напрокат машины, а я улеглась на заднем сиденье. Меня неудержимо клонило в сон. И я заснула.

Проснувшись внезапно, как от толчка, и, еще не открывая глаз, ощутила на себе чей-то взгляд. И взгляд этот словно бы имел вес и объем. Я посмотрела из-под ресниц. Обернувшись назад, со своего шоферского места на меня смотрел Андрей. Смотрел с такой нежностью, с какой на меня смотрела разве что бабушка, когда я в раннем детстве выздоравливала после тяжелой скарлатины.

— Ты уже проснулась, не притворяйся, — произнес он таким голосом, что меня мороз подрап по коже.

— Почему стоим?

— Пробка. Впереди авария.

— А Венька где?

— Пошел посмотреть, надолго ли эта канитель. Ну как, выпалась?

— Кажется, да.

Тут возвратился Венька с известием, что скоро мы, видимо, тронемся.

И действительно, минут через пять поехали.

* * *

Время мы провели изумительно! Купались, осматривали руины римских строений, опять купались, бродили по песку, фотографировались вместе и порознь.

— Буська, ты представляешь себе, как Полька будет гордиться своей мамашей?

— И двоюродным дядькой тоже!

— А как будет хвастаться подружкам? Моя мама в Израиле! А кто это с ней? Неужто Андрей Дружинин? Офигеть! Супер! Ой, девчонки, я от него балдею! — смешно показывал Венька.

— Не преувеличивай! Девчонки возраста ее дочки балдеют не от меня и не от тебя — мы для дам постарше, — смеялся Андрей. — Этим подавай Витаса!

— Это правда, — сказала я. — Полина моя от него просто помирает.

— Не страшно! Девчонки расскажут своим мамам, а вот уж те лопнут от зависти. А твои коллеги, Буська...

- Ты спятил? Я своим коллегам и словечком не обмолвлюсь, чем я тут занимаюсь.
- А разве есть что-то предосудительное в твоих занятиях? — удивился Андрей.
- Вообще нет, но у меня на работе это бы не одобрили, тем более что я взяла отпуск в неурочное время, да и вообще... У нас чрезвычайно чопорное начальство.
- А ты хочешь вернуться к своей профессии?
- Господи, конечно!
- А может, зря? У тебя явные актерские способности, не говоря уж о голосе...
- Да ну, поздно мне так кардинально менять жизнь... Может, если б я была одна... Но у меня дочка, да еще в таком возрасте... Нет. Хорошенького понемножку.
- Ты такая разумная? — спросил Андрей.
- Да нет, это она теперь стала такая, — вмешался Венька. — А раньше... Мне приходилось таскаться с ней на свидания.
- Зачем это?
- А я отбраковывал претендентов. Один раз пустил дело на самотек, так она умудрилась выскочить замуж, и весьма неудачно.
- Ну я так понял, что давешний Отелло тоже не прошел у тебя аттестацию?
- Нет. Столько дел в Москве, кручусь как белка в колесе, вот она и вырвалась на волю. Но сейчас без моего одобрения никто к ней не приблизится. С меня довольно. Имей в виду, Буська, как заведется у тебя претендент, так сразу звонишь мне, и, пока я не дам добро, ты...
- Щас!
- Ничего не щас! Пусть подают заявку в письменном виде, а я рассмотрю в приемлемые для всех сроки.
- А если внезапная страсть? Вот нахлынула и...
- Нет, это ради бога! Я только насчет замужества. А так считай себя свободной.
- То есть просить Брониной руки следует у тебя? — усмехнулся Андрей.
- Вот именно!
- Но насколько я понял, у Брони есть отец и мать...
- Ну отцы и матери в нашем благородном семействе — это тема особая, так что я для нее главнее.
- Не много ли на себя берешь?
- А ты что, метишь в претенденты? Зря, друже, зря!
- Почему? — заинтересовалась я.

— У него нет шансов. Ты, Андрюха, неподходящий жених для моей любимой кузины. И вообще, ты женат!

Разговор был шутливый, так, веселая трепотня, но мне почему-то стало страшно. Но тут же я вспомнила, что Андрей импотент. Ой, что-то слабо верится. Небось Лариска выдумала это, чтобы оправдать свое безудержное блядство. А еще я вспомнила этот почти материальный взгляд... И тут уж ему не надо было ничего играть, никто не должен был видеть этот взгляд. Неужели он в меня влюбился? Господи, да он, по-моему, способен свести с ума любую женщину, даже самую прекрасную, самую юную и знаменитую, так при чем тут я? Я, конечно, вполне ничего себе, обаятельная, говорят, и мне идет эта безумная прическа, с которой вскоре придется расстаться. Тут у меня внешность даже несколько экзотическая, а в Москве... Да ерунда это все. Зачем мне нравится ему в Москве? В Москве у него на меня и минутки не будет, это тут он свободен, а жена ведет себя черт-те как. Вот он и хватается за меня как за соломинку... Черт подери, Венька тоже схватился за меня как за соломинку, а теперь еще и этот. Ну Веньку я, положим, спасла...

На обратном пути машину вел Венька.

— Слушай, Броня, — сказал вдруг Андрей, — спой нам что-нибудь. А то Веня сейчас заснет за рулем.

— Правда, Буська, спой, только что-нибудь бравурное, веселое, в то я и вправду засну!

— Ну вот еще, пусти лучше меня за руль!

— Никогда! Женщина за рулем — враг человечества! Спой, светик, не стыдись.

— Пожалуйста, Броня! — сказал Андрей. Это прозвучало так проникновенно, что я сдалась. А Венька — я увидела это в зеркальце заднего вида — метнул на него испуганный взгляд.

— Вы хотите, чтобы я пела? Ну что ж, вы это получите! — И я запела «Не уходи, побудь со мною...». Негромко так, интимно. Андрей дернулся, повернулся ко мне. Ему мешал высокий подголовник, но он сидел, не сводя с меня блестящих глаз.

Когда я допела, никто сначала ничего не сказал.

— Еще спой, — почти потребовал Андрей.

Я запела «Две гитары».

И вдруг отдала себе отчет в том, что стараюсь нагло, в открытую, соблазнить Андрея. И тут же сбилась.

— Ну что ж ты? — хрипло проговорил он.

— Эй, ребята, может, мне выйти, а? — довольно резко спросил Венька. — Такое впечатление, что я тут лишний?

— Да ладно тебе, — весело прервала его я. — Ты же сам просил спеть. — И я запела старую песню: «Уж ты плачь иль не плачь, слез никто не видит, загорюй, затоскуй, курица обидит!» Эту песню я часто пела Польке, когда она куксилась. На нее она всегда действовала. Подействовала и на Андрея. Он хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— Какая простая и мудрая мысль! Спасибо, Броня!

— Буська, знаешь, у меня идея! Давай Митрофаныча огорошим!

— Что?

— Ты ему завтра на сцене вместо какой-нибудь своей песни спой: «Тебя я лаской огневою и обожгу и утомлю!» Представляешь, как он заведется? А, Андрюха?

— Нет. С Гордиенко я никаких этих штучек делать не стану. Он самый добрый и самый лучший, и я просто не имею права ни на какие хохмочки, — вполне серьезно разозлилась я.

— С ума сойти! — негромко произнес Андрей. В его тоне я услышала в первую очередь уважение.

— Может, ты и права, — согласился Венька, — но, если захочешь кого-нибудь соблазнить, спокойно пой этот романс — и успех тебе обеспечен.

— Ты хочешь сказать, что я тебя соблазнила?

— Еще чего! — не слишком искренне отозвался Венька. — Но я же способен оценить...

— Помолчи уж лучше, — миролюбиво заметил Андрей.

И тут мы приехали.

Утром я обнаружила, что за вчерашний день очень сильно загорела. Мне это понравилось. А еще я окончательно поняла, что по уши влюбилась. А может, это любовь, та самая, которой у меня еще не было? Тогда радоваться нечему. Но я все равно радовалась. Внутри у меня все пело и глаза сияли. Я попыталась убрать это сияние, но не получилось. Ну и пусть сияют! Тут же я вспомнила вчерашнее утро. И решила побежать на пляж, а вдруг он тоже пойдет? Мне уже не страшно было остаться с ним вдвоем на пляже. Броня с Брони осыпалась как плохая побелка с потолка. Помню в детстве на даче в Абрамцеве сделали ремонт. Потолок побелили, а вскоре побелка стала надуваться пузырями. Я влезла на стул и стала тыкать в эти пузыри палкой от швабры. Побелка лепестками сыпалась вниз. Мне почему-то это доставляло огромное удовольствие, я проделывала это при каждом удобном случае. Но однажды мама застала меня за этим занятием. Крику было, шуму! Меня чего-то лишили, уж не помню чего, мама со мной не разговаривала, а когда вскоре приехал Венька, ему запретили со мной общаться. Но он не любил подобных методов и спросил у мамы:

— Я не понял, это Буська белила потолок?

— Что за глупости? — воскликнула моя мама. — Я же тебе объяснила!

— Но если бы потолок был побелен нормально, ничего бы с него не сыпалось, верно?

— Допустим.

— Не сыпалось бы, и у Буськи не возникло бы соблазна тыкать палкой в потолок! Поэтому наказывать надо не ее, а маляра.

Бабушка услышала этот разговор и безоговорочно перешла на сторону Веньки. В результате наказание отменили. Мне тогда было одиннадцать лет, а ему четырнадцать. Ну разве можно было не обожать такого кузена? Я и обожала. И до сих пор обожаю!

Но купаться мне пришлось в гордом одиночестве. Зато на завтрак все явились почти одновременно. Даже Андрей с Ларисой. Она выглядела пришибленной. А он измученным. По-видимому, состоялось какое-то объяснение.

— Буська, не пялься на него так, неприлично! — шепнул мне Венька. — Ешь лучше свой арбуз.

— Вень, отстань, а!

— А ты знаешь, что мне вчера вечером сказал Митрофаныч?

— Откуда ж мне знать?

— Он спросил: «А вы заметили, что у Бронечки назревает роман с Андреем?»

— И что ты ответил? — развеселилась я.

— Что ты набитая дура и я ничего не могу с этим поделать.

— Правильно ответил.

Тут появился Оскар:

— Бронечка, можно вас на два слова?

— Мне уйти? — недовольно осведомился Венька.

— Извините, Вениамин, но...

— Сиди, — сказала я. — Пойдемте в холл, Оскар.

— Бронечка, помните, я говорил вам про поклонника?

— А, неромантический герой.

— Ну да. Он теперь созрел.

— Созрел для чего? — улыбнулась я.

— Чтобы поговорить с вами.

— И где он?

— Тут рядом, в «Шератоне».

— Не пойду!

— Почему?

— С какой стати мне идти в отель неведомо к кому и неведомо зачем?

— Ведомо, все ведомо — и кто он и зачем.

— Тогда скажите!

— Он хозяин русского ресторана, вернее, целой сети русских ресторанов в Европе и Америке.

— Ну и при чем тут я?

— Он хочет сделать вам выгодное предложение.

— Какое предложение?

— Петь у него. Он говорит, что просто сходит с ума от вашего голоса.

— Да ну, Оскар, скажите ему, что я не согласна, и все.

— Броня, но вы же не знаете, какой контракт он хочет вам предложить. И вообще... Я обещал ему привести вас. Не волнуйтесь, он не будет к вам приставать. Он ждет нас в холле отеля. В худшем случае пригласит пойти в бар. Тоже мне проблема!

— Ну ладно, а можно взять с собой Веню, он же импресарио и к тому же мой брат?

— Не стоит, Бронечка. Я не дам вас в Обиду.

До «Шератона» от нас было рукой подать, но Оскар усадил меня в свою машину.

— Оскар, скажите...

— Ой, Бронечка, он вам все сам скажет. Мое дело доставить вас к нему.

— И обратно?

— Ясное дело, и обратно! Иначе Дружинин мне ребра переломает.

— Дружинин? — ахнула я. — При чем тут Дружинин?

— Ай, Бронечка, вы думаете Оскар слепой? Тут мы приехали к «Шератону».

В шикарном холле, который не произвел на меня ни малейшего впечатления, ибо мой шеф всегда останавливается именно в «Шератоне», Оскар взял меня за руку. И тут я увидела, что из кресла поднялся человек в белом костюме и черно-белых лакированных ботинках. Он выглядел точь-в-точь как русский мафиози в исполнении Джигарханяна. И был со мной одного роста. Хотела бы я посмотреть на него рядом с Ларисой.

— Доброго утра, господин... — Оскар назвал какую-то еврейскую фамилию, что-то вроде Ципельзона. — А вот и наша Полина Брон!

— Здравствуйте, Полина! — Он не стал дожидаться, когда я подам ему руку, схватил и крепко встряхнул. — Пойдемте в бар, там лучше говорить. Или хотите позавтракать?

— Спасибо, нет. Я уже завтракала.

— Оскар, ждите тут! — распорядился он и, не отпуская мою руку, пошел к бару. Усадил меня за столик. — Кофе? Или что покрепче?

— Минеральной воды без газа!

— А картины не желаете?

— Не желаю! Вы извините, но у меня мало времени. Репетиции...

— Хорошо, приступим к разговору! Шампанского нам! — сказал он подскочившему официанту.

«Шампанское с утра пьют или аристократы, или дегенераты», — вспомнилась мне крылатая фраза из «Бриллиантовой руки». Аристократом он, совершенно очевидно, не был. Значит, дегенерат?

— Полина, я восхищен!

Он еще не успел закончить фразу, как на столике уже стояла во льду бутылка «Дом Периньона». Видимо, он хотел пустить пыль в глаза бедной московской безвестной певичке. Он же не знает, что, будучи переводчицей при моем шефе, я не раз пробовала эту роскошь. Но я в принципе не люблю шампанское.

— Полина, я предлагаю выпить за ваше здоровье! И за ваш талант.

— Извините, я не знаю вашего имени-отчества.

— Просто Джонни!

Мне показалось, что я слышу хриловатый голос Джигарханяна.

— Извините, Джонни, я не пью с утра шампанское даже такого ранга. Я выпила бы воды.

Он щелкнул пальцами.

— Даме воды, — сказал он на довольно скверном английском. — Но я выпью все же за ваш талант!

— Спасибо!

— Полина, я имею сделать вам предложение.

— Внимательно вас слушаю.

— Мне понравилось, как вы поете. Я предлагаю вам для начала контракт на полгода. Будете выступать в Нью-Йорке в моем новом ресторане через день. Гонорар — пятьсот долларов за вечер.

Ни фиги себе! — подумала я.

— Ну там всякие налоги, то се я в эти полгода возьму на себя. Вы будете оплачивать только квартиру. Семь с половиной тысяч в месяц, согласитесь, совсем неплохо для начинающей. Если в течение полугода и меня, и вас все будет устраивать, мы заключим новый контракт на большую сумму. И петъ вы станете уже в другом ресторане. Ну там будет видно! Может, дело дойдет и до сольных концертов. Ну диск запишем, то, се. Я вам очень советую позаниматься с педагогом по вокалу. Получая такие бабки, вы вполне можете себе это позволить. А педагога я вам найду. Вы по-английски хоть немножко говорите?

— Говорю.

— Ну так что? Вас устраивают мои условия?

— Условия? Вполне.

— Так мы можем подписать контракт прямо сейчас? — просиял он. А глаза его при этом так явно замаслились, что было понятно: «Подпишем контракт — и в койку!»

— Нет, Джонни, условия прекрасные, но я не буду петь в вашем ресторане.

— Почему? — безмерно удивился он. — Вам мало этих денег? Но это царские условия!

— Я вполне отдаю себе в этом отчет. Но в мои планы не входит петь в ресторане. У меня другая профессия.

— Но вы же тут поете?

— Это так... Прикол...

— Что такое прикол? — нахмурился он.

— Шутка.

— Полина, но это же..., сколько вам платят на вашей работе?

— О, гораздо меньше!

— Тогда в чем дело? У вас есть более выгодное предложение?

— Нет-нет, что вы... И вообще, я очень польщена и благодарна вам, но..., это не для меня. К тому же у меня есть дочка, ей двенадцать лет...

— В чем проблема? Возьмите дочку с собой! Пусть поживет в Америке, это полезно.

— Нет, Джонни, спасибо, но я... Я просто не хочу становиться певицей. Не чувствую призвания. Одно дело попеть для друзей... А тут... Поздно мне уже.

— Знаете что, вы подумайте еще. Не отказывайтесь так, с кондачка. Пожалеете потом, а будет поздно. Джонни Ципельзон уже уедет.

— Да мне и думать не надо.

— Ну черт с вами, восемьсот за выход! — страстно выкрикнул он. — Хотя это ни в какие ворота не лезет, но ради вас...

— Нет, Джонни, я безмерно тронута вашей щедростью, но это просто..., ну не для меня, поймите!

— Я не понимаю! Отказываюсь понимать! У вас что, богатый любовник?

— У меня сейчас нет никакого любовника — ни богатого, ни бедного.

— Слушайте, вы вообще нормальная? — уже начал сердиться Джонни Ципельзон.

— Наверное, нет, и я это понимаю, но...

— И все же я даю вам три дня на размышления. Посоветуйтесь с кем-нибудь.

— Да что мне советовать... К тому же я жаворонок.

— Нет, вы.., соловей! — опять страстно выкрикнул Джонни.

— Вы меня не так поняли. Я просто встаю рано и рано ложусь. А в ресторане у меня это не получится. Я к вечеру потеряю форму, и все.

— Но это, извиняюсь, чушь собачья. Можно себя перестроить.

— Чего ради?

— Ради денег хотя бы.

— Знаете, мне хватает на жизнь. На мою собственную жизнь, которую я сама выбрала. А чужой мне не надо.

— Но закапывать в землю талант грешно!

— А расходовать его на пьяных жующих эмигрантов лучше?

— Ой, мамочки, вы же молодая женщина, откуда в вас эти дурацкие совковые предрассудки?

— Оттуда, из совка. Но что поделаешь...

— Значит, решительно нет?

— Нет.

— Жаль. Я на вас рассчитывал. Послушайте, Полина... — Он взял мою руку и стал, пристально глядя в глаза, целовать каждый пальчик. — Я часто бываю в Москве... — Взгляд у него сделался совершенно коровьим, как ни дико это звучит. А меня передернуло от отвращения. — Вы сказали, у вас сейчас нет любовника... Я понимаю, что я не Леонардо ди Каприо и не Том Круз, но у меня много других достоинств. Если вы полюбите меня... Я вас озолочу!

Боже, как в дурном кино!

— Простите, Джонни, — как можно мягче сказала я и осторожно высвободила руку. — Но вы же сами сказали, что я совок... — И тут у меня мелькнула шальная мысль. — У меня есть приятельница, она очень красивая, куда мне до нее. Она хорошо поет, профессионально, в отличие от меня, и она как раз ищет спонсора...

— О, в наше время многие ищут спонсора, а вы меня шугаете!

— Нет, я просто.., ну это не для меня.

— А эта ваша подруга.., она что, актриса?

— Да, вы наверняка ее видели, такая красавица... Лариса Дружинина.

— Эта жердь? — даже с некоторым ужасом воскликнул он.

— Ну почему — жердь? У нее великолепная фигура!

Он посмотрел на меня очень внимательно. И рассмеялся:

— Хотите сбыть соперницу Джонни Ципельзону?

У меня сердце ушло в пятки. Если уже все, вплоть до Джонни Ципельзона, в курсе нашего с Андреем несуществующего романа, то...

— К сожалению, эта девушка не в моем вкусе, и тут я вам ничем не могу помочь, — довольно ядовито усмехнулся он. — Короче, все ясно. Свободна.

— Что? — не поняла я.

— Свободна, говорю! Гуляй!

Я вспыхнула. Куда девалась его обходительность?

— Хамить я тоже умею! Сейчас узнаешь. И запомни: это я тебя гулять пустила, старый козел! Счастливо, Ципельзон! — Я резко повернулась на каблуках, но он поймал меня за юбку:

— Стоп!

Вот тут я, честно говоря, испугалась.

— Ты клевая баба! С виду и не скажешь, что в тебе столько изюму. Джонни Ципельзон знает толк не только в бабках, но и в бабах! И у тебя сейчас.., самый твой возраст! Жалко, не мне этот изюм достанется. Но на прощание я тебя все-таки ущипну!

И он ущипнул меня за попу.

— Ай, больно!

— Мы квиты! — засмеялся он.

Мне тоже стало смешно.

— Оскар, откуда взялся этот тип?

— Ну изначально из Пензы. А сейчас он крутой воротила в Америке. — Не спелись?

— Нет!

— Я вообще-то так и думал. Но мало ли что бывает... Он хоть вел себя как человек?

— Как кентавр.

— То есть?

— Ну фасад как у человека, а зад как у козла!

— Кентавр, насколько я помню, был помесь с лошадью.

— Да знаю! Но на лошадь не тянет!

— Вы обиделись?

— Да нет, с чего бы? Было даже интересно.

— Он вам нормальные условия предложил?

— Я не знаю, но на мой взгляд, царские.

— Ну что ж вы? У вас есть все шансы сделать неплохую карьеру.

— В качестве любовницы Джонни Ципельзона?

— Извините, конечно, но многие не брезгают... Понимаю, не ваш случай.

* * *

На терраске перед гостиницей курил Андрей:

— Привет. Куда ты запропастилась? Посиди со мной.

Я села.

— Ты не знаешь, где Венька? — спросила я.

— Умотал куда-то. Но вид у него был, — краше в гроб кладут.

Неужто пошел на свидание с Соней?

— А что ты тут сидишь один?

— У меня в номере убирают. Только не спрашивай, где Ларка.

— Я и не спрашиваю.

— Слушай, ты можешь мне помочь?

— В чем?

— У моей мамы в июне день рождения. В Москве времени покупать подарок у меня не будет. Может, ты что-то посоветуешь?

— Ну как я посоветую? Я же твою маму не знаю.

— А я опишу, — улыбнулся он. — Ей исполнится шестьдесят пять.

— О, это дата!

— В том-то и дело. Она еще красивая женщина. Концертмейстер в Большом театре.

— Так вот в кого ты такой музыкальный.

— Вероятно. Она высокая, глаза зеленоватые, волосы седые, краситься не хочет. Ну вот, пожалуй, и все... Да, она, в отличие от меня, веселая. Это я мрачный тип, а мама... Мама у меня прелесть.

— Я с удовольствием тебе помогу, но... — Я хотела спросить, не лучше было бы поручить это Ларисе, но осеклась. У него в глазах была мольба, но не о помощи, а о молчании. — А у тебя есть какие-нибудь идеи?

— Тут столько ювелирных магазинов...

— Значит, какое-нибудь украшение?

— Ну да. Я подумал, что на юбилей надо что-то такое... Я еще никогда не дарил маме украшений.

— Ну что ж, ты хочешь прямо сейчас пойти?

— Если ты можешь...

— Я готова.

Он потушил окурок в полной пепельнице.

— Андрей, зачем ты столько куришь?

— Привычка.

Мы пошли рядом. Мне нравилось с ним ходить. Удобно. Он шел именно в том темпе, который был мне привычен. Вот Женя всегда шел быстрее, чем нужно. Впрочем, может, это мне все кажется... Просто, оттого что Андрей был рядом, у меня немножко мутилось в голове. И чтобы не дать ему это заметить, я болтала без умолку о предстоящей покупке. А поскольку в Тель-Авиве великое множество ювелирных, то вскоре мы уже стояли у витрины.

— Тебе тут что-нибудь нравится? — спросила я.

— Я плохо в этом разбираюсь.

— Но что бы ты все-таки хотел? Серьги, колечко, браслет, кулон?

— Наверное, кольцо. У мамы красивые руки.

— Это сложнее всего.

— Почему? — удивился он.

— Ты размер знаешь?

— Нет.

— А как же тогда покупать?

— Дай твою руку. Нет, у мамы руки крупнее. Тогда давай сережки купим.

— А может, ты позвонишь маме и спросишь?

— Но тогда не получится сюрприза.

— Ну и что? Маме будет приятно заранее, что сын хочет купить ей хороший подарок. А сюрпризом будет, например, корзина цветов, в которую ты вложишь футляр с кольцом.

— А это не слишком пошло?

— Может, и пошло, но приятно.

— Слушай, ты умница! Сейчас же позвоню маме. — Алло, мама? Да ничего, все нормально, мамочка. Скажи мне пожалуйста, какой у тебя размер пальца? Что значит — какого пальца? Ну я хочу купить тебе кольцо. Как это — зачем? Мне хочется. У тебя же юбилей скоро. Понял. Да. Нет, что ты, — засмеялся он, — совсем другое. Хорошо. Целую.., — Размер восемнадцатый. И ни в коем случае не красный камень. Вот! Да, еще тебе привет от мамы.

— Не выдумывай, ты обо мне ни словом не обмолвился.

— О, ты не знаешь мою маму! Она, когда я сказал про кольцо, спросила: «Ты, часом, не влюбился? Она там с тобой? Передай ей привет».

Меня как будто ударили.

— Ты хочешь сказать, что влюбился в меня?

— А ты еще не поняла?

— Андрей!

— Что — Андрей? Ты разве можешь сказать, что вполне равнодушна ко мне? — спросил он тихо.

— Я не знаю...

— Посмотри мне в глаза!

Я понимала, что не стоит этого делать, но помимо воли подняла на него взгляд.

Он смотрел на меня без улыбки, серьезно и грустно.

— Ну вот видишь..., — без всякого торжества констатировал он. — Только ничего в этом нет хорошего. Ладно, замнем пока. Знаешь, мне тут ничего не нравится. Смотри, вот там еще одна лавка.

Да, весьма своеобразное объяснение в любви. Неужели Лариса не соврала? Потому что, по моей, вероятно, очень примитивной логике, тут должен был воспоследовать как минимум поцелуй, хотя бы в щечку или нежное пожатие руки... Но нет. Господи, неужели действительно? Ужас какой. Жалко его до безумия. И себя тоже...

— Вот посмотри! — воскликнула я у третьей по счету витрины. Там лежало очень красивое и очень современное кольцо из матового золота с акваарином. — По-моему, красиво. И вероятно, не слишком дорого.

— Да, красивое кольцо и необычное... Давай купим его, и дело с концом.

Мы вошли и купили кольцо.

— Ну вот, дело сделано. Пойдем посидим где-нибудь? — предложил Андрей. — Я что-то проголодался. А ты?

— И я.

— Куда ты хочешь?

— Мне все равно.

— Тогда пойдем куда глаза глядят. Увидим что-то привлекательное, там и приземлимся. Давай?

— Давай, — согласилась я.

Мы и вправду побрели по каким-то улицам, где росли удивительные деревья, усыпанные бледно-лиловыми цветами. Старинные дома, вероятно, начала двадцатого века. Шумные, оживленные люди, и солнце, так много солнца, что все кругом должны, наверное, чувствовать себя счастливыми... Гормон счастья. Вовик Златопольский говорил даже, как он называется, этот гормон, но я не помнила.

— Знаешь, я сегодня отказалась от очень выгодного предложения.

— Да? От какого?

Я рассказала ему в общих чертах о встрече с Джонни Ципельзоном.

— Ну и почему ты отказалась?

— Потому что он хотел еще спать со мной.

Он как-то хрипло рассмеялся:

— Губа не дура!

— Но не только поэтому. Просто я не чувствую, что это мое... Знаешь, у меня есть один приятель, он был вполне успешным программистом, а в один прекрасный день бросил все и начал писать песни. Хорошие, кстати. И однажды он мне сказал: «Знаешь, я, когда занялся песнями, почувствовал, что живу наконец своей жизнью, а не чужой». Ты понимаешь, я такого не чувствую. Я просто вязалась в эту авантюру.., вовремя вязалась — и страшно рада, что поехала, и вообще... Но я не готова посвятить этому всю жизнь, тем более у меня Полина...

— И что, ты сможешь вот так вернуться к прежней жизни?

— Смогу! Мне в ней было спокойно. Я точно знаю, что я высококлассный переводчик, что я там на своем месте.

— Странно.

— А что ж тут странного?

Теперь мы шли по тенистому бульвару.

— Смотри, вон, по-моему, симпатичное заведение! — сказал вдруг он. — Заглянем?

Мы заглянули. Нам понравилось.

— Андрей, ты сказал, что это странно. Почему? — вернулась я к волновавшему меня разговору.

— А ты понравилась бы моей маме, — сказал он невпопад, словно не слышал моего вопроса. Но звучало это совершенно безнадежно.

— Ты думаешь?

— Да. Лариса ей не нравится. Совсем. Категорически.

Естественно, подумала я. Если его мама такая чуткая женщина, она наверняка догадывается, что у сына ветвистые рога.

— Какая у тебя ямочка на подбородке... Так и хочется поцеловать.

— Так поцелуй, в чем проблема? — тихо сказала я. Кроме нас в ресторанчике была только одна пара, и она не обращала на нас ни малейшего внимания.

Он вздрогнул. Протянул руку и погладил меня по щеке. Меня бросило в дрожь. А он сказал:

— Знаешь, я не хочу пошлого адюльтера на гастролях.

Неужто Ларка сказала правду?

— Тут солнце, море, нас тянет друг к другу... Давай отложим до Москвы.

— Ну что ж... — вдруг охрипла я. — До Москвы так до Москвы.

Мне все было понятно. Она сказала правду. Его все-таки тянет ко мне, и сильно, но обнаружить передо мной свою несостоятельность не хочется. А в Москве... В Москве так легко затеряться. У него своя жизнь. Напряженная, занятая, там все это забудется, как и не было. Там легко остаться друзьями или вовсе не видеться. Боже, какая злобная насмешка судьбы... И как его жалко, просто до слез. Но хорошо, что я это знаю. Я не совершу множества бестактностей и оплошек, которые могла бы совершить по неведению.

— Андрей, расскажи про своего сына, — сменила я тему. Он взглянул на меня с благодарностью. Бедолага. Но тут зазвонил мой мобильник.

— Буська, где ты? Я погиб! — В голосе слышалось подлинное отчаяние.

— Что? Что случилось?

— Мне подбросили ребенка!

— Какого ребенка? Что ты говоришь?

— Бусечка, возвращайся скорее, я пропаду! Он ходит на голове!

— Венька, прекрати истерику и объясни, в чем дело!

— Это долго! Пожалуйста, возвращайся! Сейчас он терзает Татьяну Ильиничну, но она долго не выдержит... Только ты можешь меня спасти!

— Ты про кого говоришь, про Венчика?

— Ну да, про кого же еще!

— Откуда я знаю, может, у тебя тут целый выводок.

— О боже!

— Ладно, буду через сорок минут.

— Что там такое? — заинтересовался Андрей.

Я ввела его в курс дела.

— О, мне такая ситуация знакома.

— И что?

Он молча пожал плечами, а я поняла так, что поскольку он импотент, то эти предъявленные ему дети не могут быть его детьми.

— Ну что, побежишь выручать братца?

— Доем — и уж тогда... Так о чем мы говорили?

— Я не помню... Послушай, как странно, что ты...

Опять зазвонил телефон. Опять Венька. Я не стала отвечать. Пусть думает, что я не слышу.

— Кошмарная штука эти мобильные, — улыбнулся Андрей, — даже в любви объясниться не дадут.

— Мы же решили, что отложим до Москвы, — напомнила я.

— Как ты мне нравишься..., ты какая-то совсем особенная, — произнес он так, что сердце подскочило к горлу, а потом стало медленно сползать в пятки, а по спине побежал холодок, — вероятно, это смешно звучит в устах сорокалетнего мужика, но с тобой я чувствую себя..., защищенным. Это глупость, конечно, но знаешь, меня столько раз предавали... Я раньше страдал, потом даже привык... А вот смотрю на тебя, и мне кажется, ты не предала бы.

Господи, зачем он это говорит? Я же гибну, тону... Мне уже наплевать, что он импотент, это же не самое главное. А глаза... Мне хочется обнять его, прижать к себе и утешать как маленького мальчика, только бы он был рядом.

И опять зазвонил телефон. Номер не определился.

— Алло!

— Привет, это я. Только не бросай трубку.

Женя!

— Я слушаю тебя, — очень холодно отозвалась я.

— Ты знаешь..., ты прости меня, пожалуйста, я был просто не в себе...

— Я заметила.

— Но я тут подумал... Я не имел права так поступать... Если можешь, забудь. И давай ничего не будем отменять. Я очень виноват перед тобой, очень. Я люблю тебя и Полину... Мне плохо без вас будет. Очень, очень тебя прошу.

Меня растрогали его слова. Его тон. Но главное — мне показалось, что его звонок — спасательный круг. И если я сейчас за него ухвачусь, то, может, и не погибну от любви к импотенту.

— Ну хорошо, я вернусь, мы поговорим.

— Спасибо тебе. Я вчера видел Полину. Она в порядке. Мы с ней обедали в ресторане.

О, какая там ведется работа, подумала я. Андрей смотрел очень напряженно.

— Так я встречу тебя, да? Ты позволишь?

— Ну если сможешь...

— Конечно смогу. Мы с Полиной тебя встретим.

— Хорошо. Ну пока.

— Это звонил тот хам?

— Да. Как ты догадался?

— Не знаю. И чего хотел? Просил прощения?

— Ну в общем да.

— И ты простила?

— Да нет... Просто не хотелось препираться по мобильнику — накладно и бессмысленно.

Он улыбнулся с облегчением. Вот навязался на мою голову. Я уже чувствовала какую-то ответственность за него. Мне это надо?

— Андрюша, пойдем, а? Надо же узнать, что там с Венькой.

— Ты первый раз назвала меня Андрюшей... Черт, почему мне рядом с тобой не стыдно быть слабым?

Мне показалось, что сейчас можно расставить все по своим местам:

— Потому что, вероятно, ты не рассматриваешь меня как сексуальный объект, ты видишь во мне друга...

Он вдруг громко расхохотался:

— Боже, какая ты дурища!

И опять зазвонил телефон. Вот наказание!

— Буська, ну где ты там ходишь? Ты скоро?

— Скоро. Сейчас возьму такси и приеду!

Мужчины — слабый пол, и сегодня я окончательно в этом убедилась. В течение одного часа три мужика вzywали ко мне, слабой женщине, моля о помощи. Женя ведь тоже молил... По-

своему.

* * *

В холле гостиницы я застала такую картину: Татьяна Ильинична, держа на коленях Венчика, совала что-то ему в рот, и без того вымазанный шоколадом. Рядом в кресле, вытянув длинные ноги, в изнеможении валялся Венька, а Демин показывал Венчику какие-то фокусы.

— Буська, — вскричал Венька, — наконец-то! Татьяна Ильинична, вы согласны побыть еще минут двадцать с этим чудовищем? Я должен поговорить с сестрой.

— Да ради бога, Венечка! Я так давно не возилась с малышами.

Венька подхватил меня под руку и вытащил на улицу:

— Пойдем пройдемся. А где, кстати, ты была?

— Это не имеет отношения к делу. Говори, что стряслось?

— Ох, Буська, это Бог меня наказал.

— За что?

— Да мало ли...

— Слушай, сетовать и стенать будешь потом, а сейчас говори, в чем дело?

— Ты понимаешь, я позвонил этой бабке, а подошла Сонька. Представь себе, она меня узнала сразу и как будто не очень удивилась.

Я сказал, что надо бы поговорить. Она сразу назначила встречу на бульваре Ротшильда. Я приготовился к разговору. А она явилась с мальчишкой и каким-то парнем, видимо ее хахалем. Она такая противная, Буська, если б ты знала! Я чуть не сблеванул... А ребенок, конечно, красавчик..., весь в меня. Но характер, видимо, в мамочку. Это хорошо, что Татьяна Ильинична так прониклась, а то...

— Венька, к черту лирические отступления. В чем трагедия?

— Понимаешь, эта лярва была со мной весьма холодна, только сказала, что ее бабка попала в больницу с гипертонией, а она сама должна на четыре дня уехать. И поскольку я вроде как заявил о своих отцовских правах, то для начала пусть мальчик побудет у меня. Она сунула мне в руки сумку с его барахлишком и буквально растворилась в воздухе.

— Как?

— А вот так! Подкинула ребенка и смылась! И что мне теперь делать?

— Она что, чокнутая?

— Откуда я знаю? Я вообще не помнил столько лет о ее существовании. Но ты скажи, разве нормальная мать может так поступить?

— Нет! Нормальная не может!

— Ну вот видишь! А что мне-то с ним делать? Я даже не знаю, как подойти к малышу. Разве что козу показать могу. А тут четыре дня! И потом, мы же завтра уезжаем из Тель-Авива! Ну допустим, я возьму его с собой, но через четыре дня мы будем далеко. А вдруг она решит, что я украл ребенка? Или не решит, а просто заявит в полицию?

— Ну это ерунда, мы все подтвердим. Нас вон сколько... Но я другого не понимаю. Ведь у этой твоей Сони...

— Возьми ее себе!

— Всю жизнь мечтала! Но у нее же есть, кажется, мама и папа. К тому же вряд ли бабушку будут с гипертонией очень долго держать в больнице... Знаешь, надо немедленно звонить Оскару!

— Зачем это?

— Надо как-то официально зафиксировать, что она подбросила ребенка совершенно чужому, по сути, человеку. Ты же не заявлял официально о правах отцовства, ты вообще ничего мог не знать. А она взяла и подкинула тебе ребенка. У нее наверняка есть какие-то цели, далеко идущие планы...

— И что я стану делать с такой бумажкой, если, конечно, кто-то мне ее выдаст?

— Ничего не будешь делать. Но если вдруг она затеет какую-то провокацию, ты подсунешь ей эту бумажку под нос. И еще неизвестно, кому будет хуже. Я не знаю израильских законов, но вполне возможно, что этот факт можно будет истолковать как издевательство над ребенком или еще как-то...

Он вдруг остановился посреди улицы:

— Буська, ты такая умная! Откуда?

— Ну, милый, знаешь сколько переговоров я переводила, где обсуждались всякие юридические тонкости? А сколько документов! У нас в фирме высококлассные юристы работают, но один знает английский, а второй немецкий в пределах средней школы. Вот мне и пришлось в этом тоже наблаться, как говорит один Ларискин поклонник.

Зачем я сказала про поклонника, мне и самой было неясно. Но он не обратил на это никакого внимания.

— Да, Буська, ты, наверное, очень ценный работник.

— Думаю, да.

— Значит, советуешь позвонить Оскару?

— Да, и немедленно.

— Хорошо, сейчас позвоню. Но что с мальчонкой-то делать?

— Ничего, как-нибудь обиходим. Вон Татьяна и Демин как им увлеклись. Думаю, не пропадет он у нас. Во время спектакля побудет с кем-нибудь за кулисами.

— Ну во время спектакля ему, наверное, надо уже спать?

- Его мамаша должна была об этом подумать. Но если он несколько дней будет ложиться спать попозже, ничего катастрофического не случится.
- Но ведь после спектакля...
- А после спектакля с ним будет его папочка. Умел кататься...
- Буська, я совершенно не хотел кататься!
- Но все же катался, вот и вози саночки. А кстати, ты ей сказал, что уезжаешь из Тель-Авива?
- Нет, не успел. Все произошло молниеносно... Я только понял, что она жутко противная...
- Ладно, это все фигня. Звони Оскару, и пошли назад.
- Надо пойти куда-то с ним поесть. Ты не пойдешь?
- Нет. Я пообедала.
- Постой, а где ты шлялась вообще? Вернулась с пустыми руками... Ничего не купила. С Андрюхой, что ли?
- Не твое дело!
- Суду все ясно. Буська, ты, конечно, можешь делать все что угодно, но не здесь. Если вас застукает Лариска...
- А если он ее застукает?
- Если он ее застукает, то в худшем случае напьется, но он такой профессионал, что и на бровях выйдет и сыграет, а она может сорвать гастроль, устроить любую пакость. И потом, Буська, тебе нужен этот геморрой? У него такой тяжелый характер. И от баб отбою нет. Не советую!
- А может, я хочу от него ребенка родить? Знаешь, какой красивый мальчик будет? Не хуже твоего Венчика!
- Я замерла: что он мне на это скажет? Если Лариска поделилась своим секретом со мной, то могла поделиться еще с половиной театральной Москвы.
- Ты с ума сошла! Второй ребенок без отца? Не вздумай, Буська!
- Да я пошутила. У нас и нет ничего, просто взаимная симпатия, не больше.
- Но вообще-то все уже говорят...
- Мало ли кто что говорит. И вообще, звони Оскару.
- Когда мы вошли в холл, там сидел Андрей — в гостиницу мы вернулись порознь, решили, что так лучше — и играл в ладушки с Венчиком. Барышевой уже не было видно. Укатали сивку крутые горки.
- Какой красивый мальчишка, — улыбнулся Андрей. — И умный...

Венька уже переговорил с Оскаром и теперь опять в изнеможении рухнул в кресло.

Бенчик вдруг что-то зашептал Андрею на ухо.

— Пошли, нет проблем, — сказал тот и повел его за лифты, где помещался туалет. Вернулись они не так скоро, но Бенчик был умыт и причесан.

— Вень, его бы надо покормить, — сказал Андрей. — Его напичкали шоколадом, но это не годится.

У Веньки сделались испуганные и несчастные глаза, но тут из ресторана выглянула Тамара. Она, очевидно, была уже в курсе дела и предложила накормить «мальчишечку».

— Пойдем, маленький мой, такой красавчик, просто загляденье, а стихи читает, умереть не встать. Веня, хотите, оставьте его мне на эти дни. Зачем его таскать?

У Веньки в глазах отразилось смтение и растерянность.

— Да нет, Тамарочка, — вмешалась я, — спасибо, пусть ребенок привыкнет к отцу. У такой матери, может, и лучше его забрать.

— Ой, не говорите, Бронечка... Хотя я думаю, она сегодня же появится. Это она Венечку испытывает.

— Хорошо бы, — вздохнул Венька.

Но Соня не появилась, и мы уехали, забрав с собою Венчика. Когда он увидел Ларису, то буквально открыл рот.

— Какая ты красивая! — заявил он.

— Да уж, по сравнению с его мамашей... — пробормотал Венька. — Смотри, ему у нас нравится.

Разговор происходил в автобусе, когда мы ехали в сторону Мертвого моря.

— Еще бы ему не нравилось. Все с ним возятся, балуют, все восхищаются...

— Только зов крови как-то незаметен.

— Какой тебе зов крови? Он же чувствует, что ты его боишься.

— Глупости, ничего я не боюсь. Я даже уже привык немножко. Он ночью крепко спал, не мешал мне..., и вообще, клевый парень...

— Ты уже говорил, весь в тебя.

— Знаешь, Буська, я даже думаю... Может, она мне его отдаст?

— Фиг тебе!

— Но почему? Она же его бросила...

— Она понимала, что ты непременно привяжешься к такому очаровательному малышу, а потом будешь мучиться...

Он вытаращил глаза:

— Ты полагаешь, это она задумала такую изощренную месть?

— Не исключено.

— Просто Макиавелли какой-то...

— При чем тут Макиавелли? Просто месть хитрой и злой бабы.

— Но за что месть? За что ей мне мстить, если я даже не подозревал о существовании этого ребенка?

— А за все. За то, что пренебрегал ею, за то, что снизошел и обрюхатил походя, за то, что с облегчением вздохнул, расставшись с ней. Ну и главное, что не любил, а она наверняка любила...

— Черт... Поводов действительно немало... Буська, а что, все бабы такие мстительные?

— Нет, Венечка, не все. Я вот немстительная.

— Ты вообще чудо. Но ведь если ты так хорошо про это все понимаешь, значит, и сама испытывала что-то подобное?

— Нет. Но я ведь до сих пор никого еще по-настоящему не любила.

Он взглянул на меня с недоверием:

— И теперь не нашла ничего умнее...

— Я ничего не говорила.

День за окном автобуса был жаркий, но облачный, серый. Автобус остановился по просьбе наших курильщиков. Я тоже решила выйти размяться. И когда подошла к дверям, Андрей подал мне руку и улыбнулся. И меня вдруг охватило ощущение счастья. Видимо, этот пресловутый гормон счастья содержался не только в солнечных лучах, помидорах и арбузах, но и в его улыбке. Он задержал мою руку в своей на долю секунды дольше чем следовало, но мне это сказало о многом. Ну не может он быть импотентом! Или может? Конечно, можно это проверить, так сказать, эмпирическим путем, но я боялась. Боялась причинить ему боль, отпугнуть, я вообще боялась физически соприкасаться с ним, потому что меня било током. Интересно, так бывает, если мужчина импотент? С кем бы поговорить на эту тему, посоветоваться? В Москве моя коллега Светка чрезвычайно подкована в этих вопросах, с ней можно будет чисто теоретически обсудить эту тему, посоветоваться. Но до тех пор... Я тут сойду с ума. А может, Лариска наврала именно для того, чтобы я держалась от него подальше? Хотя зачем ей? Она же вот действительно изменяет ему на каждом шагу, даже не стесняясь. Должна же быть какая-то причина? И самая очевидная причина — причинное место. Я засмеялась про себя. Недурной, кажется, каламбур получился. Но тут мне стало так стыдно, так грустно и так больно за Андрея... Господи, за что мне все это? Я жила себе тихо, мирно, собиралась замуж... И вдруг это все навалилось — гастролы, любовь к импотенту и..., гормон счастья.

— Броня, — окликнула меня Лариса, — на минутку.

Она взяла меня за руку и отвела в сторону.

— Бронь, я ж тебя предупреждала. Зачем ты это делаешь?

— Что я делаю?

— Зачем ты его дразнишь? У него все равно ничего не получится, и тогда он может сорвать гастроли. После неудач он становится как ненормальный.

— Ты сама-то нормальная? — разозлилась я. — О чем ты говоришь? Мы с Андреем просто симпатизируем друг другу, и ничего больше. А если ты так заботаешься о его душевном здоровье, то сама води себя поприличней, только и всего.

— Ну как хочешь, я тебе добра желаю.

— Спасибо.

В этот момент вдруг раздался громкий детский рев. Это плакал Бенчик. Я побежала к нему. Он стоял, прижавшись к ноге Гордиенко, и отчаянно рыдал.

— Бенчик, что случилось, маленький?

— Бронечка, он спросил, где его бабушка Рахиль. Я сказал, что бабушка заболела, а он как заревет. Хотел взять его на руки — не желает.

Примчался Венька и попытался отодрать сына от ноги знаменитого артиста, что удалось лишь с большим трудом.

— Буська, что это с ним? — Венька взял его на руки, стал гладить, успокаивать. Вид у мальчишки был совершенно несчастный, и сердце обливалось кровью от этого детского горя.

— Он устал, ему хочется домой, к своим. Тут ведь все чужие... Сука это твоя Сонька, гадина!

Меня душило возмущение. Ну как можно так издеваться над собственным сыном? А куда она девала бы его, если бы не объявился Венька? Мое материнское сердце не могло с этим смириться. Но мало-помалу Бенчик стал успокаиваться. Все женщины, включая Ларису, ворковали с ним, и он вдруг улыбнулся, потерся лицом о Венькино плечо, чтобы стереть слезы. А потом вдруг заявил:

— Хочу мороженого!

— Где мы тебе возьмем тут мороженое посреди дороги? Вот приедем на место, обещаю, получишь! — сказал Венька, достал из кармана платок и утер Венчику лицо. — Устроил тут концерт, понимаешь! Это, брат, не по-мужски. Ты ж мужчина все-таки!

— А бабушка говорит, что я счастье и сокровище.

— Ну это само собой, но в первую очередь ты мужчина.

— А что лучше — быть мужчиной или сокровищем?

— Да, вопрос интересный, но я тебе скажу: лучше всего быть таким мужчиной, чтобы тебя считали сокровищем! — сказала Лариса.

Меня затошнило.

— Ларка, заткнись, — посоветовал ей Венька. — Твои пошлые шуточки тут не к месту.

А я вдруг ощутила такую тоску по Польке, по Москве, мне так вдруг надоело изображать из себя артистку! Ну не мое это дело, не мое! Мне даже на мгновение захотелось замуж за Женьку, по крайней мере, я могла себе представить, что это будет за жизнь. Да, может, не самая веселая, но кто сказал, что надо непременно веселиться? А Польке наверняка будет хорошо. Женя купит ей собаку, чудного большого Лабрадора, который веселым лаем будет встречать меня с работы... С моей работы, где я чувствую себя на своем месте. И я уж точно знаю, что Женя не импотент. А гормон счастья? Что ж, буду добывать его из арбузов, из помидоров... Буду ездить отдыхать к теплому морю... Я готова была заявить во всеуслышание: не хочу, не желаю! Хочу домой!

Но я ведь не Бенчик, я дала слово, ввязалась в это дело — и надо уж довести его до конца. Но потом все! И отдыхать в Натании я не останусь, ну его к богу, этот отдых. Да разве можно отдыхать, думая только о том, импотент Андрей Дружинин или нет? И ловить его улыбку, таять от его голоса... Зачем он мне? У него есть Лариса, и пусть они сами разбираются. Нет у меня уверенности, что он не хочет просто что-то ей доказать, демонстративно ухаживая за мной. Милые бранятся — только тешатся, а мне что, вешаться? Вот, почти строчка из песни получилась... Размерчик, правда, подгулял, но сейчас такие песни пишут и поют, что только диву даешься. Но если я уеду раньше на целую неделю, то в Москве придется приналечь на помидоры. Ни солнца, ни арбузов, ни Андрея Дружинина. Мне будет его не хватать, этого пресловутого гормона... Есть же люди, которым необходим адреналин... А этот как там называется? Что-то скучное, противное...

— Вовик, как называется этот твой гормон счастья? — обратилась я к Златопольскому.

— Серотонин, — с готовностью ответил он.

— Какое противное название, в серых тонах...

— По-моему, тоже. — обрадовался он. — Знаешь, я прочитал совсем ненаучную статью про этот «гормон счастья», и мне так понравилось... Я в плохую погоду хуже себя чувствую, меня охватывает тоска... Я солнцепоклонник! А между прочим, когда я посмотрел в энциклопедическом словаре слово «серотонин», там насчет гормона счастья ничего не было. Сказано многое, и в частности, что серотонин может вызывать спазмы поврежденных сосудов.

— Гадость какая.

— Ну поскольку я не врач и не биолог, то до серотонина мне нет дела. Я знаю только гормон счастья!

— Вовик, я тебя обожаю!

— Бронечка! — растрогался он.

* * *

Гастроли наши продолжались вполне успешно, а у меня появился объект ненависти. Но отнюдь не Лариса. Нет, я ненавидела Соню! С каждым часом Венька все больше привязывался к сыну, и Бенчик тоже почуял в нем отца. Если поначалу он готов был быть с кем угодно, то теперь ему годился только Венька. Ну иногда Татьяне Ильиничне удавалось снискать его расположение. А

всех остальных он, похоже, только терпел. Прошло уже не четыре, а пять дней. О Соне не было ни слуху ни духу. Через два дня кончались наши гастроли. Вечером я спросила у Веньки, что он думает делать?

— Ну, во-первых, оформлю отцовство. И буду добиваться, чтобы Венчика отдали мне, — ответил он очень серьезно.

— Беснадега.

— Ничего подобного! Оскар сказал, что в Израиле есть закон, по которому даже ребенок может подать в суд на родителей за издевательства, ну разумеется, с помощью адвокатов. На худой конец, может сгодиться и это.

— Ты с ума сошел? Чтобы четырехлетний пацан подавал в суд на родную мать?

— Она не мать, а ехидна! Кстати, я вовсе не уверен, что все с самого начала не задумано как хорошо срежиссированный спектакль. И явление прабабушки к тебе... Согласись, это довольно странно. И потом, как вовремя эта дама улеглась в больницу...

— Да ну, Венька, непохоже...

— Откуда я знаю, похоже — не похоже. Но факт налицо: эта падла подкинула ребенка совершенно чужому человеку.

— Но ведь она своего добилась — ты привязался к Венчику!

— А зачем ей это?

— Вероятно, она надеялась таким образом заполучить тебя.

— Да сдался я ей... Столько лет не напоминала о себе, и вдруг...

— А может, она все глаза выплакала?

— Ты еще ее защищаешь? — вскипел он.

— Даже не собираюсь! Просто я размышляю вслух. Какую-то цель она преследовала. Но вот какую... Слушай, а давай я позвоню бабке? Может, она уже не в больнице?

— Попробуй, — пожал плечами Венька. — Но что ты ей скажешь?

— Я не скажу, я спрошу, чего от нас хотят?

— От нас?

— Конечно, от нас. Ты же мне не чужой, между прочим.

— Да, Буська, хорошо я все-таки тебя воспитал!

— У тебя завышенная самооценка.

Мы пошли к нему в номер, уложили Венчика, который все требовал, чтобы ему почитали. Пришлось Веньке прочитать ему наизусть большой кусок из «Конька-Горбунка». Наконец он уснул. Спал он всегда крепко и обычно не просыпался до утра.

Мы перебежали ко мне в номер, и я набрала телефон Рахили Степановны.

Она мгновенно сняла трубку.

— Рахиль Степановна, это Броня!

— Ай, Бронечка, я уж думала, вы никогда не позвоните! Что вы хотите сказать? Я не знаю вообще, стоит ли нам разговаривать... Моя ненормальная внучка спрятала Венчика.

Я безмерно удивилась:

— Что значит — спрятала?

— Она его отвезла к каким-то подружкам в Тверию, чтобы я не показала его отцу..

— Очень интересно! А где она сама?

— А что, Вениамин хочет с ней поговорить? Я думаю, не стоит...

— Подождите, Рахиль Степановна, я ничего не понимаю...

— Ну она взяла Венчика и увезла в Тверию, это такой город на Киннерете... Она там с ним прячется...

— Извините меня за странный вопрос, вы лежали в больнице?

— В какой еще больнице? Я, слава богу, на здоровье не жалуюсь! Только без Венчика очень скучаю...

— Он без вас тоже. — Я была просто в бешенстве.

— Ну конечно, маленький мой... Постойте, что вы говорите?

— Рахиль Степановна, ваша внучка случайно не сумасшедшая?

Старуха закашлялась.

— Нет, она просто нервная девочка... А почему вы спросили?

Тут уж я не выдержала и все ей рассказала.

— Ай, боженьки, что же это делается? Подкинула ребенка и скрылась? Я не верю! — вдруг заголосила она. — Вы все врете. Дайте мне послушать его голос, я хочу поговорить с Венчиком!

— Венчик спит, он устает, у нас нет возможности вовремя укладывать его. Но с отцом мальчика можете поговорить! — Я сунула ему трубку.

— Добрый вечер, Рахиль Степановна, к сожалению, Броня (чудеса, он назвал меня Броней) сказала вам чистую правду. Но я хочу вас предупредить, что я сей возмутительный факт, так сказать, официально зарегистрировал, скрепил подписями множества свидетелей, и, если ваша внучка попытается меня шантажировать... — Он долго молчал, слушая старуху, потом сказал уже довольно миролюбиво:

— Мне очень грустно все это слышать, но вы не волнуйтесь, Венчик в полном порядке. Конечно, он скучает, но ничего. Через два дня наши гастроли заканчиваются, мы с Броней привезем Венчика к вам и тогда все обсудим. Нет, мы проживем еще неделю в Натании. Вы, главное, не нервничайте из-за Венчика. Он чудесный парень, мы очень с ним подружились. Да-да, конечно. Она тоже вам передает привет. Непременно.

Когда он повесил трубку, вид у него был весьма озадаченный.

— Буська, мы, кажется, влипли.

— Во что?

— Там все далеко не так безоблачно, как она тебе рассказывала.

— В каком смысле?

— Ну я с твоих слов понял, что у Соньки есть папа и мама, хорошо устроенные врачи, так?

— А что, их на самом деле нет?

— Есть, но что-то там все равно не так. И они с дочкой не общаются.

— Немудрено, с такой тварью...

— Короче, старуха плачет и обещает все рассказать при встрече. Знаешь, у меня появилась надежда... Вдруг удастся забрать парня, а?

— Ты действительно этого хочешь? Он ведь не игрушка. А ты даже не женат.

— А я женюсь.

— На первой попавшейся шлюхе?

— Ничего подобного. У меня в Москве есть Маруся, она хорошая... И очень хочет замуж.

— Замуж — одно, а чужой ребенок — совсем другое.

— Ну если она меня любит...

— А ты-то ее любишь?

— Не-а. Но ничего, ради Венчика...

— Замолчи, дурак, уши вянут.

* * *

В последние дни как-то так все складывалось, что я почти не видела Андрея. Лариса все время была рядом с ним. Но он выглядел довольно мрачно. Я только раз видела его веселым, когда мы всей гурьбой явились на пляж на Мертвом море и стали мазаться черной грязью. Кто-то фотографировал, как мы сидели и лежали на воде, которая выталкивала нас. Мне все это не понравилось. От воды нестерпимо воняло, она была липкой и тяжелой, а ночью море в свете луны отливало жестяным блеском. Нет, я предпочитаю живое море. Я поняла, что уехать раньше не смогу: нельзя бросить Веньку в такой сложной ситуации. Хотя я уже безумно

скучала по Польке.

Как-то днем ко мне вдруг подошла Лариса. Интересно, что еще она мне расскажет про Андрея? Что он серийный убийца или вампир?

— Слушай, Бронь, это правда, что ты встречалась с Ципельзоном?

— Правда, а что?

— Что он тебе предлагал?

— Петь в его ресторане в Нью-Йорке.

— Супер! Ты согласилась?

— Нет.

— С ума сошла? Или он мало предлагал?

— Да нет, не мало. Но я просто не хочу!

— Почему не хочешь?

— Не хочу, и все.

— Дурочка ты, — сказала она даже с жалостью ко мне, убогой. — Я бы согласилась.

— А как же Андрей?

— А что — Андрей? Все равно мы редко бываем вместе. У него вечно съемки, гастроли, антрепризы, у меня тоже..., и потом, ты же знаешь, что он..., болен. Обойдется. Но мне никто не предлагал такого. Ты, между прочим, могла бы ему сказать про меня.

Ну и наглая же она!

— А я и сказала.

— Врешь!

— Нет, я в тот момент еще считала, что ты... Одним словом, я предложила ему обратить внимание на тебя, а он сказал, что ты для него слишком высокая.

Она оторопело на меня взглянула, а потом зашлась от хохота.

— Значит, он тебе предлагал гонорар с нагрузкой? Понятно, почему ты не захотела! И понятно, почему он на тебе остановился. С тобой он не чувствует себя недомерком. Все они ублюдки! И Андрей тоже ублюдок, имей в виду.

Я молча пожала плечами.

* * *

Последний спектакль мы играли в Иерусалиме. Я очень рассчитывала, что успею хоть немного посмотреть город, но по дороге у нас сломался автобус, мы потеряли уйму времени, и ни о каких экскурсиях речь уже не шла. А сразу после спектакля мы уезжали в Натанию, именно

там на следующий вечер предстоял фуршет в честь окончания гастролей.

В момент, когда я по ходу пьесы на минутку выбегаю за кулисы, я наткнулась на Андрея, который стоял и смотрел.

— Уйди, пожалуйста! — пробормотала я.

— Я тебе мешаю?

— Да!

— Хорошо, — очень серьезно сказал он и ушел.

И вот все кончилось! Я это выдержала, смогла, не опозорилась, но больше я не хочу! Ко мне подошел Венька с Венчиком.

— Спасибо, Буська! Ты самая лучшая в мире сестра, и не важно, что двоюродная. Венчик, эта тетя твоя родственница.

— Какая?

— Что — какая? Родственница? А черт ее знает. Двоюродная тетка, скорее всего, я в этом плохо разбираюсь. Но она хорошая, даже очень.

У мальчонки уже слипались глаза, и Венька взял его на руки. Мы разгримировались и стали собираться у автобуса. К нам подбегали люди, просили автографы, что-то спрашивали. Артисты часто говорят в интервью, что поклонники им докучают, что надоели... Не верьте! Я видела, что суперзнаменитые актеры нуждаются в этом как в допинге. И Венька, который на гастролях не выходил на сцену, был просто счастлив от внимания зрителей, окруживших его. И какое счастье, что я не подседа на этот наркотик! Зато подседа на другой. Я уже не могла обходиться без взглядов Андрея... И когда в автобусе я увидела, как Лариса положила голову ему на плечо, у меня помутилось в голове. И тошнота подступила к горлу. Мне стало дурно, и я начала сползать с кресла.

— Буська, ты что? — как сквозь вату донесся до меня вопль Веньки. — Остановите автобус, ей плохо!

Потом я отключилась, но, видимо, ненадолго, потому что, когда я очнулась, вокруг меня были все те же лица. Я лежала на обочине на каком-то брезенте.

— Думаю, ничего страшного, — услышала я голос Гордиенко. — Веня, влейте ей в рот немножко коньяку. Это реакция, вы только представьте себе, в каком напряжении жила все это время наша Бронечка. — Ага, вот видите, она открыла глаза. — Он наклонился надо мной:

— Тебе лучше, деточка?

— Да, — прошептала я.

— Буська, как ты нас напугала... Сейчас вызовем «скорую»...

— Не надо. Мне лучше. Я немножко еще полежу, ладно?

Через десять минут я с помощью Веньки поднялась в автобус. Все прошло, осталась только слабость. Наверное, Гордиенко прав, это реакция организма. И как хорошо, что можно будет

недельку отдохнуть, Венька все правильно спланировал. А Лариса и Андрей тут вовсе ни при чем. Я вскоре заснула, прижавшись к Веньке, и смутно помнила, что он на руках отнес меня в мой номер. Наверное, я могла бы и сама дойти, но было приятно... Ведь это он меня втравил в эту историю. Вот пусть и носит теперь на руках.

* * *

Утром я проснулась и сразу обрадовалась. Светило солнце. Номер был просторный, светлый, с балконом, выходившим на море. Балкон совсем маленький, но все же. Я чувствовала себя почти нормально, только слегка кружилась голова. И очень хотелось есть. Но, взглянув на часы, я поняла, что уже проспала завтрак. Он тут до десяти, кажется, а сейчас уже начало двенадцатого, но можно же заказать завтрак в номер. Я стала искать буклет с номером ресторана, и в этот момент в дверь постучали. Наверняка Венька! Вот хорошо, он сейчас что-нибудь придумает приятное... Я стала озираться в поисках халата, но все мои вещи были упакованы, и на мне была только синяя Венькина футболка.

— Сейчас, подожди!

Я открыла. На пороге стоял Андрей.

— Ай, — взвизгнула я и забилась в ванную.

— Броня, Венька просил позаботиться о тебе. Он с Венчиком поехал в Тель-Авив. Чем я могу тебе помочь?

— Андрей, пожалуйста, дай мне синюю сумку. У меня там все вещи.

— Броня, ты зря, тебе здорово идет эта майка.

— Андрей!

— Ну хорошо, на, держи!

Я приоткрыла дверь и просунула руку, но он, вместо того чтобы дать мне сумку, схватил меня за руку и выволок из ванной.

— Ты с ума сошел! — прошипела я.

— Да, сошел! — хрипло пробормотал он и крепко обнял меня.

И мы стали целоваться как сумасшедшие. Потом он вдруг поднял меня, поставил на краешек кровати, так что теперь я была чуть выше него и близко-близко видела потемневшие невозможные глаза.

— Какой ты красивый... Никогда таких красивых не видела... — Я провела пальцем по его небритой щеке.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он вдруг.

— Изумительно.

— Я так испугался вчера. Мне вдруг показалось, если ты умрешь, то и моя жизнь кончится...

— Андрей, что ты говоришь...

— Только то, что чувствовал вчера.

Вероятно, оттого что я стояла на кровати, у меня вдруг опять закружилась голова.

— Ой,ними меня.

Он перепугался. Спустил меня, посадил.

— Что? Опять плохо? Давай все-таки вызовем врача?

— Нет-нет, ни в коем случае. Сейчас пройдет, просто я стояла неудобно... Я сейчас полежу немножко... И еще я очень голодная.

— Господи, прости меня, я... Я сейчас что-нибудь принесу, а ты лежи пока.

Он убежал, а я кинулась в ванную, мгновенно приняла душ, открыла сумку, выхватила оттуда халат и успела юркнуть в постель. Господи, что же это делается? Да никакой он не импотент, глупости все, когда мы целовались, я почувствовала... А как он целуется! От его поцелуев гормон счастья вырабатывается в каком-то невероятном количестве.

Вскоре он вернулся с двумя йогуртами, фруктами и булочками:

— Вот все, что удалось надыбать на скорую руку. Хватит?

— За глаза.

— Голова больше не кружится?

— Нет.

Когда я немного поела, он сказал:

— Ну я пойду?

— Ты спешишь?

— Да нет, куда мне спешить.

— Тогда посиди еще... Андрюш, ты почему вечно небритый ходишь? Дань моде?

— Да нет, просто лень. Я тут на отдыхе вообще не собираюсь бриться. Тебе это не нравится?

— Нравится. Мне ты всякий нравишься.

— И ты мне тоже.

Он вдруг пересел на кровать и запустил руку мне в волосы:

— Какие они у тебя на самом деле?

— Гладкие, темно-русые...

— Мне трудно это себе представить. Бронечка, может, это судьба?

— Не знаю, может быть...

И тут я вдруг вспомнила слова Ларисы о том, что он иногда делает попытки, терпит фиаско и впадает в жуткое отчаяние. Нет, я этого не хочу!

— Не надо, Андрюша, ну пожалуйста!

— Почему?

— Ну я.., не могу сегодня, понимаешь?

— А... Ну прости...

Он пересел на стул:

— Мне уйти?

— Нет, не уходи, если можешь... А где Лариса?

Он вздрогнул:

— Ты из-за Ларисы?

— Нет, я просто спросила...

— Они с Татьяной Ильиничной куда-то отправились. Думаю, она взяла Барышеву для прикрытия. Ну вроде как тебя тогда...

— Не выдумывай, она и вправду торчала в обувном.

— Ты такая верная и порядочная? — усмехнулся он.

— Ну в общем...

Станным образом напоминание о жене отрезвило его. Глаза опять посветлели и выражение лица стало обычным.

— Расскажи мне, как ты живешь? — попросил он.

— В каком смысле?

— Ну вот ты утром проснулась...

— Проснулась, вскочила и побежала мыться, готовить завтрак, будить Полину, собираться... После завтрака еду на работу.

— У тебя какая машина?

— «Жигули», «шестерка».

— Какого цвета?

— Баклажан.

— Давно водишь?

— Уже восемь лет, это моя вторая машина. Я все хочу поменять, но жалко, она такая удачная,

с ней мало проблем, я ее люблю как родную.

— У меня когда-то тоже была «шестерка», но как раз очень неудачная.

— А сейчас у тебя что?

— «Субару».

— Хорошая?

— Мне нравится.

— А я где-то читала, что ты гоняешь как бешеный.

— Бывает. Господи, о чем мы говорим?

— О безопасном, — улыбнулась я.

Он посмотрел на меня и расхохотался.

В этот момент в дверь постучали.

— Я открою? — тихо спросил он.

— Конечно.

На пороге стоял Юрий Митрофанович.

— О, простите, я помешал? — спросил он насмешливо.

— Нет-нет, Юрий Митрофанович, заходите.

— Я просто по дороге с пляжа решил узнать, как тут наша больная.

— Спасибо, уже лучше, вот Андрей мне принес завтрак, я все на свете проспала.

— Очень рад! Ты сегодня полежи и, главное, не лезь на солнце. Спи побольше, обед закажи в номер — и будешь завтра как новая. Ну, я вижу, тебе нескучно. Кстати, тут есть русское телевидение. Ну что ж, я пойду. Не буду мешать.

— Я тоже пойду, пусть Броня поспит. Если что-то понадобится, звони мне. Пока!

И они ушли. А я вдруг ощутила жуткую усталость и слабость. Я ведь вчера не притворялась, мне действительно было очень плохо, а с утра столько эмоций. Я заснула и проснулась, когда солнце уже заходило. И то проснулась от стука в дверь.

— Буська, ты там жива?

Венька был бледный, измученный, весь какой-то перевернутый.

— Господи, что случилось?

— Расскажу. Ты как?

— Почти весь день сплю.

— Ела что-нибудь?

— Завтрак мне Андрей принес. А обед я проспала. Но есть не хочу. Ну что там?

— О, там.., хрен знает что! Понимаешь, Сонька эта.., шалава та еще, похоже, пробы негде ставить. Ребенком интересуется очень мало, постольку-поскольку, но хуже всего то, что она, как подозревает Рахиль, наркоманка.

— Подозревает или уверена?

— Мне сказала, что подозревает. Но ее родители в воспитании мальчика участия не принимают, ну только деньгами, да и то... У Рахили Бенчик — весь свет в окошке...

— Вень, ты погоди, эта Рахиль такая врунья...

— С чего ты взяла?

— Мне она рассказывала о прекрасной, крепкой еврейской семье, а тебе о каком-то семействе монстров... Да и про Соню твою говорила, что она учится, что она талантливый архитектор, а теперь, выходит, что она шалава и наркоманка. Где правда-то?

— Тебе она рассказала то, что ей хотелось бы иметь... Она чувствовала, что если придет и вывалит мне на голову кучу проблем, то я... Ну сама понимаешь. Ее приход к тебе был жестом отчаяния.

— Ну допустим. А как она вообще узнала обо мне?

— Она дружна с тещей Оскара. И это Оскар посоветовал ей обратиться сначала к тебе. Старуха мне все откровенно рассказала. Она плакала, говорила, что безумно боится за Венчика. Если с ней что-то случится...

— Но чего она хочет от тебя?

— Чтобы я признал его. Я, конечно, признаю, даже и говорить нечего. И помогать буду по мере возможности. Ну и вообще...

— А спасти заблудшую внучку она тебя не просила?

— Нет, представь себе. Ее в этой жизни сейчас волнует только Бенчик. Кстати, она мне понравилась. Хорошая старуха. Мы как-то очень легко нашли с ней общий язык, я даже не ожидал. А видела бы ты, как Бенчик обрадовался ей. Еще она хочет, чтобы я на всякий случай оформил для Венчика российское гражданство. Не знаю, получится ли, но я попытаюсь. Когда я уходил, он ревел. Кошмар какой-то!

— Да, ты загрузился по полной программе, как сказала бы Польша.

— Ты не поверишь, но я сам чуть не разрыдался.

— Поверю. Ладно, не дрейфь, прорвемся! И если все действительно так, как тебе сказала Рахиль, у тебя есть шансы забрать Венчика, если ты, конечно, захочешь. Да, кстати, не мешает сделать все-таки анализ на ДНК.

— Зачем?

— Ну если эта Соня такая шалава...

— Знаешь, а мне плевать. Когда я уходил, он кричал: «Папа! Папа!» — и я вдруг четко осознал...

— Что?

— Что он мой сын.

— А если все-таки не сын? Мне Юрий Митрофанович рассказывал...

— Говорю тебе — мне это не важно.

— Что ж, благородно, но ты все же остынь.

— А анализ мне так и так придется делать, если я буду оформлять отцовство. Я хочу именно отцовство, а не усыновление, понимаешь?

Я видела, что Венька полностью захвачен этой историей, а если так, то он сумеет смести все преграды. Он такой! Если уж он смог из скромной переводчицы за две недели сделать певичку с экзотической внешностью, то что для него бодание с чиновничьими системами двух разных государств? Семечки!

* * *

Утром Венька опять умчался в Тель-Авив, чтобы договориться с адвокатом, который будет заниматься его делом. Адвоката порекомендовал ему все тот же Оскар. Я спала почти весь день и всю ночь и в результате проснулась утром вполне здоровая. Только безумно голодная. Я оделась и побежала вниз, в ресторан. Здесь был большой зал, не чета нашему Тель-Авивскому. И сразу увидела Ларису, которая стояла у стола с закусками в красных коротких шортиках, облегавших совершенной формы зад. Мне вдруг нестерпимо захотелось подойти к ней и ущипнуть, больно, чтобы она взвизгнула. Или толкнуть ее сзади так, чтобы она уткнулась носом в блюдо с селедкой. Но тут меня окликнула Татьяна Ильинична.

— Бронечка! Иди сюда! Она сидела одна за столиком.

— С добрым утром!

— Оклемалась? Ну и молодчина. Садись, вдвоем веселее завтракать!

— Это правда!

Когда я немного утолила зверский голод, она сказала с лукавой улыбкой:

— Ты смотрела на Ларку так, как будто хотела ее пришить.

— Пришить? Нет, но ущипнуть или пихнуть хотелось.

— А ты в курсе, что Андрей ее шуганул?

Я замерла:

— Как — шуганул?

— Просто. Сказал: иди на все четыре стороны. И уехал.

— Уехал? Куда?

— В Москву, куда?

— Как же так?

— Бронечка, милая, да не бери ты в голову эти гастрольные шашни. Мура это все. У вас что-то было?

— Нет, не было.

— Ну тем более. Такой мужик, конечно, не может не нравиться, но.., лучше держаться от него подальше. Найди себе нормального. Или вернись к тому, к жениху. Ревнующий он, но это не самое плохое. Ты что, всерьез в Андрея влюбилась?

— Я не знаю...

— Тогда ничего, охолонешь.

— Я понимаю... Странно только, что он со мной не попрощался...

— Так ведь как все вышло-то... Вчера же был фуршет, кстати, все о тебе спрашивали. Народу довольно много собралось. Андрей быстро напился, а Ларка что-то ему сказала, он взбеленился не знаю как, хотел ей публично дать в рожу, Юра еле перехватил. Он тогда сказал, что сию минуту уезжает. И чтобы он ее больше не видел. И правда, вызвал такси и умчался в аэропорт. Самолет часов в шесть утра вылетает, надеялся, что поменяет билет. Наверное, удалось. Когда ему было тебя предупреждать? Да и вообще... У них там свои разборки. Может, и помирятся еще. Видишь, она совершенно невозмутима. Честно говоря, я никогда особенно не понимала, что их связывает. Они такие разные. Не огорчайся. У нас сегодня экскурсия в Иерусалим. А завтра в Северную Галилею. Там такая красотища...

* * *

За оставшиеся дни от него не было никаких известий. А я как-то внутренне застыла. Ни жаркое солнце, ни арбуз без косточек, ни невкусные местные помидоры — ничто не вырабатывало во мне гормона счастья. Вместо серотонина сплошные серые тона. Но когда я влезла в воду Иордана в том месте, где принимают крещение паломники из разных стран, на меня вдруг снизошло успокоение. Я поняла, что он не бросил меня, а попросту сбежал, испугавшись нашего стремительного сближения. Я ведь сама остановила его. И он остановился. И понял, что не хочет разочаровываться сам и разочаровывать меня. А что было, то прошло. Или скоро пройдет. И дальше я уже видела все чудеса Израиля, воспринимала их, но не так остро, как это могло бы быть, будь он рядом. Венька целыми днями пропадал в Тель-Авиве, а меня ласково опекал Гордиенко. Он не вел со мной душевительных бесед, а просто был внимателен, мил и очень добр. А еще я сходила с ума от тоски по Полине. Так надолго я еще от нее не уезжала.

Лариса и впрямь была невозмутима. Купалась, загорала, флиртowała напропалую. Надо отдать ей должное, мужики слетались на нее как мухи на мед. Со мной она держалась спокойно и миролюбиво. Однажды подошла и сказала:

— Бронь, не бери в голову. Он давно и думать забыл о тебе. Он такой...

В ответ я только плечами пожала. Что тут скажешь?

— Да и вообще, зачем он тебе нужен? Ты ж еще молодая, найдешь себе здорового.

Я махнула рукой и ушла.

* * *

— Мама! — раздался Полькин вопль, и она накинулась на меня с поцелуями. — Маменция приехала!

И тут же рядом возник Женя. Высокий, спокойный, улыбающийся виновато.

— Привет, как долетела?

Я вдруг почувствовала, что вернулась домой. В свою жизнь.

— Хочу скорее домой! — заявила я.

— Поехали! Тебя ждет такой обед! Мы вдвоем с Полиной готовили!

— Жень, ну зачем проболтался? — возмущенно закричала Полина. — Ой, мам, как я соскучилась. А ты загорела — просто супер! Я вчера домой вернулась, звонила твоя начальница, интересовалась твоим здоровьем!

— Броня! — окликнул меня Гордиенко. — Это твоя дочка?

— Ой, Юрий Митрофанович, извините. Я так обрадовалась, что все на свете забыла. Да, познакомьтесь, это Полина.

— Совсем на тебя не похожа!

Но тут к нему бросился молодой человек, видимо сын, и нас разметало толпой.

— Мам, он клевый! Слушай, а Веня-то где?

— Он прилетит послезавтра. У него там еще дела.

— Броня, у тебя вид усталый, — заметил Женя.

— Всю ночь не спала. Из гостиницы в три часа выехали, да еще в аэропорту нас шмонали безбожно. Но, Польша, мы с тобой через годик обязательно поедем в Израиль — просто как туристы, без всяких гастролей. Это фантастическая страна! И каждый интеллигентный человек должен ее увидеть.

— Ты это про меня? — удивилась Польша.

— Да нет, скорее про себя. Я мало что видела, да и то...

— Ой, мам, лучше мы с Женей вдвоем поедем.

Похоже, тут без меня меня женили. Я понимала, что еще предстоит объяснение с Женей. И мне было от этого тоскливо.

Едва мы сели в машину, Полина потребовала:

— Ну рассказывай!

— Что?

— Все! Как ты вышла первый раз на сцену, как играла, все! Как тебе хлопали. Цветы дарили?

— Дарили!

— Много?

— По разному.

— Ой, мам, а войну вы видели?

— Нет.

— А девушек с автоматами?

— Сколько угодно. И что меня позабавило, там масса солдатиков с типично рязанскими физиономиями.

— Мам, а...

— погоди, скажи лучше, как у тебя-то дела?

— Нормально. Двоек нет.

— А дед с Симочкой как?

— Нормально. Я ему не проболталась.

— И на том спасибо.

— Броня, — подал голос Женя, — не надо ее ругать. Просто она мне доверилась, а я из ревности доверия не оправдал. И еще раз прошу меня простить.

— Мам, ты прости Женю, ну пожалуйста!

— Так и быть, прощаю.

Это уже сродни неизбежности.

— Мам, а ты в кибуце была?

— Только обедала в ресторанчике от какого-то кибуца на Галилейском море.

— Ой, а что ты там ела?

— Рыбу святого Петра. Только что выловленную.

— Вкусно?

— Ничего особенного.

— Фаршированная рыба была?

— Да нет, просто жареная. Отстань, Полина, у меня голова болит.

Когда я наконец вошла в свою квартиру, мне вдруг стало спокойно. А вся эта история с гастролями, с любовью к Андрею и со страстями вокруг Венчика, показалась мне чем-то уже далеким. От нее осталась только прическа, загар и серебряные браслеты. Мне через два дня на работу, значит, браслеты я сниму и засуну в комод, прическу тоже поменяю, а загар скоро сойдет. Вероятно, то же самое почувствовал Андрей. Он, наверное, еще вспомнит обо мне, когда будет дарить кольцо своей маме. Только и всего.

А Полина оказалась на редкость деликатной. Не требовала с меня подарков, понимая, что Жене я на сей раз ничего не привезла. И он тоже проявлял деликатность. После обеда, когда мы на несколько минут остались вдвоем (или это Польша специально нас оставила?), он нежно обнял меня и спросил:

— Ты правда меня простила? Не отвечай, я пойму по глазам. Кажется, да? Вот и чудесно. Ты же знаешь, как я тебя люблю, правда? Давай я сейчас уйду, а завтра встретимся? Я соскучился жутко. А тебе и вправду идет эта сумасшедшая прическа.

Он хороший. Любит меня. Надежный. Кажется, действительно добрый... Но гормон счастья не вырабатывается, нет. Ну ничего, обойдусь. Раньше же обходилась и ничего, жила, и даже иногда радовалась жизни. Привыкну. Вон как у них с Полькой все здорово...

Он поцеловал меня. Я ответила. Все хорошо, Броня.

Едва за ним закрылась дверь, как Польша завопила:

— Маменция, а подарки где?

Я отдала ей целую сумку.

— Ух ты сколько! Кайф! Мам, а вечером нас ждут у деда!

— Ой нет, я до вечера просто не доживу. Усну.

— Ну мам, Симочка собиралась печь к твоему приезду пирог!

— Надеюсь, еще не пекла. Я сейчас позвоню и скажу, что не в силах. А еще лучше ты позвони.

— Мам, дед обидится.

— Ладно.

Я позвонила отцу.

— Бронечка, детка, что с тобой случилось? Я так волновался! Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, папочка. Но приехать не могу. Ночь не спала совершенно. Просто валяюсь с ног и еле ворочаю языком. Надеюсь, Сима еще не пекла пирог?

— Кажется, нет. Но я ужасно соскучился.

— Пап, давай до завтра отложим, а то я усну за рулем.

— Нет-нет, не надо садиться за руль. Хорошо, перенесем на завтра. Должен сказать, что я

доволен Полиной. Умная, ответственная девочка. И Женя твой мне очень понравился. Видный, а главное — вменяемый. По нашим временам большая редкость.

— Где ты с ним познакомился?

— Он водил Польшу на какой-то молодежный концерт. Одну я ее не пустил бы, а с ним... Мы поговорили немножко. Одобряю, дочка. Неплохой выбор.

Выбор! Нет никакого выбора, мне его просто не оставили. Но наверное, это хорошо. Было бы куда хуже остаться в пустоте.

После разговора с отцом я рухнула на диван и заснула сразу мертвым сном. Проснулась уже за полночь. Польша спала. Я понимала, что теперь не скоро засну. Встала, поплелась на кухню. Иногда, если мне не спится, я раскладываю на кухне пасьянс. Бывает — просто так, ради процесса, а бывает — загадываю желания. Вот и сейчас я загадала: увижусь ли я когда-нибудь с Андреем? Увидеть-то его не проблема. Куплю билеты в театр или в кино. Наконец, посмотрю телепрограмму — и уж на одном каком-нибудь канале непременно на него наткнусь. Но увидеться с ним, поговорить и ощутить, как вырабатывается гормон счастья... Интересно, а по телевизору он тоже вырабатывается? Пасьянс не сошелся. Как я и предполагала... Так, может, и бог с ним, с Андреем? У нас разные жизни, мало ли кого к кому тянет? Вот, помню, года три назад у меня сломалась машина и я поехала на работу на троллейбусе. И вдруг встретила взглядом с мужчиной. У меня захватило дух. Ему было под пятьдесят, усталое лицо, но какое! Казалось, что он по ошибке попал в переполненный московский троллейбус. Таких лиц там по определению не бывает. Хотя их вообще, наверное, не бывает. И он тоже не сводил с меня глаз. А в них явственно читалось: «Да, мы с тобой созданы друг для друга, но мне уже много лет, у меня нет сил на новую жизнь. Прости». Он сошел раньше, чем я. И выходя, еще оглянулся на меня. Я было рванулась за ним, но он чуть улыбнулся, и я поняла — не надо!

Я еще целую неделю ездила в этом троллейбусе, но больше его не встретила. Долго еще ходила под этим впечатлением и до сих пор помню его лицо. И почему-то мне кажется, что он тоже помнит меня. Может, мы действительно были созданы друг для друга? Сейчас мне даже почудилось, что Андрей чем-то похож на него. Мне вдруг захотелось плакать. Я вообще-то не плакса, плачу редко. А тут вдруг разревелась. Это было неудержимо и так сладко... Я пошла к себе, вцепилась зубами в подушку и плакала-плакала, пока не заснула. А утром я первым делом убрала квартиру, хотя, надо отдать должное Полине, она к моему приезду навела чистоту. Потом я отправилась в парикмахерскую.

— О! — воскликнула Валентина, мастерица, подарившая мне столь экзотический облик. — Ну как с новым имиджем?

— Спасибо, было здорово.

— Я гляжу, вы хорошо загорели. Вам идет такой стиль.

— Да, но пора вернуться к прежнему.

— Почему?

— Да мне завтра на работу!

— Ну и что?

— У нас этого не поймут! — Я вкратце рассказала ей о характере моей работы.

— Ничего страшного! Будете на работу затягивать волосы в пучок. А дома — или в гости — или еще куда будете так ходить. Вот посмотрите! — Она ловко продемонстрировала мне, как можно уложить волосы, чтобы выглядеть строго, но я вдруг заявила:

— Нет, Валя, я не хочу больше так ходить. Перекрасьте меня и подстригите.

— Подстричь? Зачем?

— Чтобы опять изменить имидж, но не возвращаться к прежнему.

— Понимаете, следы завивки пока останутся.

— Пусть.

— Жалко стричь такие волосы.

— А мне — нет! Остригите меня совсем коротко.

— Налысо, что ли? — рассердилась Валя.

— Не налысо, но совсем-совсем коротко.

— Вам нельзя.

— Почему?

— У вас будет беззащитный вид.

— Беззащитный? — удивилась я.

— Беззащитный и измученный! А такие волосы отвлекают! Но если вы настаиваете, я сделаю вам стрижку. Только не такую короткую, чтобы волосы все же были видны. Вы мне доверяете?

— Конечно! — искренне сказала я.

И через сорок минут у меня был совершенно новый имидж. Красивая, стильная стрижка современной деловой женщины.

— Нравится?

— Да. Только вот не знаю, что скажет начальство.

— У вас в контракте записано, что вы не имеете права менять прическу?

— Разумеется, нет!

— Тогда живите спокойно! Только придется теперь регулярно подстригаться.

— Не страшно.

Сказать, что я была в восторге от новой прически, я не могла. Но вероятно оттого, что никогда не носила стрижку и попросту еще не привыкла. Первым должен был оценить перемену Женя. Мы собирались встретиться у него в квартире.

— Черт, опять новая прическа! С ума можно сойти! Только я смирился с той... Но тебе так,

наверное, лучше. Спокойнее как-то.

— Тебе спокойнее? — засмеялась я.

— Это уж точно! Иди ко мне, я так соскучился.

Мне было хорошо с ним, впрочем, как и всегда, только гормон счастья не вырабатывался. Черт бы побрал Вовика Златопольского с его болтовней об этом злосчастном гормоне.

— Знаешь, как мне было хреново, когда я думал, что потерял тебя? Скажи, у тебя что-то было с тем актером, который со мной драться хотел?

— Не было, — с чистой совестью ответила я.

— Правда?

— Правда.

— А почему он тогда вступился за тебя?

— Не за меня, за даму.

— Слушай, я хочу тебя попросить...

— О чем?

— Сведи меня с твоим братом.

— Зачем? — крайне удивилась я.

— Ну нехорошо, когда в семье какие-то.., недоразумения. Я так понимаю, что он тебе близкий человек... Кстати, у вас романа не было?

— Не было, черт тебя подери! По-твоему, у меня романы со всеми мужчинами вообще?

— Не передергивай! Просто он.., довольно привлекательный, ну и между двоюродными бывает...

— Мало ли что бывает! Бывает даже между родными, даже между отцом и дочерью. Ты к папе не ревновал еще?

— Не говори глупостей. Мне, кстати, твой отец очень понравился.

— Ты ему тоже. Ох, господи, я же забыла, что мы с Полькой сегодня должны быть у папы!

Я вскочила, оделась и стала звонить Полине.

— Что ж ты мне не звонишь, я тут замоталась, — набросилась я на нее.

— Во что замоталась, в простыню? — хихикнула она.

— В какую простыню, что ты мелешь! — возмутилась я, чувствуя, что краснею.

— Ну ты ж у Жени, наверное?

Еще недоставало обсуждать это с ней!

— Короче, ты поезжай к деду да захвати из шкафа синий пакет, там подарки. Я приеду сама. Могу задержаться из-за пробок.

— Ладно! Пока, маменция!

— Бронечка, я, к сожалению, завтра вечером улетаю в Будапешт на три дня. Мне жутко не хочется, но надо. Я хотел послать своего зама, но он, как назло, попал в больницу с аппендицитом.

— Жаль, — машинально ответила я.

— Сейчас ты спешишь, а вот когда я вернусь, надо будет уже конкретно обсудить свадьбу.

— Хорошо. Обсудим. Женечка, извини, но мне надо мчаться. Папа терпеть не может опозданий.

* * *

Дверь в квартире отца мне открыла Польшка.

— Ой, мам, ну ты даешь! — закричала она при виде новой прически.

— Полина, как ты разговариваешь с матерью! — не преминул сделать ей замечание папа. — Деточка моя, что с тобой было? От Полины ничего нельзя добиться. А выглядишь хорошо. Ты подстригла волосы? Я не сторонник стриженных женщин. Так от чего ты все-таки лечилась?

— Пап, ничего страшного, была небольшая проблема, и как раз подвернулась возможность недорого полечиться. И теперь все в полном порядке. Не беспокойся.

Когда после ужина я вышла на кухню помочь Симочке с чаем — Польшка и папа играли в шашки, — она сказала:

— Бронечка, а у тебя грустные глаза.

— Да нет, я просто сегодня жутко устала.

— А ты там, в Израиле, случайно не влюбилась? — участливо осведомилась мачеха.

— Так, чуть-чуть.

— Поделись, если хочешь. Ты ведь знаешь, я не болтлива.

— Знаю, Симочка. Но сейчас не то настроение. Если окажется, что...

— Как хочешь. Но в любой момент я готова послужить жилеткой.

Это я знала. И если бы речь шла о какой-то другой ситуации, я, возможно, и поплакалась бы ей. А впрочем, кто знает...

В машине по пути домой Полина вдруг спросила:

— Мам, Гордиенко клевый, да?

- Бесспорно.
- А Дружинин?
- Нет.
- Почему?
- Мрачный, хамоватый и вечно небритый. А почему тебя это интересует?
- Ну просто.., он же такая звезда! А его жена?
- Очень красивая! Ноги от ушей и вообще...
- Сейчас на НТВ показывают сериал с ним.
- С кем? С Дружининым?
- Ага. И он там клевый.
- Кого он играет?
- Благородного олигарха.
- Такие бывают?
- В кино все бывает.
- Тоже верно. А в котором часу этот сериал показывают?
- В девятнадцать сорок. И повтор уже совсем поздно, около двенадцати. А что, хочешь посмотреть?
- Ну разве что одним глазом.
- Мам, а у Вени там кто-нибудь был?
- В каком смысле?
- Ну.., какая-нибудь.., девушка?
- Наверное, я за ним не следила. — До возвращения Веньки я решила ничего не говорить про Венчика. Зачем? Неизвестно ведь, чем эта история завершится.
- Мам, а фотки? Я только сейчас сообразила! Ты снимала?
- Конечно. Завтра же отдам напечатать.
- Давай лучше я, ты мне утром оставь деньги и пленку. Я после школы зайду. Там прямо за час сделают.
- Вот хорошо.
- Мам, а ты по мне скучала?

— Не то слово!

— И я... Мам, а ты за Женю выйдешь замуж?

— Конечно. Он сейчас уезжает, а когда вернется, будем обсуждать свадьбу!

— Ура! Я тоже буду обсуждать?

— Да.

— Мам, почему у тебя голос такой скучный?

— Почему — скучный? Просто усталый. Спать хочу!

— Нет, скучный..., без трепетухи...

— Что?

— Без трепетухи, говорю.

— Что это еще за трепетуха? Трепет, что ли?

— Ага.

— Дурища ты у меня.

— Не-а! Дед говорит, что я на редкость умная девочка.

— Заблуждается твой дед.

— Это ты заблуждаешься, когда думаешь, что я ничего не вижу.

— Здрасте, я ваша тетя. Что это ты видишь, хотелось бы знать.

— Что у тебя в глазах обреченка.

— Господи, где ты этого набралась? Обреченка, трепетуха... Жуть!

— Ты не хочешь замуж? Да? — с «трепетухой» в голосе спросила она.

— Зато ты, я вижу, жаждешь выдать меня.

— Да. Потому что Женя тебя любит. И он..., хороший... И богатый.

— Можно подумать, ты живешь в нищете!

— Нет, конечно, но... Знаешь, он мне показывал план дома, который собирается покупать. Супер!

— О господи!

— Там даже солярий есть!

— А солнце где он возьмет? У нас так мало солнца..., ты вот говоришь всякие глупости, что я скучная, без трепетухи, а все дело в том, что в Израиле такое солнце! От него вырабатывается

гормон счастья. А тут у нас холод собачий, как будто не июнь, а начало ноября.

Дождь. Меня это угнетает. Ничего, я привыкну.

— Адаптируешься?

— Привыкну!

* * *

Она легла спать, а я схватила телепрограмму. Без пяти двенадцать должны показать седьмую серию «Снов наяву». Почему-то мне было страшно. Сперва на экране мелькали какие-то люди, говорили о непонятном — седьмая серия все-таки, а это явно детектив. Я даже не стремилась вникать в происходящее. И вдруг на экране появился Андрей. Я замерла. В первой сцене он вел совещание у себя в роскошном офисе, деловой, ироничный, злой, и каждый его жест и поворот головы были исполнены такого шика, элегантности и не правдоподобного обаяния, что я только рот раскрыла. И проклятый гормон стал вырабатываться с неистовой силой. Господи, за что? За недостаточную любовь к Жене? За неблагодарность? За то, что зарыла в землю свой певческий талант? Или просто так, ни за что? Чтоб знала, как это бывает, когда любовь... Интересно, он хоть раз вспомнил обо мне? Нет, конечно. А почему? Не вспоминалось или он запретил себе вспоминать? Я должна его увидеть. Должна. Не могу иначе. Вот посмотрю ему в глаза — и все пойму. Но где мне его увидеть? Пойти в театр, а потом за кулисы? Никогда в жизни. Ждать возле служебного подъезда вместе с поклонницами? Никогда в жизни! Явиться к нему домой? А если там Лариса? Или другая какая-нибудь баба? Я умру. Так как же быть? Позвонить ему на мобильный? Он ведь тоже знает мой телефон, но не звонит же... Ничего, я позвоню сама, к черту гордость и все эти глупости. Мне просто жизненно необходимо если не увидеть, то хоть услышать его. Я и по голосу все пойму. Позвонить с домашнего телефона? Этого номера он не знает. Нет, позвоню с мобильного. Он увидит, что это я, и, если не захочет, попросту не ответит. Но он ведь может, к примеру, не услышать звонка. Но тогда завтра он его обнаружит... Как мы жили без мобильных телефонов? С одной стороны, многое было проще, но... Я сосчитала до десяти. Мне даже в голову в тот момент не пришло, что может быть уже поздно. Один гудок, второй...

— Это ты? — В голосе нескрываемая радость.

— Да. Я посмотрела кино...

— Какое кино? — засмеялся он. — О чем ты?

— «Сны наяву».

— В жопу!

Мне вдруг стало так хорошо! Гормон счастья даже от звука голоса...

— Ты где сейчас?

— Дома.

— Я сейчас приеду к тебе, говори адрес.

— Но у меня тут дочка.

— Тогда я приеду за тобой.

— А дочка?

— Она же, наверное, спит?

— Нуда...

— Я не буду звонить. Ты просто открой дверь.

— Я лучше спущусь.

— Хорошо. Говори адрес.

Я сказала.

— Так, буду у тебя минут через двадцать. Все. Господи, какое счастье! Ни сомнений, ни лишних слов, просто радость и желание немедленно, сейчас, среди ночи, увидеть меня... А я? Как я хочу увидеть, услышать, прижаться к нему... Импотент? Ну и пусть. Не важно. Да и не импотент, глупости все. Тут вдруг затрясся мобильник. Андрей! Передумал? Охолонул? Сердце ухнуло в пятки.

— Алло!

— Ты не спускайся. Я не хочу, чтобы ты ночью выходила одна. Я поднимусь за тобой. Какой этаж?

— Восьмой.

— Еду.

Я кинулась приводить себя в порядок и увидела новую прическу. А вдруг она ему не понравится? Меня еще никогда в жизни не била такая дрожь. Разве что в детстве, когда хоронили деда по отцовской линии. Дети боятся покойников... А больше — никогда. Я чего-то боюсь? Да, боюсь, вдруг все-таки что-то сорвется?

— Мам, ты чего? — За моей спиной стояла Полина, сонная и недовольная.

— Ты почему не спишь?

— Писать хочу!

— Ну писай скорей!

— Быстро только кошки трахаются.

— Ты что, спятила?

— Я — нет! А ты куда собралась? Второй час ночи.

— Мне надо!

— Куда?

— Не твое дело!

— О! Суду все ясно!

— Полина, не смей так со мной разговаривать!

— Но должна же я знать, куда тебя ночью несет? На свидание?

— Перестань глупости говорить! Просто мне.., позвонила Светка, у нее.., квартиру ограбили, и ей страшно!

— Пусть милицию вызовет.

— Ей нужна дружеская поддержка.

— А! Ну ладно. Утром вернешься?

— Естественно, вернусь. Мне же на работу.

— А ты не возвращайся. Возьми все необходимое, утром вместе со Светкой поедете. А я уж как-нибудь сама...

— Полина, писай и ложись спать, а я без твоих советов обойдусь.

— Ясное дело. Ну пока!

А в самом деле, куда я несусь среди ночи? Завтра мне на работу... Но тут в кармане опять завибрировал мобильник.

— Я уже за дверью.

— Да, Светик, еду!

Я схватила с вешалки куртку и выскочила из квартиры. Неоновая лампа на площадке мигала, давая понять, что вот-вот перегорит. Я едва закрыла дверь — и сразу очутилась в его объятиях.

— Андрей!

— Бронечка, маленькая моя.

Лампа мигнула в последний раз и погасла.

Мы втиснулись в лифт, не разжимая объятий. Внизу у лифта стоял какой-то сильно поддатый мужчина, Андрей отпустил меня и вдруг воскликнул:

— Зачем ты отрезала свои кудри? Жалко.

— Я надеялась, что так скорее забуду.., тебя.

— Ты хотела меня забыть?

— Да. Но не получилось.

— Ты обиделась, что я так уехал?

— Я не обиделась. Мне просто было больно... Очень... Но я даже не отдавала себе в этом отчета.

Мы сидели в машине, он прижимал мою голову к своей груди и шептал:

— Маленькая моя, как хорошо, что ты позвонила, как вовремя, ты даже представить себе не можешь, как вовремя.

От него слегка пахло коньяком и мятной жвачкой. И табаком. И счастьем.

— Когда я увидел, что это ты звонишь, как будто тиски ослабли..., мне как будто горло сжимало и вдруг отпустило... Я смог вздохнуть, понимаешь?

— Да.

— Мне без тебя плохо было.

— Почему ж ты сам не позвонил?

— Боялся.

— Ты? Ты боялся?

— Да. Я. Боялся.

— Меня?

— Нет. Не знаю... Я боялся, что.., что не нужен тебе... Что опять ошибусь... Что... Меня много предавали в этой жизни... Я бы позвонил все равно, только позже. Ты мне нужна, очень-очень нужна. Но я ведь знаю, что у тебя дочка... И первые дни тебе будет не до меня... Я все время думал, считал дни. Когда ты приедешь..., и когда можно будет позвонить...

— А мне Польша сказала, что по НТВ идет твой сериал. Я включила...

— Да ну, есть о чем говорить!

— Есть! Есть, Андрюша, ты там такой... Неотразимый. Совершенно неотразимый...

Мне вдруг показалось, что это слово определяет для меня этого человека. Неотразимый!

— Но я ведь не такой, Бронечка. Я хуже.

— Нет. Лучше. Потому что живой.

— А знаешь, почему живой?

— Я не понимаю...

— Я живой, потому что ты есть... Потому что ты мне позвонила ровно тогда, когда было нужно.

— Андрей, — испугалась я, — что ты хочешь сказать?

— Нет, я не собирался в тот момент кончать с собой... Но к горлу вдруг подступило... Как будто тиски, как будто кто-то меня душил. И вдруг твой звонок — и так легко дышать стало.

— Андрюша, поцелуй меня еще.

— Нет. Хватит. Поехали ко мне.

— Ну пожалуйста...

— Нет. Поцелую на светофоре, — засмеялся он.

И правда, на всех светофорах он меня целовал.

— А где ты живешь?

— На Спиридоновке.

— О, в самом центре.

— Да. Десять минут до театра.

— А...

— Ты хочешь спросить о Ларисе?

— Да.

— Ее там больше нет. Не надо никаких вопросов, ладно? Я потом расскажу. Мне не до нее сейчас. Мне хорошо.

* * *

Когда я на цыпочках, как вор, вошла в квартиру, Польшка еще спала. И Андрей спал, когда я уходила. И город еще только просыпался. Первым делом я приготовила завтрак и побежала в ванную. Ого! — сказала я себе, поглядев в зеркало. Невооруженным глазом видно, чем я занималась в эту ночь. Он не был импотентом. Отнюдь! И мне еще никогда в жизни ни с кем не было так хорошо. Более того, я даже не подозревала, что способна на такую страсть. Меня обуревали столь сильные и противоречивые чувства, что я запуталась в них.

Ладно, потом... Сейчас надо будить Полину. И притвориться, что я давно дома и даже успела поспать.

— Польшка, подъем!

— А? Мам, ты пришла?

— Вставай, вставай, кудрявая!

— От кудрявой слышу! — проворчала она. — Ну что?

— Что?

— Ну как?

— Что?

— Как провела ночь?

— Весело! Светка рыдала, причитала... Сама понимаешь!

— Мам, ну не гони!

— Куда я тебя гоню?

— Не гони пургу типа...

— Ты у меня сейчас схлопочешь. «Типа»! Чтобы я больше этого не слышала.

— Ладно. Тогда скажи, кто был тот мужик?

— Какой еще мужик? — похолодела я.

— Ну с которым ты в машину села? Или это Светка была? Тогда она здорово выросла за месяц. Раньше вы с ней одного роста были, а теперь ты ей до плеча не достаешь.

— Господи, что ты порешь? Я встретила в лифте Владимира Сергеевича. Он спросил, куда это я ночью собралась и подвез меня.

— Mam, уши вянут. Прямо завяли совсем, вот-вот отвалятся.

— Ну все, хватит, иди быстро мойся — и за стол.

Да, от моей дочурки не спрячешься.

Она явилась на кухню уже одетая, причесанная, но надутая.

— Между прочим, у нас сегодня последний день, — напомнила она. — И тебе надо зайти в школу.

— Зачем?

— Маятник велел. Он давно уж тебя требовал, но ты уезжала.

— Что ты натворила? — перепугалась я.

— Ничего. Просто ему зачем-то надо.

— Но я смогу сегодня только после работы.

— Ты ему позвони. И договорись.

— Поль, ну правда, в чем дело-то?

— Не знаю! Все, я пошла. Кстати, дай мне денег, мы с девчонками хотим в Макдоналдс сходить после уроков. Ага, спасибо. Это взятка? — спросила она, держа в руках пятисотрублевую бумажку.

— Отнюдь. Просто в день окончания... Ну вроде премии.

— А вдруг я в чем-то провинилась, а? Тогда что, отберешь?

— Ну если б что-то серьезное, ты бы вела себя иначе, не хамила бы, а подлизывалась.

— Это неизвестно еще! У меня же переходный возраст. Ну пока!

Обычно она меня целовала, уходя, а сегодня только кивнула. А я не стала к ней лезть. Когда она ушла, я закрыла глаза и сразу увидела лицо Андрея. И вдруг ощутила, что в нем я обрела

сразу любовника и второго ребенка. В нем было много детского, мальчишеского, а еще была какая-то щемящая ранимость и даже беззащитность. Его хотелось оберегать... Заботиться о нем... Готовить ему, стирать.., я не знаю... Это какой-то бред. Но я никогда еще не испытывала ничего подобного. Эта ночь была полна новых, неведомых мне ощущений. Но тут позвонили с автомобильной стоянки с сообщением, что надо срочно погасить образовавшуюся задолженность, иначе лишусь места. Это была серьезная угроза. Терять стоянку, находящуюся в пяти минутах ходьбы от дома, очень не хотелось.

Я заплатила долг и еще за месяц вперед и наконец села за руль. Как всегда, включила музыку. Любимого барда Тимура Шаова. Его блистательные по остроумию и музыкальности песни заряжали меня бодростью. Придавали куража или, как сейчас модно говорить, «драйва».

— О! Бронька, привет! — воскликнула Светка и тут же получила от меня израильский сувенир. — Спасибо! Слушай, какая прическа! Вот от тебя не ожидала!

— Это еще что! Видела бы ты меня в Израиле!

— Да я уж понимаю... Там что-то было? Раввина сбила с пути истинного?

— Подымай выше!

— А кто там у них выше? Шарона захороводила? Так он старый!

— Как ты узко мыслишь! Почему обязательно аборигены?

Но в этот момент появилась Инна Геннадьевна.

— Бронечка, рада вас видеть! Как вы себя чувствуете? — озабоченно осведомилась она.

— Спасибо, все хорошо. Мертвое море творит чудеса.

— А что вы сделали со своей головой? Зачем постриглись? У вас был свой стиль.

— Не правда ваша, Инночка Геннадьевна, — вмешалась Светка. — У нее был не свой стиль, а стиль нашей конторы. А вот теперь...

— Ну это, безусловно, спорный вопрос. Кстати, начальство справлялось о вас.

Начальством она называла нашего главного.

— Я в полном порядке и готова приступить...

— Тогда для начала просмотрите этот контракт, нет ли ошибок, а в одиннадцать десять вас ждет начальство.

Я боялась, что засну над контрактом, но там оказалось столько ошибок, что мне сразу стало не до сна. Интересно, кто это постарался?

— Свет, чья работа?

— Да я почем знаю? Бронь, ну в двух словах скажи — кто?

— Мужик!

- Молодой?
- Не очень.
- Лет пятьдесят?
- Сорок.
- Богатый?
- Нет.
- Красивый?
- До ужаса!
- Нет, правда?
- Правда.
- И что?
- В каком смысле?
- Любовь до гроба?
- Боюсь, что да. Отстань.
- Бронь!
- Светка, отвяжись. Тут ошибка на ошибке.
- Ладно, давай завтра вместе пообедаем, и ты мне все расскажешь.

Иногда по пятницам после работы мы ходили в соседний ресторанчик и там обменивались нашими женскими секретами. Светка не была близкой подругой, но умела держать язык за зубами, да и в житейском опыте ей не откажешь. А мне необходимо с кем-то поделиться, иначе меня разорвет.

- Договорились.

В одиннадцать десять я уже была у шефа.

— Бронислава, приветствую! Садитесь! — сказал он, не отрывая глаз от компьютера. — Вы меня очень подвели!

- Подвела? Чем? — испугалась я.
- Ушли в отпуск не вовремя! А вы были нужны.
- Извините, так получилось.
- Теперь, надеюсь, все в порядке и вы сможете работать в полную силу?
- Да, конечно.

— В понедельник летим в Швейцарию.

— Хорошо, — сказала я, но в душе ужаснулась.

— Я слышал, у вас предстоит свадьба? Больше чем на три дня не рассчитывайте, сразу предупреждаю. Июль — далеко не везде мертвый месяц. И вы будете нужны. Господи, что вы с собой сделали? — оторвался он наконец от компьютера. — К чему эта стрижка? Раньше было гораздо лучше. И приличнее. Нельзя это как-то вернуть?

— Нельзя.

— Извините, я, наверное, сморозил глупость. Но мне не нравится ваша голова.

— Что ж поделать. — И тут я вспомнила парикмахершу Валю. — У меня в контракте не сказано, что я не имею права поменять прическу.

Он взглянул на меня с интересом:

— Действительно. А жаль. Надо в дальнейшем исправить это упущение. Ну все, мы и так потратили уйму времени на вашу прическу. К делу! Вот что, по-вашему, означает этот пункт?

— Здесь явная ошибка переводчика. Я в своем экземпляре уже ее исправила.

— И то хлеб.

* * *

Во второй половине дня позвонила Полина:

— Мам, папа звонил!

— Поздравляю.

— Оказывается, мы уезжаем не в воскресенье, а в субботу.

— Поздравляю.

— Мам, что ты заладила «поздравляю», «поздравляю»!

— Я занята.

— Мам, мне надо купить шорты. Мои белые малы. И красные тоже.

— Купим. Завтра. Ты померяй все, что тебе понадобится, и составь список, чего не хватает. Завтра купим. Все. Пока.

— Ну вот, значит, завтра наш дружеский ужин не состоится! — вздохнула Светка.

— Увы. Я думала, они с папашей уезжают в воскресенье, а оказалось, в субботу.

— И куда они на сей раз едут?

— На сей раз в Италию.

— Слушай, здорово. Каждый год он куда-нибудь возит ребенка. Хороший отец. И деньги дает.

— Да. Он приличный человек, ничего не могу сказать.

— Не жалеешь, что разошлась с ним?

— Знаешь, я вообще не люблю жалеть о том, что сделано. А уж об этом и подавно. Слушай, а давай в субботу пообедаем? Полина утром уедет.

— А твой?

— Не знаю... Не думаю, что он будет свободен...

— Он у тебя кто?

— Много будешь знать, скоро состаришься.

— О нет, только не это! У тебя мобильный звонит! — Светка схватила со стола телефон. — Андрей. Это он?

— Отдай!

— Скажи, Андрей — это он?

— Он!

— Ладно, бери, не жалко!

— Алло!

— Привет, это я. Ты на работе?

— Да.

— Я просто хотел сказать, что соскучился.

Все внутри заволкло сладким теплом. Гормон счастья.

— Я тоже.

— У меня сегодня спектакль.

— Ой, я не смогу прийти, дочка послезавтра уезжает, надо с ней...

— Я понимаю. Буду скучать. Ты звони мне, пожалуйста.

— Нет, лучше ты. Я же не знаю...

— Я тоже буду. Целую тебя, моя маленькая.

Он отключился.

— Ну что ты на меня пялишься? — накинулась я на Светку.

— Он, да? Ну, Бронька, ты пропала. У тебя такая морда...

— Да, я, кажется, пропала.

— Умираю от любопытства. Слушай, а что тебе надо купить для Польки? У меня рядом с домом хороший детский магазин. Могу помочь.

— Да нет, когда?

— Утром. Я завтра приду попозже. Отпросилась у Геннадьевны. У меня там дела по наследству, я записалась к нотариусу на прием. Зайду и все куплю. А список продиктуешь вечером по телефону. Годится?

— Нет, Светик, не годится. Не могу я в последний вечер...

— Нуда. Понимаю... Но ты же все равно не успеешь ничего купить. А я бескорыстно помогу. А в субботу встретимся. Хотя до тех пор я умру от любопытства.

— Ты и вправду купишь?

— Куплю, конечно! Ты думаешь, я сука?

— Никогда так не думала.

В глазах у Светки давно уже жила постоянная тоска. У нее был женатый, я бы даже сказала, безнадежно женатый любовник. И она любила его по-настоящему. Это любовь мешала ей жить, мешала чувствовать себя свободной. Она нечасто говорила об этом. Но иногда ее прорывало, и тогда она рассказывала мне о своей любви, пугая иной раз ненужными подробностями, даже интимного свойства.

— Вот и чудненько. Только ты денег мне дай, я сейчас на мели.

— Конечно.

— Бронь, скажи, а то не доживу до субботы.

— Что тебе сказать?

— Ну кто он?

Я внимательно посмотрела на нее. Меня самое распирало.

— Ладно, скажу. Только никому!

— Я тебя когда-нибудь сдавала? — оскорбилась она.

— Андрей Дружинин.

— Кто? — вытаращила глаза Светка. — Дружинин? Актер?

— Да.

— Господи помилуй! — перекрестилась Светка. — Где ты его нарыла?

— В Израиле.

— Что он там делал? Он разве еврей?

— Он там гастролировал. Все, Светик, пока закрываем тему. Некогда. А в субботу я все тебе

расскажу и даже покажу фотографии.

— А как дожить? Ладно, Бронь, ты только скажи одну вещь.

— Ну?

— Ты на что-то надеешься?

— В каком смысле?

— Ну в каком..., замуж...

— Откуда я знаю? Я вчера с ним переспала, у меня крышу снесло, ни о чем таком я и не думала.

— Бронь...

* * *

Но тут вошла Инна Геннадьевна, и волнующий разговор пришлось прекратить.

Вечером после работы я заехала в гимназию, к Маятнику. Такое прозвище носил директор, у которого была фамилия Часовщиков и к тому же неприятная манера постоянно расхаживать из угла в угол. Он сообщил мне, что Полина в последнее время бывает груба, и особенно с учительницей по русскому языку.

— Я поговорю с ней, попробую во всяком случае, — решила я не вступать в пререкания с директором, ибо хорошо знала, на какой почве У Полины распри с учительницей. Та отвратительно говорит по-русски: «Включат», «нерво-патолог» и так далее, а Полина не пропускает это мимо ушей. Разумеется, учительница терпеть ее не может. Я-то считаю, такую учительницу не стоило бы держать в гимназии, но, когда недавно по телевизору услышала, как одна знаменитая писательница сказала «включат», махнула рукой. Пусть училка говорит как говорит. Главное, чтобы дочка говорила правильно. И потому ничего директору не объяснила. У этой училки больная мать, муж никчемный, и потерять работу для нее было бы катастрофой.

Маятник еще поворчал, что нынешние дети позволяют себе то, о чем раньше даже и помыслить не смели, и все в таком роде.

И стоило меня из-за этого вызывать? Но под конец он сказал, что в гимназии летом будет ремонт и хорошо бы чем-то помочь.

Я спросила, можно ли деньгами.

— Как вам будет угодно.

— У меня плохо со временем, и я предпочитаю заплатить.

— Ну что ж...

— Сколько?

— Три тысячи..., рублей, разумеется, было бы достойным взносом.

— Хорошо, — скрепя сердце сказала я. Но ничего не напишешь.

— Простите, что вмешиваюсь не в свое дело, но Полина как-то обмолвилась, что ваш.., эээ.., жених — строитель...

— И что?

— Не мог бы он помочь материалами или как-то еще?

— Простите, Семен Анатольевич, я плачу деньги. И хватит. Обращаться, как вы выразились, к жениху, я не намерена.

— Извините, извините.

Я вытащила из сумки сто долларов.

— Можно в у, е.?

— Разумеется, но.., сейчас курс, знаете ли...

Я достала еще сторублевку.

— Теперь нормально?

— Простите, но мы вынуждены...

Я была счастлива, что сравнительно легко отделалась. Школу во всех ее проявлениях я ненавидела еще с детства. Школьные стены давят на меня, там пахнет несвободой, насилием над детскими душами. А Полина свою гимназию скорее любит. И хорошо, наверное.

Домой я попала в половине восьмого. И в лифте сообразила, что у Андрея как раз начался спектакль и у многих людей в зале будет вырабатываться гормон счастья. У женщин уж наверняка. И вероятно, не будет ни одной, которая не хотела бы его. Какой ужас! Во что я влипла?

— Мам, в гимназии была?

— Была. Заплатила сто долларов.

— А про меня говорили?

— Да. Сказали, что ты грубая.

— Небось Донна Анна насплетничала?

— Конечно. Ох, как я устала, ужас!

— Ну еще бы, всю ночь утешать подругу...

Я решила смолчать. Сил не было. Полина у Себя в комнате слушала Витаса, чего я совсем не понимала. Ну еще посмотреть на него можно. Красивый, пластичный, но слушать... Но Полька «фанатела», и у нее над кроватью висел его портрет. Каждому свое.

И вдруг позвонил Венька:

— Бусечка, я приехал!

— Ну что там?

— Можно я заеду?

— Когда?

— Сейчас.

— Если сейчас, заезжай, а то я хочу пораньше лечь. Устала.

— Я ненадолго.

Я открыла и ахнула. У него был такой измученный вид, как будто невеста что случилось. Мы обнялись.

— Буська, я так привязался к тебе за эту поездку..., так скучал... Буська, ты что опять с собой сделала? Мне твоя грива ужасно нравилась. Чаю дашь?

— Пошли на кухню.

— А чего так тихо? Потомка где?

— Витаса слушает в наушниках. Ты есть не хочешь?

— Честно? Хочу. А что у тебя есть?

— Диетический супчик. Могу яичницу с кабачком сделать.

— Хорошо. Пока будешь делать яичницу, похлебаю твоего супчику.

У меня слезы на глаза наворачивались. Он так осунулся за эти дни.

— Венечка, ты сперва поешь, а потом все расскажешь.

Я сунула в микроволновку бульонную чашку с нашим диетическим супом.

— Сейчас согреется, а я пока почищу кабачок.

— Буська, знаешь, что я решил?

— Ну?

— Заберу к себе Рахиль с Венчиком. Насовсем.

— С ума сошел!

— Нет. Ты понимаешь, оставлять там Венчика я не хочу, и разлучать его с Рахилью тоже.

— А она-то согласна?

— Она жаждет. Знаешь, она золотая старуха. Я встречался с Сонькиной мамашей. Это красивая, еще нестарая баба, карьеристка и, судя по всему, блядь, для которой внук весьма неприятная подробность ее биографии. Не знаю уж, какой там она врач... Я бы не хотел у нее лечиться. Я так понял, что она не возражала бы, если бы эта досадная подробность куда-то делась.

— А Сонька?

— Сонька устроила жуткую истерику: «Я сына не отдам, ты не отец, ты знать о нем не хотел...» И все такое. Ну я сказал, что знать я не хотел о ней, и теперь тоже не хочу, а вот про сына как узнал, так и... Тогда она потребовала.., выкуп.

— Выкуп? — Я не поверила своим ушам.

— Ага.

— И много?

— Двадцать тысяч баксов.

— Ого! А ты что?

— Согласился. Только сказал, что сразу заплатить не смогу. В несколько приемов.

— Слушай, это чудовище какое-то.

— Наркоманка, что сделаешь.

— Она колется?

— Пока нет. Нюхает. А Рахиль... Она так хорошо воспитывает Венчика... Он уже учится музыке. Она, оказывается, до приезда в Израиль была флейтисткой во Львовском оперном театре. А как она готовит!

— Венька, ты уже заплатил?

— Нет. У меня с собой таких денег не было. Через две недели будет готов анализ на ДНК. Я полечу туда, дам этой суке семь тысяч в зубы...

— Только расписку возьми.

— Нет, расписку я брать не буду. Я просто дам ей деньги в обмен на разрешение вывезти ребенка.

— Ты не прав. Расписку надо взять в любом случае. И в тексте зафиксировать, что эти деньги она получила за отказ от воспитания ребенка или что-то в этом роде. Просто если она вдруг начнет возникать, в любом суде такая расписка пригодится. Симпатии будут не на ее стороне.

— Ты разумная, Буська, просто ужас. А супчик твой — говно говном, уж извини. То, что называется брандахлыст. Давай скорее яичницу. Ты бы знала, как Рахиль готовит кисло-сладкое жаркое! Полжизни не жалко. А знаешь, что Венчик любит больше всего на свете?

— Мороженое?

— Нет! Пиццу!

— Ну это многие дети любят. Как и биг-мак.

— Странно, да? Ты понимаешь, мы с ним ходили в «Лондон», ели пиццу. Он ее уплетал, глазки сияли, а я таял как идиот... Никогда не хотел детей... Думал, что еще не созрел... А тут вдруг...

— Вень, а ты уверен, что тебе не надоест?

— Что?

— Все. Венчик, Рахиль, отсутствие свободы. Ты же вольная пташка.

— Дуреха ты. Про голос крови слыхала? И потом... Мне не хватает семьи. Меня же подвергли остракизму...

— Брось! Если б не твое упрямство и не упрямство твоего отца... Тетя Таня уже давно раскаялась...

— А я не простил, может быть. И потом, знаешь, эта свобода никуда не денется. Рахили нужен не я, а Венчик. Хотя она ко мне очень тепло относится. Она тоже одинока. Вот мы и встретились. Два одиночества. Вернее, даже три.

— А вдруг ты влюбишься?

— Ну и что? Если эта предполагаемая возлюбленная не захочет Венчика, то пусть гуляет. Будем подбирать такую, чтобы нас с Рахилью устраивала.

— Но ведь ты уезжаешь постоянно — гастроли, съемки, теперь еще и антреприза. Как Рахиль будет тут одна с Венчиком, ты подумал? Она ведь в Москве, как я понимаю, никогда не жила.

— А у меня есть двоюродная сестра, которая их не бросит в беде. И Никаноровна еще.

— Ты что, собираешься их поселить в родительскую квартиру?

— Да боже меня упаси! Я просто продам свою и куплю трехкомнатную.

— Господи, где ты столько денег наберешь?

— Ну кое-что у меня есть, еще я займу..., деньги — дело наживное.

— Да, братик. Ты круто взялся.

— Я такой! Ты же знаешь, если я чего-то хочу, если поставлю себе цель...

— Да уж, кто-кто, а я это знаю! Яичница готова!

— Только не клади на тарелку! Обожаю жрать со сковородки!

— Да знаю эти твои плебейские замашки!

— Так ты меня одобряешь?

— По большому счету..., да! Целиком и полностью! И всегда помогу чем смогу. Мне приятно иметь племянника, который в неполных четыре года классно читает «Анчар». Может, еще актером станет.

Венька вдруг оторвал глаза от яичницы с кабачками и посмотрел на меня, как пишут в книгах, испытующе.

— Кстати насчет актера... Ты с Андрюхой в Москве не виделась?

— Виделась. Ну и что?

— Бусь, не советую!

— Это мое дело.

— Ну безусловно, только...

Но тут появилась Полина:

— Ой, Вень, а я не слышала, как ты пришел! Привет!

— Привет! Погоди с поцелуями, дай поесть!

— А что ты тут ешь, пахнет вкусно.

— Яичницу с кабачком.

— Мам, я тоже хочу!

— А фигура?

— Ну один разок можно.

— У меня кабачка больше нет.

— А с помидором?

— Это можно, но...

— Мамочка, я сама сделаю. С помидором и с черным хлебушком!

— Черт бы вас побрал! — воскликнула я. — У меня нет такой железной воли — смотреть, как вы тут трескаете...

— Поешь, Бусенька, подбробнее.

Все закончилось неприличной обжираловкой. Из холодильника была извлечена еще банка шпрот, плавленый сыр с грибами и давно купленная, но забытая коробка французской брынзы. Наконец Полина наелась и стала клевать носом.

— Немедленно ступай спать! — распорядился Венька. — Нет ничего ужаснее вида обожравшейся сонной школьницы.

— Гимназистки! — поправила Полина.

— Тем более! Обожравшаяся гимназистка — гадость какая!

— Сам дурак!

— Буська, кто так детей воспитывает? Ужас какой-то!

— Поль, иди спать!

— Да ладно, иду. Вы тут будете какие-нибудь интересные вещи обсуждать, а мне, между

прочим, завтра уже не надо в школу!

— Иди-иди, а то заснешь тут, а я тебя уже не подниму после такого ужина, — смеялся Венька.

Она смерила его величественным взглядом:

— Слабак! — и удалилась.

— Эта себя в обиду не даст, — хмыкнул он. Встал, закрыл дверь, подошел ко мне, обнял:

— Бусечка, ну не надо... Андрюха не твой кадр.

— Мой. Он как раз мой кадр. Лариска, эта сволочь, распространяет о нем всякие гадости, а он ранимый...

— Какие гадости?

— Она мне сказала, что он импотент.

— А он не импотент?

— Нет, конечно, с ума сошел?

— Ага, ты уже убедилась. Понятно.

— Вень, а скажи... Он говорит, что его часто в жизни предавали. Это правда или он просто мнительный?

— Бусь, ну я не так детально знаком с личной жизнью артиста Дружинина. Но баб у него было море. Наверняка попадались и суки. Да хоть бы та же Ларка.

— А вот он как-то сказал, что лежал в больнице, долго...

— Ну и что?

— Что с ним было?

— Тяжелая депрессия. По-моему, я тебе говорил об этом.

— Я не помню.

— Имей в виду, у него кошмарный характер и уж для семейной-то жизни совершенно непригодный.

— Ты-то откуда можешь это знать?

— Буська, ну актеры вообще народ такой... А я? Сколько я нарывался? Думаю, не потому, что я такой прекрасный, а бабы все суки. Наверное, во многом я и сам виноват...

— Ого! — воскликнула я. — Здорово тебя пришибла история с Венчиком.

— И не говори! Знаешь, я вдруг понял, что надо в этой жизни отвечать не только за себя.

— Я слышу речь не мальчика, но мужа!

- Скажи мне лучше, ты с тем козлом помирилась?
- Да.
- И, как я понял, собираешься замуж?
- Как ты это понял? — удивилась я.
- Ты когда ходила мусор выносить, Полина быстрым шепотом сообщила, что у вас скоро свадьба.
- Еще не так скоро...
- А Андрей?
- Венечка, я ничего не знаю. Ни-че-го! Запуталась к чертям.
- Мне он не понравился. А впрочем, ситуация была достаточно экстремальная. Ты меня с ним познакомь.
- Он, кстати, тоже просил свести его с тобой.
- Вот и хорошо. Попробую найти с ним общий язык. В конце концов, где-то я даже его понимаю. Невеста вдруг срывается куда-то, меняет внешность, выдрючивается на сцене, а кругом знаменитые артисты... Есть от чего взбеситься мужику. Он вообще чем занимается?
- Бизнесом. У него большая строительная фирма. Строит какие-то промышленные объекты. И еще у него контакт с Полиной. Они дружат.
- Ну тут я бы не обольщался.
- Почему?
- Есть такая порода мужиков, которые ищут подход к бабе через детей.
- По-моему, это не тот случай. Думаешь, я не понимаю, что Женя — это лучший выход? Но я Андрея люблю.
- Так прямо и любишь?
- Так прямо... Понимаешь, я даже когда его голос слышу или по телевизору вижу..., у меня гормон счастья вырабатывается.
- Узнаю бредни Вовика.
- Ничего не бредни! Со мной такого еще не было, правда.
- Ой, Буська, знаешь старую народную мудрость?
- Какую?
- На гормоне далеко не уедешь. Даже если это гормон счастья.
- А я никуда уже ехать не хочу. Я, кажется, приехала.

И в этот момент запрыгал на столе мобильник.

Андрей!

— Алло!

— Привет, это я. Что ты сейчас делаешь?

— Сажу на кухне с Венькой.

— А... Хорошо вам?

— Вот сейчас о тебе говорили.

— Он сказал, что я тебе не подхожу, да?

— Да. Но я не верю.

— Солнышко мое, я как раз хотел сказать: не верь ему. Мы завтра увидимся?

— Завтра не получится.

— А послезавтра?

— Когда?

— Хорошо бы днем, часа в два. У меня вечером съемки. Но с двух до пяти я свободен.

— Я тоже!

Гормон счастья с неистовой силой поступал в кровь.

— Пойдем куда-нибудь или...

— Приезжай ко мне.

— Договорились. И спокойной ночи.

Я положила телефон на стол.

— Да, сестренка... Плохо твое дело, — констатировал Венька, глянув на мое лицо.

— Наоборот.

— Видела бы ты свою рожу сейчас... Жуть какая-то.

— Почему жуть?

— Потому что ясно как божий день, что ты готова всю жизнь себе переломать и разбалансировать гормональную систему. Но это твой личный гормон. А ты о дочке подумай.

— Да если б я не думала...

— То что?

— Я бы уже бросила все к чертям... Лишь бы быть с ним. Вот так, братик. Но я помню, что я мать и все такое прочее...

Когда Венька ушел и я легла в постель, прежде чем заснуть, я подумала, что пока не произнесла вслух: я его люблю, я еще не отдавала себе в этом отчета. А вот «озвучила» и пропала...

* * *

— Светик, спасибо тебе, ты так меня выручила!

— Не за что. Ну как, завтра встречаемся?

— Да! Но после пяти.

— Ты ж говорила, Полина утром уезжает.

— Свет, у меня свидание.

— С ним?

— Да.

— И где?

— Дома.

— У тебя дома?

— Ага.

— Бронь, ты счастливая.

— Думаешь?

— Ты так сияешь... За версту видно, что влюблена. Но ты мне потом все расскажешь?

— Многое. Но не все.

— Почему?

— Я не умею как ты, со всеми подробностями.

— Ладно, подробности я сама из тебя вытяну, ты и не заметишь, — засмеялась она. — А где встречаемся?

— Хочешь, приезжай ко мне часам к шести. Пойдем в наш кабачок поужинаем.

— Годится.

Вечером мы с Полиной складывали вещи. — Ну куда тебе столько барахла?

— Мам, я не хочу, чтобы папина жена думала, что я плохо одета.

— Уверяю тебя, ты хорошо одета, даже если не возьмешь столько тряпья.

— Ну мама!

— Черт с тобой, бери все. Тебе же хуже. Папа наверняка еще обновок накупит, и куда ты будешь их класть?

— Мам, не занудствуй, скажи лучше, вы меня не дождетесь с обсуждением свадьбы?

— Да не хочу я никакой свадьбы.

— Как?

— Очень просто.

— Ты раздумала, да? Из-за Дружинина? — В голосе Полины слышалось такое возмущение, что мне стало нехорошо.

— Не будь душой. Просто я не хочу никаких торжеств.

— А, — с облегчением вздохнула Польша. — А то я испугалась. Мам, ну почему? Это так красиво.., белое платье, церковь...

— Какая еще церковь? Я некрещеная. А белое платье вообще дурь, в моем-то случае. Отнюдь не юная, не девица, да еще с такой дылдой дочкой. Скромненький светлый костюм — и хватит.

— А фата?

— Вот будешь выходить замуж, тогда и наденешь фату, а меня увольте.

— Женя не согласится. Он тоже хочет с фатой, с платьем и в церкви.

— Тогда пусть ищет себе другую невесту.

Она очень внимательно на меня посмотрела и тихо сказала:

— Имей в виду, если ты Женю бросишь, я уеду жить к папе. Он согласится.

И с этими словами она ушла к себе в комнату.

А я осталась в некотором ошалении. Вот это ультиматум...

* * *

Утром за Полиной заехал отец. Я посмотрела на него и не поняла, как могла когда-то в него влюбиться. Не потому, что он был как-то нехорош, нет, вполне импозантный мужик, но уж настолько чужой...

— Отлично выглядишь, Славочка.

— Ты тоже такой стал матерый...

— Скоро сорок, что ты хочешь. Это ты у нас молоденькая. Полину небось все принимают за твою сестру?

— Бывает. Только прошу тебя, Сереж, не очень ее там балуй, а то потом мне с ней не справиться. И главное — не покупай ей сахарную вату. Она ее обожает, а у нее аллергия.

— Ты предлагаешь мне не давать ей денег и водить на коротком поводке? — сразу полез в бутылку экс-супруг.

— Ну вообще-то хотелось бы думать, что она не будет шлаться одна где попало, да еще с деньгами.

— Что ж мне, по-твоему, голодом ее морить? Я только зубами заскрипела. Ну не в состоянии я с ним разговаривать. Как все-таки правильно выходить замуж уже взрослой, самостоятельной, а то иной раз видишь эти ранние браки — и только диву даешься. Вот сейчас я уже вполне сознательно выйду за Женю. А я разве выйду за него? Вероятно, это будет правильно. А Андрей?.. Всю жизнь на гормоне счастья не продержишься. А на разумном решении? Черт его знает. По крайней мере, с Андреем о браке пока и думать смешно.

В аэропорт я не поехала, не могла долго быть с бывшим супругом. Польша это знала и не обижалась. Едва за ними закрылась дверь, я кинулась приводить в порядок квартиру. Потом спохватилась, что надо бы его хоть чем-то накормить. В холодильнике ничего подходящего не было, и я понеслась в расположенный неподалеку «Седьмой континент», купила свежее филе судака, аппетитными розоватыми пластинами лежавшее на мелко колотом льду. Я знала, что он любит рыбу. Купила еще всякой зелени на салат и какое-то аппетитное мороженое, бутылку белого вина. Все скромно, достойно, необременительно для меня и для желудка. В половине второго я была уже одета, причесана, слегка подкрашена, надушена. Гормон счастья от одного только предвкушения встречи поступал в организм бесперебойно.

В половине третьего мне стало тревожно. В три я всерьез забеспокоилась и решила ему позвонить. Мобильный был заблокирован. Дома никто не отвечал. Неужели с ним что-то случилось? Что-то такое, что не дает ему возможности даже позвонить? Я проверила, не пропустила ли звонка на мобильный, когда бегала в магазин или мылась? Нет, неприятых звонков не было. Ну и что теперь делать? Плюнуть и растереть? Вероятно, это лучший выход. Но ведь это легко сказать. Я стояла на балконе, сжимая в руках мобильный, и смотрела вниз. Иногда во двор въезжала машина, я напрягалась, но всякий раз меня постигало горькое разочарование. Один раз зазвонил телефон. Я бросилась в комнату, но это оказалась мама:

— Бронюшка, дорогая, ты что-то совсем пропала. Когда ты к нам приедешь?

Мама с мужем жила в Литве.

— Мамочка, я страшно закрутилась, только сегодня отправила Полину отдыхать с отцом. А в понедельник лечу в Швейцарию.

— По работе?

— Ну конечно.

— А отпуск когда?

— Мамочка, ничего пока не могу сказать.

— А почему у тебя такой неживой голос? Что-то случилось?

— Нет, мама, все в порядке. Просто после встреч с Сергеем у меня начинается мигрень.

— А, понятно. Но ты здорова?

— Вполне.

— А как Полюшка? С какими отметками перешла?

— С хорошими, мама. Она хорошо учится. Папа уверяет, что она очень умная. Я тут ему ее подкидывала, когда уезжала надолго, он ею весьма доволен.

— А может, ты потом прилетишь ее к нам? У нас же есть дачка у моря. В этом году я буду свободна. Я скучаю по ней.

— Ой, мама, я не знаю. Я уже не могу ею распоряжаться... Но не исключено. У меня в июле свадьба, мама. Так, может, ты приедешь?

— Боже мой, что ж ты молчала? Ты выходишь замуж? Какое счастье! За кого?

Я объяснила.

— Он какой, расскажи мне. Высокий?

— Да.

— Брюнет? — Мама обожает брюнетов.

— Светло-русый.

— Голубоглазый?

— Нет, сероглазый.

— Интересный?

— Ну мам, я не знаю. Дело вкуса.

— Но тебе нравится?

— Нравится. А главное — он нравится Полине.

— Ах, это так важно!

У мамы поначалу были конфликты с дочерью ее второго мужа. И только когда дочь вышла замуж и уехала в Канаду, мамина жизнь вошла в нормальную колею.

— А как его зовут?

— Женя. Евгений Николаевич.

— Ты сегодня с ним увидишься?

— Если он вернется. Он уехал по каким-то делам.

— Ну расскажи, Бронечка, как ты с ним познакомилась.

— Мама, вот приедешь — и расскажу. Международный разговор недешево стоит, разоришься.

— Не разорюсь. Не каждый день единственная дочь выходит замуж.

Разговор с мамой действовал на меня успокоительно, и по мере рассказа о Жене во мне крепло решение выйти за него и не думать ни о каких дурацких романах, гормонах и прочих глупостях. Вот выйду за него, потом брошу работу и буду заниматься домом, а главное — Полиной, у которой начинается самый трудный возраст. Женя хочет, чтобы мы жили за городом? Отлично, там куда легче будет уберечь ребенка от глупостей и опасностей огромного города. Разведу сад, цветы, купим вожделенного Лабрадора, заведем двух кошек. Все это вполне реально, и чем не счастье? В постели с Женей мне хорошо. Ну пусть не так волшебно, как с Андреем, ну и что? Женя ревнивый, но отходчивый, умеет признать свою ошибку. К нему можно прижаться... На него можно рассчитывать. Так это и есть счастье, и при чем тут гормоны какие-то? Это «голубенький» Вовик сбил меня с толку. Не знала бы я про гормон — и жила бы себе нормально.

Андрей так и не объявился. Зато пришла Светка с букетом бледно-розовых кустовых гвоздичек, которые я очень люблю.

— Я не рано? — игриво осведомилась она.

— Нет, в самый раз.

— Ты чего такая?

— Да ничего. Кинул он меня.

— Как?

— Вот так. Не пришел, не позвонил, мобильный заблокировал, дома телефон не отвечает. Это вся информация — и мы закрываем тему.

— А ужинать пойдем?

— Нет. Я тут приготовила...

— Ничего подобного. Что приготовила, съешь сама, хочешь — со слезами, хочешь — с соплями, а мы идем в кабачок. Две молодые, интересные бабы с высоким ай-кью, знанием иностранных языков и неплохой зарплатой! Вперед и с песней!

— А вдруг с ним что-то случилось?

— Ну прямо! Охота тебе, покопайся вечером в Интернете. Он личность известная.

И мы ушли. Светка требовала, чтобы я оставила дома мобильный, но мне должна была позвонить Полина. Она действительно позвонила. А потом позвонил и Женя:

— Привет, я в Москве. А ты где?

— Да мы тут ужинаем с подружкой.

— А если я к вам присоединюсь? Я голодный.

— Присоединяйся! — даже обрадовалась я. Видно, судьбе угодно выдать меня замуж за него.

— Может, он еще и заплатит за нас? — хмыкнула Светка.

— Можешь не сомневаться, — заверила я ее.

— Бронька, плюнь ты на артиста. Это, конечно, шикарно — роман с таким мужиком, но для жизни...

— Да все понятно, Свет, он сам на меня плюнул.

— Знаешь что, ты, пока твой Женя не приехал, расскажи мне, как у вас с Дружининым завязалось.

— Ну вот еще!

— Ты не права, надо рассказать. Ты, пока будешь говорить, перечувствуешь все еще раз и во многом разберешься. Чтобы нормально рассказать, надо же все как-то упорядочить, многое тогда уляжется в голове как надо. А то от эмоций рехнуться можно. Ты думаешь, почему я всегда все так подробно рассказываю про Виктора?

— Слушай, это мысль!

Мне вдруг нестерпимо захотелось рассказать ей все, что случилось со мной в этот месяц. Женя появится не раньше чем через полчаса. Он звонил из дому, оттуда даже в субботу езды не меньше получаса. И скорее всего, он заедет на бензозаправку.

— Ну? — поторопила меня Светка.

— Ладно, слушай.

И я начала с того, что безумно себе надоела.

— Ох, как я тебя понимаю. Со мной это часто бывает.

— Светка, не перебивай, а то до приезда Жени не успею — и ты останешься недовольна.

— Все, молчу.

Но когда я сказала о Венькином безумном предложении и о моем согласии, она вытаращила глаза:

— Так ты что, ничем не поняла?

— Нет.

— Ты.., гастролировала?

— Светка!

— Молчу-молчу!

И когда я завершила свой рассказ, она воскликнула:

— Бронька, я даже не знаю, что сказать. Ты или полная дура, или героиня.

— Почему? — засмеялась я. Мне, как ни странно, и вправду полегчало. И стало ясно, что я выйду за Женю.

— Отказаться от артистической карьеры...

— По-твоему — петь в ресторане это артистическая карьера?

— Ну и что? Многие так начинали.

— Да, но не в моем возрасте.

— В любом возрасте можно так начать. Хотя... Черт его знает... Значит, Дружинин не импотент?

— Даже рядом не сидел.

— А кто кому свидание назначил, ну сегодняшнее?

— Он. Позвонил позавчера вечером, у меня Венька сидел, особо распространяться при нем не хотелось. Назначили встречу, и все.

— Ты говоришь, он не дурак выпить?

— К сожалению.

— Ну так, скорее всего, он напился вчера и все проспал или забыл спяну. А когда вспомнил, понял, что поступил как последняя скотина, ему стало стыдно, и он лег на дно. Через несколько дней, когда ты остынешь, по его расчетам, он объявится, наплетет с три короба, посмотрит своими глазищами и...

— Я к тому моменту могу уже замуж выйти.

— И хорошо. Пусть кусает локти.

— Пусть!

Светкино объяснение показалось мне вполне правдоподобным, и стало противно. Я представила себе, как он сидит и пьет с каким-нибудь приятелем. Может, даже рассказывает, как трахнул одну бабенку... И вспоминает, что обещал быть у нее. На мгновение ему станет стыдно, но он махнет рукой и скажет: «А ну ее в жопу! Все они одинаковы».

И тут в дверях, как спасение, появился Женя.

* * *

В понедельник я с шефом улетела в Женеву, где в течение трех дней график был такой напряженный, что я вставала в семь утра и в полном изнеможении добиралась до своего номера во втором часу ночи. Не то что думать об Андрее, мне даже дышать было некогда. На обратном пути шеф посмотрел на меня и сказал, покачивая головой:

— Завтра на работу не выходите. Отдыхайте три дня. В конце следующей недели летим в Париж. Но там будет легче.

В аэропорту меня встречал Женя.

— Боже мой, что случилось? — испугался он.

— Ничего, — бодренько улыбнулась я. — Много работы было.

— С этим надо кончать. Пиши заявление об уходе. Посмотри, на кого ты похожа!

— Ничего, отойду. Завтра на работу не надо. Три дня отдыха — не так плохо.

Он отвез меня домой, всячески за мной ухаживал, заказал из ресторана шикарный ужин и деликатно ушел, сказав, что сегодня мне надо отдохнуть. Я эту деликатность оценила и, едва закрыв за ним, провалилась в сон.

Утром проснулась от звонка Полины:

— Мама, у нас все клево! Мы были в Риме и в Неаполе, завтра едем во Флоренцию на два дня, а потом на Сардинию, вот! Там будем отдыхать. А как ты?

— Нормально.

— А Женя?

— Что — Женя?

— Когда ты его видела?

— Вчера. Он меня встречал.

— Кайф! Ты, значит, не раздумала? А мы с папой купим тебе свадебный подарок! Мы уже присмотрели, но я тебе не скажу! Суперский! Ты пропрешься!

Слышать ее такой веселый и бодрый голос было приятно. Ну что ж, она для меня главное в этой жизни. А мужики..., ну их. Помню, когда я разводилась с Сергеем, моя супер-интеллигентная бабушка-профессор, выслушав меня, покачала головой и сказала: «К сожалению, Бронечка, жизненный опыт показывает, что х., пах., менять — только время терять». Тогда мне показалось это дикостью, я подумала, что бабушке в ее семьдесят лет просто так кажется, она уже все забыла, а сейчас я думаю — может, она была права? Не в этом суть. Главное, чтобы человек, с которым ты живешь, тебя не раздражал поминутно, а все остальное... Стерпится — слюбится. Женя меня не раздражает. И хватит. Об Андрее даже думать не хотелось.

— Жень, — сказала я вечером, когда он приехал ко мне, — давай не будем устраивать многолюдную свадьбу. Устроим обед в ресторане, позовем только самых близких и потом сразу уедем. Куда-нибудь к солнышку, хоть на три дня.

— Почему? Ты не хочешь настоящую свадьбу? С венчанием, с кучей гостей?

— Жень, о венчании речь вообще не идет. Я некрещеная.

— Ну и что? Пойди да покрестись.

— В моем возрасте это надо делать по душевной потребности, а я не испытываю ее.

— Но сейчас все крестятся...

— Это их дело. Мне кажется, что многие хотят как-то задобрить Боженьку. Мол, я крещусь, а ты мне за это пошли здоровья, денег, счастья... Это получается как торговля. Вот если у меня действительно возникнет душевная потребность...

— Ты, значит, атеистка?

— Да, вероятно. А тебе атеистки не нравятся?

— Ты мне нравишься, даже когда скачешь по сцене с той дикой прической. Знаешь, почему я так взбесился тогда? Потому что представил себе, что все мужики в зале должны тебя хотеть..., и рехнулся от ревности. А еще испугался, что ты теперь станешь актрисой или певицей и публика будет на тебя глазеть, а я не люблю делиться своими женщинами.

— Так ты что, собираешься меня на ключ запереть?

— Конечно нет. Но ты же не актриса, слава богу.

— Слава богу, и ты не актер.

— Ты почему это сказала? — вдруг встревожился он.

— Потому что никогда не хотела замуж за актера.

— А за меня правда хочешь?

— Правда, — сказала я.

— Хорошо, не будем венчаться, не будем устраивать пышное мероприятие. Поедем к солнышку. Все будет по-твоему. Ты прекрасно мне все объяснила насчет торговли с Господом. Ты умница. А куда девать Полину, когда поедем к солнышку?

— Мама ее заберет к себе, у них дом в Паланге, там море...

— Хочу познакомиться с твоей мамой.

— Она тоже жаждет.

У меня все было хорошо. Не было только гормона счастья. Погода стояла ужасная — дожди, холод, солнца не видно. Ранним арбузом отравилась Инна Геннадьевна. А к помидорам я глубоко равнодушна.

В понедельник я вышла на работу. Светки не было. Она с коммерческим директором фирмы улетела в Стокгольм на переговоры. Светка специалист по скандинавским языкам. Я обрадовалась — никто не будет беречь начавшую затягиваться рану.

Она явилась в среду.

— Привет, — мрачно бросила она, входя в комнату. — Надо поговорить. Очень.

— Говори.

— Здесь не дадут. Давай после работы посидим где-нибудь.

— Давай.

Наверное, что-то с Виктором. И ей надо выговориться.

День был суматошный, три иностранные делегации. С двумя работала я, с третьей Светка. Но к

счастью, в семь часов мы освободились.

— Куда двинем? — мрачно спросила она.

— Что предлагаешь?

— Какое-нибудь нетусовочное место, где можно тихо поговорить и выпить.

— Светка, у тебя что-то случилось?

— У меня? Нет.

Я посмотрела на нее с удивлением. Но Светка иногда бывает мрачной без всяких объективных причин.

Неподалеку от нашей конторы есть небольшой ресторан. Зимой там бывает людно, но летом картина меняется. И сейчас в довольно просторном зале сидела всего одна пара. Мы сели в уголке у окна.

— Ну что там у тебя? — спросила я.

— У меня ничего. Давай сначала закажем, а уж потом...

— Светка, кончай интриговать меня. В чем дело?

Но тут подошел официант.

— Нам две лазаньи болоньезе. Два зеленых салата. А еще триста грамм «Довгань. Дамской» Яблочной. — распорядилась она, даже не спросив меня.

— Светка, ты что командуешь? Какая водка? Я за рулем. Да и лазанья вечером — это разврат.

— Немножко такого невинного разврата нам сегодня необходимо. А эта водка — супер! Легкая, вкусная, прелесть просто! Тебе сегодня в самый раз! В крайнем случае возьмем такси.

— Слушай, я сейчас встану и уйду!

— Ладно, я вообще-то хотела тебя подготовить, но раз ты настаиваешь...

Она открыла объемистую сумку и хлопнула на стол две газеты:

— Вот, наслаждайся!

На первой странице был портрет Андрея. И броский заголовок: «Лариса Дружинина ушла от мужа, потому что хочет иметь ребенка». На первой странице другой газеты была фотография Ларисы и шапка: «У Андрея большие проблемы в постели».

— Боже мой, какая сволочь! — вырвалось у меня.

— А теперь погляди на число! — потребовала Светка.

— На какое число?

— Посмотри, когда эти газеты вышли. Ровнехонько в день вашей свиданки.

От омерзения, жалости к Андрею и страха за него у меня тряслись руки, внутри тоже все дрожало.

— Гадина, гадина... Разве так можно...

— Теперь все понятно, да? — мрачно спросила Светка.

— Да уж...

— Ну читать эти статьи нет смысла, только сблеванешь. — Она выхватила у меня газеты и сунула в сумку. — Бронька, с этим надо что-то делать.

— Что? Убить ее? Я бы с удовольствием.

— Позвони ему! А для храбрости дерни «Дамской».

— Если бы я была ему нужна, он сам позвонил бы. И потом, он-то знает, что у него этих проблем нет. И знает, что я знаю.

— Но ты в состоянии себе представить, каково ему?

— Херово ему, это и козе понятно. Хотя цену таким публикациям все знают.

— Дура ты. Неужели не понимаешь, что теперь у него как раз могут эти проблемы начаться... И потом, вполне вероятно, что с ней у него и были проблемы. А с тобой нет.

— Но она дура... Неужели не понимает, что симпатии будут не на ее стороне? Он потрясающий... Талантливый... А она просто шлюшка, которая мстит ему за свою собственную бездарность. Но я понимаю, как ему тошно...

— Ужас! Бронька, ты должна, ты просто обязана что-то сделать.

— Но что?

— Не знаю. Но должна.

— Может, ты и права. А вдруг он меня шуганет?

— Он не такой.

— О, очень даже такой. Так шугануть может... — И я залпом выпила рюмку «Дамской». И вправду вкусно!

— Ну и что? У тебя есть к кому шугануться. А в этой ситуации, даже если и шуганет, его можно простить. Сама подумай, что с мужиком сделали.

Она протянула мне свой мобильник:

— На, звони! — Она тоже выпила. Очевидно, за компанию, для храбрости, и пробормотала:

— В следующий раз виноградную попробуем. Да бери же телефон!

— Зачем? У меня свой есть.

— Ты дура? Он может не ответить на твой звонок. Да ты по голосу все сразу поймешь.

- Слушай, Свет, а чего ты так печешься о нем?
- Жалко. Его и тебя тоже.
- Но тебе же вроде Женя понравился?
- Ну одно другому не мешает.
- Думаешь?
- Звони, черт бы тебя взял!
- Куда?
- Не придуривайся. Звони домой, на сотовый, куда хочешь, только звони!
- Светка, ты почему так толкаешь меня к нему?
- Потому что много думала.
- Ну надо же! Обо мне, что ли, думала?
- О тебе, о себе... Бронька, не надо выходить за Женю.
- Почему?
- Потому что это не твой выбор, а Полькин.
- Ну и что? Если она выбрала себе отчима...
- Ты что, и вправду такая наивная дура?
- Что ты хочешь сказать?
- Ты позвони Андрею, а я потом тебе все объясню.
- Нет, Андрей подождет. Говори, что хотела.
- А то, что перспективы у тебя в этом браке хреновейшие.
- Почему?
- По кочану. Объясню для недоразвитых. Польша твоя сама как кошка влюблена в этого Женю.
- Ты ошизела?
- Ни капельки! Она, может, еще и не отдает себе в этом отчета, она еще ребенок и понимает только, что хочет быть поближе к нему и жаждет выдать тебя за него замуж. Но это пока... А потом начнется ревность и вообще всякая пакость... Ты можешь потерять дочь и мужа одновременно.
- Не желаю даже слушать такую мерзость!
- Это не мерзость, это жизнь... Если хочешь знать, я говорю это на основании собственного опыта.

— Ничего не хочу знать!

— Понимаю, что не хочешь, но должна. Мать с моим отцом разошлась, когда мне было семь лет. Долго никого не заводила, а потом у нее появился мужик просто невероятного обаяния. Он не был красавцем, не был как-то особо талантлив, нет, в нем было просто невероятное обаяние. Все бабы в него влюблялись. И я в том числе. Мне тогда было двенадцать, как твоей Полине. Он влюбился в маму, и они поженились. Как я сперва этого хотела, я не понимала еще ничего и поначалу была счастлива. Но я росла, взрослела, созревала и постепенно начала ревновать. И вскоре возненавидела маму. Мучилась просто невероятно. Мне было и стыдно, я ведь понимала, что это ужасно, и больно, я боролась с собой, но мы жили в одной квартире. Помню, как-то был мамин день рождения, вечером ждали гостей, и она отправила меня по магазинам... Короче, когда я вернулась, он был дома, и они явно только что вылезли из койки... Что со мной случилось... И я приняла решение отбить его у нее. Думала, я же молодая, невинная, прекрасная, а она уже старая — и, следовательно, победа будет за мной... Но к счастью, на день рождения приехала бабушка, мамина мать. Видно, она сразу просекла ситуацию и забрала меня к себе, в Москву. Мы-то жили в Новосибирске, в Академгородке. Конечно, я не хотела ни за что. Но мне сказали, что это временная мера, что у нас затевается большой ремонт. К тому же дело было в начале июня, и речь шла только о летних каникулах. Короче, так я попала в Москву. И больше домой не вернулась. Тебе, Бронька, либо надо сбить Польку с рук к бабке...

— Никогда!

— Правильно, дочь должна быть дороже мужика. А я на этом мать потеряла. Или она меня.

Светкины слова повергли меня в такое смятение, что я забыла и думать об Андрее.

— Ты сама-то в состоянии отказаться от Жени?

— Как два пальца... Я в основном из-за Полины... Но как я это им объясню?

— Ей — откровенно. Скажи, что все поняла и не хочешь ей мешать. Мол, она скоро вырастет, и уж если у них такая дружба, то вполне возможно, что годика через четыре он ей достанется.

— Бред!

— Допускаю. Но ничего лучше придумать не могу. А что касается Жени... Спровоцируй его на скандал — большое дело, придержи к случаю...

— Свет, а может, это совсем другая история? Может, ей просто хочется, чтобы у нее мать была замужем...

— Запросто. Но я не верю в это. Именно из-за собственного опыта.

— Да, задала ты мне задачку... И хотела бы я отмахнуться от нее, но, боюсь, не получится.

— Подумай, Бронька, я к тебе хорошо отношусь и желаю добра. Присмотрись к Полине. А сейчас звони Андрею.

— Как-то мне сейчас не до него, сказать по правде.

— Бронька, тебе его не жалко?

Она выхватила из сумки газету с его фотографией:

— Посмотри, какой он...

При виде его глаз даже на дрянной газетной бумаге что-то шевельнулось во мне. И я позвонила. Дома никто не ответил. И на мобильном тоже.

— Не судьба, значит.

— Глупости. Позвони двоюродному брату.

— Зачем?

— Ты говорила, что вы с ним друзья, ты для него вон что сделала, так пусть он теперь тебе поможет. Посоветуйся с ним насчет Польки. Ты мне можешь не доверять...

— Погоди, ты о чем сейчас? Об Андрее или о Польке?

— И о том, и о том. Ты, может, думаешь, что я тебе завидую...

— Ага, есть чему! Дочка влюблена в моего жениха, а любовник на всю страну объявлен импотентом. Обзавидуешься.

— Да плевать, кем он там объявлен, тебе-то что? Ты же убедились уже, что он не импотент. А вот он может с собой что-то сделать, тем более у него бывают депрессии. И сейчас он наверняка чувствует себя в глубокой жопе. А что, если он думает, что ты ему не звонишь...

— Да я же ему звонила, что ты несешь!

— Звони Вениамину! Пусть узнает, где он, что с ним! Принимай меры, не сиди как последняя корова!

И вдруг у меня зазвонил мобильник.

— Алло, Бронечка? — раздался голос Гордиенко.

Я безмерно удивилась:

— Юрий Митрофанович? — Здравствуйте, рада вас слышать.

— Бронечка, детка, тут такая история... Короче, мне звонила мать Андрея...

У меня упало сердце.

— Да?

— Ты, вероятно, в курсе этой омерзительной истории...

— Ну в общих чертах...

— Извини, но она, мать Андрея, спрашивала твой телефон. Однако без твоего разрешения я не мог... Ты позволишь?

— Да-да, конечно! Что за вопрос! Юрий Митрофанович, ради бога, скажите, с ним что-то случилось, да?

— Пока нет, но он в ужасном состоянии. И если бы ты могла помочь... Ирина почему-то вбила себе в голову, что ты сможешь.

— Я звоню ему, но...

— Он у нее на даче скрывается. Там нет телефона. Значит, я дам твой номер?

— Господи, конечно!

— Гордиенко, что ли, звонил? — догадалась Светка.

— Да. Мать Андрея разыскивает меня.

— Интересно, а почему он сам не дал ей твой телефон?

— Мои телефоны у него в мобильнике. Может, он потерял его... Или выбросил...

— Дура!

— Кто?

— Ты! Он своей матери о тебе рассказывал, он, наверное, любит тебя, а ты...

— А что я?

У меня уже голова шла кругом. Но тут мне подали лазанью, и я накинулась на нее так, будто не ела по меньшей мере трое суток.

Светка тоже с жадностью набросилась на еду.

— Видишь, — проговорила она с полным ртом, — я знала, что заказывать. И давай еще «Дамской» дернем. Вкусно и помогает...

Житейская мудрость, этого у меня не отнимешь.

Я хотела что-то возразить, но она мне не дала.

— Я знаю, ты хочешь сказать, что оно и видно, как я в жизни устроилась, но любовь — штука иррациональная — и житейская мудрость ни при чем. А потом, я уже не уверена, что в наше время надо вообще выходить замуж.

— Я тоже не уверена. Особенно после твоих житейских мудростей.

И тут опять зазвонил телефон.

Очень приятный женский голос произнес:

— Бронислава, это вы?

— Да, я. — Сердце ушло в пятки.

— Это мама Андрюши Дружинина. Меня зовут Ирина Борисовна. Мне очень нужно поговорить с вами. Андрей в плохом состоянии, и мне показалось, что... Короче, мы могли бы встретиться?

— Да, конечно. Где и когда?

— Чем скорее, тем лучше. Сейчас, например?

— Да, сейчас я могу. Я на машине и...

— Может быть, вы приедете ко мне?

— Да, приеду. Где вы живете?

— В районе Белорусского вокзала. На Второй Брестской.

— Хорошо. Я выеду через десять минут. Скажите ваш адрес.

— Записывайте!

— Светка, прости, я уйду.

— Да понятное дело. Только приведи в порядок морду. Ты должна ей понравиться. На вот!

Она вытащила из сумки какой-то спрей.

— Это что?

— Такая хитрая штука. Побрызгаешь на усталую рожу — и сразу преображаешься. Коллагеновая фигня. Пойди в сортир и приведи себя...

— Не до того!

— Глупости. Мать в любом случае будет смотреть на тебя как на женщину сына. И какого сына! Ты должна соответствовать.

— Опять житейская мудрость?

— А как же!

* * *

Светкина брызгалка и впрямь здорово освежила усталое лицо.

— Ну что я говорила, совсем другой коленкор!

— Где такое берут?

— Я тебе подарю. Но обещаю никому про это не говорить.

— Почему?

— Не надо, и все. И вот еще пожуй кофейные зернышки. Я официанта попросила... Ладно, езжай уже! Хорошо, поесть успела. Ни пуха тебе!

У Белорусского вокзала я попала в жуткую пробку. Состояние у меня было такое, что хоть бросай машину и беги. Но я взяла себя в руки. Интересно, зачем я понадобилась матери Андрея? И почему он рассказывал ей обо мне? Может быть, в связи с кольцом, которое я помогла ему выбрать? Скорее всего. Он тогда еще намекнул мне, что его мать о чем-то догадалась. Ну это понятно. Но зачем она разыскивала меня? Звонила Гордиенко... Значит, он, Андрей, не хочет меня видеть? Но Гордиенко сказал, что Андрей скрывается у матери на даче.

То есть разговор с Ириной Борисовной будет с глазу на глаз... А мне это зачем нужно? И что из этого может выйти? Одному Богу известно. Но это ладно, а вот то, что сказала Светка относительно Полькиной влюбленности в Женю... Я припомнила восторженное выражение ее лица в его присутствии... И этот ультиматум на прощание... Да, история... Похоже, что Светкина житейская мудрость в данном случае не обманывает ее. Ну и как быть?

Однако в этот момент пробка стронулась с места, и через десять минут я подъехала к дому Ирины Борисовны.

Мне открыла крупная, очень красивая дама, ухоженная, с абсолютно несчастными глазами.

— Бронислава?

— Здравствуйте, Ирина Борисовна.

— Заходите, прошу вас. Странно, я представляла вас себе совсем другой. Вы не сердитесь, что я сдернула вас откуда-то? Прощу, не сердитесь. Мы попали в отвратительную историю благодаря этой девке. Я всегда знала, что она дрянь, но чтобы такая... Садитесь, Бронислава. Хотите кофе? Или вы голодны?

— Нет-нет, спасибо, ничего не нужно.

— Хорошо, тогда..., я скажу вам, чего я жду от вас...

У нее были редкой красоты руки — крупные, породистые и в то же время изящные. Она нервно сцепляла пальцы в замочек, потом начинала выпрямлять их по одному. Она же пианистка, вспомнила я. Наверное, она так разминает пальцы... Или это то, что называется «ломать руки»?

— Ирина Борисовна, простите, чем я могу помочь?

— Ах, боже мой, если бы я знала... Я никогда не видела Андрея в таком состоянии. У него..., трудный характер, он иногда впадает в депрессию... Он внутренне какой-то страшно неустроенный..., именно внутренне, ведь, по сути, он как раз совсем неплохо устроен. У него успех, популярность, он талантлив, хорош собой, казалось бы... Ну что значат в наше время какие-то грязные статейки в газетах, которые годятся лишь для деревенского сортира...

Она выжидательно уставилась на меня.

— Да, конечно, но я думаю, что дело в том... — Я запнулась. Начать с ходу поливать Ларису показалось мне недостойным. Ведь Ирина Борисовна может подумать, будто я хочу к ней подольститься. Но, с другой стороны, скорее всего, именно этого она от меня и ждет.

— Простите, а как вас сокращенно называть? Бронислава — это так торжественно.

— Броня. Мой двоюродный брат зовет меня Буськой. Как вам больше нравится.

Она улыбнулась:

— Мне больше нравится Буська. Бусенька, ответьте мне как на духу, что у вас с Андреем?

— Ничего себе вопрос... Я не знаю пока. Все еще только начиналось...

— Но вы его..., любите?

— Да, — ответила я, сама того не желая.

— Вы не думайте: мол, старая дура лезет куда ее не просят. Андрею пятый десяток, но для меня-то он все равно ребенок. Несчастный ребенок. Знаете, почему я стала вас разыскивать? Потому что он сказал мне в абсолютной истерике, обычно он не делится со мной своими..., личными переживаниями..., он сказал: «Мама, почему это должно было случиться именно тогда, когда я встретил наконец женщину, которую мне хочется защищать? И которая меня, скорее всего, не предаст». Тема предательства у него навязчивая..., а о желании защищать женщину я впервые от него услышала. Я обрадовалась..., если можно в такой ситуации чему-то радоваться.

— Послушайте, Ирина Борисовна, а что, собственно, случилось? Злобная, глупая бабенка дала скандальное интервью. Ну и что? Мало ли подобных материалов публикуется каждый день? Да чепуха! Надо на это наплевать и жить дальше. А вы и Андрей смотрите на это как на мировую трагедию. Да она, скорее всего, видимо, нимфоманка, ну и сука вдобавок. Если хотите знать, она, как только заметила, что нас с Андреем тянет друг к другу, сразу сообщила мне, что он импотент. Только я не поверила ни на секунду. И была права. Я понимаю, его угнетает то, что он был на ней женат. Но он ведь уже исправил эту досадную ошибку.

— Но он говорит, что теперь на него будут показывать пальцем...

— Черт возьми, на всех знаменитых артистов показывают пальцем. Ему надо не отсиживаться на даче, а появляться везде, трахнуть, наконец, какую-нибудь не менее известную бабенку, и все! Скандал рассосется сразу. Да хуже будет только ей. Начнут говорить, что просто она его не возбуждает...

Я выпалила все это единым духом! И вполне искренне. Мне самой в этот момент стало ясно, что почему в этой истории.

— Вы правда так думаете?

— Конечно! Андрей..., он изумительный актер, потрясающе красивый мужчина. У него масштаб, а у нее... Знаете, мой отец говорит, что глупость — это прежде всего безмасштабность.

По мере того как я говорила, у нее в глазах появлялась какая-то жизнь.

— Бусенька, а вы могли бы все это повторить ему?

— Да запросто! Только он вряд ли захочет меня слушать. Он будет упиваться своим горем. И пошлет меня в жопу!

Она вдруг рассмеялась:

— Он что, вас уже посылал?

— А как же. Можно считать, с этого начался наш роман.

— Буся, вот что, вы на машине? — Да!

— Поедем сейчас к нему! И вы все это ему скажете.

— Едем!

Я была настроена очень решительно. В самом деле, нашли мировую трагедию!

Ирина Борисовна объяснила мне, как ехать. Потом спросила:

— У вас, кажется, есть дочь?

— Да.

— А где она сейчас? Почему вы так свободно распоряжаетесь временем?

— Она в Италии с отцом. Мы разведены.

— Но вообще она живет с вами?

— Конечно, просто отец каждое лето возит ее куда-нибудь.

— Поняла. Сколько лет вашей дочке?

— Двенадцать.

— А моему внуку тринадцать... У него тоже трудный характер. Мать настроила его против меня. У него очень выраженные музыкальные способности, а она почему-то категорически против того, чтобы эти способности развивать. Это ведь глупо, правда?

— Наверное. Он потом может не простить ей этого...

— В том-то и дело. А ваша дочка учится музыке?

— Нет. У нее нет слуха.

— Вы убеждены? У детей иногда нет выраженного слуха, но приводите ее ко мне, я посмотрю. А вообще слух можно развить. А чем вы сами занимаетесь?

Я объяснила.

— Буся, а у вас.., есть.., поклонник?

— Есть. Даже не поклонник, а целый жених.

— Целый жених? — засмеялась она. — И вы.., собираетесь выйти за него?

— Господи, Ирина Борисовна, да я ничего не знаю! Он был еще до того, как я познакомилась с Андреем. И...

— И что?

— Его обожает моя дочь. Просто души в нем не чает.

— А вы?

— А я... Наверное, это было бы разумно...

Почему я говорю с ней так откровенно? Ей же наверняка неприятно это слышать. А может, она боится, что Андрей опять совершит роковую ошибку?

— И кто ваш жених?

— Строитель. У него своя фирма.

— Он интересный мужчина?

— Раньше мне казалось, что да.

— Раньше — это до встречи с Андреем?

— Конечно.

— У Андрея очень сложный характер.

— Ирина Борисовна, поверьте, я не делаю ставку на Андрея. Я не думаю ни о браке с ним, ни о чем таком... Мне абсолютно ничего от него не нужно. Даже любви. Мне достаточно самой его любить. Я никогда раньше не любила... Только влюблялась. Вы слышали когда-нибудь про серотонин?

— Про что? Это какое-то лекарство? — недоуменно спросила она.

— Нет, это гормон. Гормон счастья. Он бывает в арбузах и помидорах... От солнца тоже..., вырабатывается в организме. А у меня от Андрея.

Даже от звука его голоса. Не знаю, зачем я все это вам говорю. На нервной почве, наверное.

— Гормон счастья? Как интересно.

Мы уже въехали в старый дачный поселок, когда я вдруг спросила:

— Ирина Борисовна, вы сказали, что Андрей.., хотел защищать меня?

— Да. И это очень серьезно. Потому что на самом деле именно в этом, на мой взгляд, проявляется мужчина. Хотя он и сам нуждается в защите. И вот тут уж что перевесит: желание быть защищенным или защищать. Хотелось бы, чтобы последнее...

— А я не собираюсь его защищать, разве что от него самого. Я просто объясню ему, что он дурак. Полный и беспросветный.

— Буся, вы мне нравитесь.

— Теперь куда?

— Налево — и третий дом по правой руке.

Дом был старый, деревянный, небольшой.

А сад запущенный. Никаких дорожек, никаких клумб. В одном из окон горел слабый свет.

— Он пьет? — вдруг спросила я.

— Пил один день. Потом перестал.

— И то хлеб.

— Вы не думайте, он не алкоголик. Я сейчас открою ворота.

— Ирина Борисовна, давайте лучше позовите его, пусть он откроет.

— Хорошо.

Она вышла из машины и, уже пройдя полпути до крыльца, оглянулась. Вид у нее был растерянный. Она помахала мне. И вошла в дом. Довольно долго никого не было видно. Он либо спал, либо артачился, не желая выходить. Почему-то я была уверена: она не скажет ему, что это я. А мне было страшно. Вдруг я увижу его таким, что мне не захочется больше его видеть? Я врала самой себе. Мне хотелось видеть его любым, лишь бы видеть. Но вот он появился на крыльце. Небритый, исхудавший, с опущенными плечами. В какой-то старой вязаной кофте. Одним словом, вид далеко не звездный. Внутри все задрожало. Он подошел к воротам, близоруко вглядываясь в человека за рулем. Моей машины он никогда не видел и меня пока не узнавал. Лицо у него было недовольное. Он открыл ворота и махнул рукой. Заезжай, мол. Я въехала. Он стал закрывать ворота. Я вылезла из машины.

— Андрей! Он оглянулся:

— Откуда ты взялась?

Большой радости в его голосе я не услышала. Мне вдруг показалось, что я не справлюсь со своей задачей. Это в Москве мне померещилось, что я смогу руками развести его беду. А может, самой попросить помощи у него?

— Что молчишь? Чего ты приехала? Посмеяться надо мной?

— Нет, я приехала, чтобы посмеяться вместе с тобой ..

— Над чем это?

— А вот над всей этой фигней.

— По-твоему, это фигня?

— Еще какая! Мне ли это не знать!

Он стоял совсем близко. Мрачный, несчастный и ошетиненный. Но серотонин уже начал поступать в кровь. И я набралась храбрости:

— Андрей, я ждала тебя, а ты даже не позвонил.

— Тебе это было надо?

— Ты дурак!

— Тебе нужен мужик, про которого все говорят, что он импотент?

— Мне плевать, я-то знаю, что это не так. Мне твоя Ларочка еще в Тель-Авиве сообщила об этом прискорбном факте. Только я не поверила.

Он вдруг усмехнулся:

— А мне она сказала, что...

— Что я безнадежно фригидна?

— Нет, что у тебя..., какая-то жуткая экзема на груди.

— Тьфу! Опять экзема на груди!

— Что значит — опять?

— Да Веняка это придумал, чтобы выбить для меня отпуск на работе.

— А я тоже не поверил. Она сразу почуяла опасность... Чутье у нее есть. Звериное просто.

— Не хочу о ней говорить.

— И я не хочу. Но что же теперь делать?

— Побриться, помыться, надеть что-то поприличнее и поехать в какой-нибудь ночной клуб.

Он отшатнулся:

— С ума сошла? Чтобы все надо мной смеялись?

— Нет, чтобы со всеми вместе посмеяться над ней. Если ты войдешь, увидишь знакомых и громко скажешь, к примеру: «Привет от главного импотента всех времен и народов!» — то завтра все забудут про это. Последнее слово останется за тобой, и все поймут, что она просто злобная, ничтожная гадина. Только и всего.

— Ты и вправду так думаешь?

— Конечно, иначе не стала бы предлагать.

— Я не смогу.

— Это почему? Ты же выходишь на сцену и часто делаешь то, чего в жизни не смог бы. Сыграй, если не можешь. Ты же первоклассный актер.

— Они поймут, что я играю.

— Только если ты будешь плохо играть.

И вдруг я увидела, что у него загорелись глаза. Он протянул руку и погладил меня по щеке:

— Ты обиделась, что я тогда не пришел?

— Обиделась.

— И все-таки примчалась выручать?

— Я просто поняла, каково тебе было. И мне позвонила Ирина Борисовна.

— Спасибо. — Он вдруг схватил меня, прижал к себе. — Мне тебя Бог послал. Пошли. — Он за руку повел меня к дому.

— Мама, посиди с Броней, а я приведу себя в порядок. Мы завезем тебя и поедем в ночной клуб. Вы пока чаю попейте, что ли.

И он скрылся в своей комнате.

— Боже мой, что вы с ним сделали, Буся?

— Просто объяснила ему, что почем.

— И он так быстро внял вашим словам... Это похоже на любовь. Я сейчас поставлю чайник. Вы любите земляничное варенье?

— Очень. Вам помочь?

— Ни в коем случае. Я сама, а вы пока отдохните. Снимите туфли, тяжело весь день на каблуках.

Она ушла. А я стала с любопытством озираться в комнате. Здесь все напоминало нашу абрамцевскую дачу, проданную в годы перестройки. И вдруг на стене я увидела большую фотографию. Тут было множество фотографий, но от этой я не могла оторвать взгляда. Это был тот самый мужчина из троллейбуса, за которым я готова была идти куда угодно, хотя мы не сказали друг другу ни единого слова. Кто это? Он не мог быть отцом Андрея.

И словно в ответ на невысказанный вопрос Ирина Борисовна за моей спиной проговорила:

— Это Вадим, единокровный брат Андрюши. Я вышла замуж за мужчину с пятилетним сыном и практически вырастила его. Он был удивительным человеком, редкого таланта ученым.

— Был?

— Да, он умер в прошлом году. Сердце. Жизнь его не баловала. А почему он вас так заинтересовал?

— Удивительное лицо. Я видела его один раз и запомнила на всю жизнь.

И я рассказала ей о нашей встрече в троллейбусе.

— С ума сойти... Невероятно! А знаете, в этом что-то есть. Какое-то предопределение. Вас привлекают мужчины этой семьи, и вы их привлекаете тоже... Как порой все сплетается... До чего причудлива бывает жизнь.

Мы пили чай с земляничным вареньем.

— Буся, Андрей мне говорил, что вы замечательно поете?

— Ну совершенно по-дилетантски.

— А учиться не хотите?

— Нет, зачем? Я ведь не собираюсь быть певицей.

— А давайте вы мне споете как-нибудь.

— Ну как-нибудь можно...

— Я все-таки профессионал. Может, и не стоит закапывать талант в землю.

— Нет, мне кажется, я не...

В этот момент на пороге появился Андрей. В серых брюках и бледно-зеленом джемпере, выбритый. У меня, что называется, в зобу дыханье сперло.

— О, совсем другой человек. Буся, вы сотворили чудо! — всплеснула руками Ирина Борисовна.

— Ты называешь ее Бусей? — улыбнулся он, подошел к матери и чмокнул в макушку.

— Да, она мне позволила.

* * *

Андрей не пустил меня за руль. Мы с Ириной Борисовной сели сзади и всю дорогу болтали о пустяках, обнаруживая удивительное сходство во вкусах и пристрастиях. На светофорах Андрей поворачивался к нам с настолько довольной миной, что трудно было даже представить себе его таким, каким он был всего два часа тому назад.

Ирина Борисовна вдруг стала клевать носом и вскоре уснула. В какой-то момент уже на подъезде к Москве я вдруг сообразила, что за весь вечер ни разу не звонил мобильник. Я полезла за ним и вспомнила, что убрала звонок, а вибрации, видимо, не ощущала. Там скопилось целая куча звонков. Три от Жени, один от Веньки, один от папы. Больше всего меня встревожил именно папин звонок. Он редко звонит на мобильник. Неужто у него что-то случилось?

— Извини, я позвоню папе, я беспокоюсь.

— Конечно, звони.

— Если можно, остановись, я выйду, чтобы не будить твою маму.

Он затормозил. Я вышла.

— Папочка, у тебя все в порядке?

— Да, а что?

— Ты мне редко звонишь на мобильный, и я испугалась.

— Я просто никак тебя не поймаю, и вот тоже встревожился. Ты давно не появлялась, не звонила.

— Я очень замоталась. Но завтра я к тебе приеду. Обязательно! Мне нужен твой совет.

— Что-то серьезное?

— Да нет, это по работе...

— Хорошо. Завтра вечером жду. Целую.

— Еще будешь звонить? — Андрей вырос из темноты.

— Нет. Остальные подождут.

— Тогда я тебя поцелую, пока мама спит.

— Ничего не имею против.

* * *

Задуманная мной акция полностью удалась. В клубе, куда привел меня Андрей, было многолюдно, шумно, но наше появление встретили как-то настороженно. Однако при виде сияющего, весело улыбающегося Андрея многие, как мне показалось, облегченно выдохнули. Подойдя к компании знакомых, он произнес заготовленную фразу насчет главного импотента всех времен и народов, произнес громко и отчетливо, с блестящими глазами и ослепительной улыбкой. Ему ответили хохотом, и напряжение спало. Он представил меня как начинающую певицу Полину Брон. Кто-то стал требовать, чтобы я спела. Но у меня уже не было сил. Я сидела тихо рядом с Андреем, потягивала минералку с лимоном и чувствовала себя счастливой. Он время от времени нежно наклонялся ко мне, шептал на ухо ласковые слова, обнимал за плечи, бегло целовал в висок или ухо. Когда я пошла в туалет, одна женщина в подпитии спросила:

— Слушай, он не импотент?

— Еще чего, глупости какие! — спокойно ответила я.

— Да? А он вообще-то.., хороший мужик?

— Вообще-то — супер!

И я не кривила душой.

Мы пробыли в клубе часа два, как вдруг туда ввалился какой-то киношник, я сразу определила профессию по одежке. При виде Андрея он побагровел.

— Ты что же, сукин сын, делаешь? — заорал он, хватая его за грудки. — У меня дело стоит, а ты тут развлекаешься? Мне сказал, что болен, а сам...

Я заметила досаду, промелькнувшую во взгляде Андрея, и ринулась на помощь:

— Он правда был болен. У него камень шел. Он так мучился. А когда камень вышел, ему сразу полегчало.

— Это кто? — спросил режиссер.

— Это моя.., подруга.

— Хорошая подруга, преданная. И врет не задумываясь.

— Она ничего не врет. Все именно так и было, — сухо произнес Андрей.

— Надеюсь, в ближайшее время ты сможешь приступить к съемкам?

— Разумеется, — тихо пообещал он.

— Вот и славненько.

— Пошли отсюда! — сказал Андрей и за руку повел меня к выходу. — Спасибо тебе, конечно, за

все, ты чудо, но... Я сам как-нибудь улажу свои дела с режиссером. Не надо бросаться все время на амбразуру.

— Иди к черту! — не выдержала я, вырвала руку и побежала к своей машине.

— Подожди, Броня! Прости, я сорвался.

— Отвали!

Я открыла машину, села за руль.

— Броня, подожди!

— Не буду я ждать. Ты теперь не импотент, сам доберешься домой.

И я уехала. Черт с ним. Очень уж тонкая он натура, куда мне с моим суконным рылом...

* * *

— Это ты зря, — решительно заявила Светка, выслушав мой достаточно подробный рассказ. — Не надо было лезть с выдумками про камень. Во-первых, ему могло показаться, что этим ты намекнула, что из него уже песок сыплется.

— Что за бред?

— Ничего не бред, знаешь, какие они все мнительные? Он и так уже был тебе обязан, а тут еще... Это уже перебор.

— Да ну его на фиг, слишком тонкая душевная организация. Я не потяну.

— Ты в нем разочаровалась?

— Да!

— Ой врешь! В глазах такая тоска...

— Да у меня тоска просто оттого, что я не выпалась. Ну и еще от той мысли, что ты мне подбросила насчет Полины.

— Это тема посерьезнее. А кто знает, вдруг в нем, в Жене твоём, Гумберт Гумберт проснется? Он тогда тебя угрохает и будет жить с Полиной. Оно нам надо?

— С ума сошла! Тогда, выходит, мне вообще ни с кем нельзя дело иметь? А уж с Андреем тем паче.

— Нет, почему? Полька влюблена в Женю. И долго еще будет ненавидеть Дружинина.

А он артист, чуткий, от ее ненависти будет страдать и лнуть к тебе. Но вообще лучше в дом мужика не пускать. Только на пересып. Спокойнее.

— Послушай, Светка, по-твоему, мать всегда должна бояться, что дочь будет соперницей? Кошмар какой-то!

От этого разговора в душе родилось тягостное чувство безнадежности. К счастью, его прервал

звонок Жени:

— Броня, мне необходимо с тобой увидеться! Куда ты вчера девалась?

— Да у меня тут с родственниками были истории. Потом объясню.

— Хорошо, давай после работы я за тобой заеду!

— Понимаешь, я вечером обещала быть у отца.

— Но у меня очень срочное дело!

— Что-то случилось?

— Да.

— Что-то плохое?

— Не сказал бы.

— Женя, в чем дело?

— А если встретиться в обед? Ты спустишься, и мы перекусим в «Райской птичке»?

— У меня будет всего час.

— Хорошо. Жду тебя там, я к твоему приходу все закажу.

Я разволновалась. Встреча в обеденный перерыв с Венькой обернулась такими сложностями, о которых я и не подозревала. А что сулит встреча с Женей?

— Ну чего? — заинтересовалась Светка.

— Пригласил в «Райскую птичку».

— Круто!

Ах ты господи, ну почему в жизни все так происходит? Тянется-тянется какая-то бодяга годами, а потом в один прекрасный день случается что-то — и вся твоя жизнь как будто взрывается, нет, это как круги по воде от брошенного камня. Венька бросил камень, он давно пошел ко дну, а круги все идут, идут... И я сама не знаю, чего хочу. И кого... Нет, кого, я знаю. Но мало ли чего мы хотим... Он вот хочет меня защищать, а выходит, что я его защищаю... Да, наверное, это все просто слова... И скорее всего, из какой-то роли. Ведь в Тель-Авиве он говорил, что не стыдится чувствовать себя слабым при мне... А с другой стороны, он ведь полез за меня в драку с Женей, хотя у нас тогда еще ничего не было... Сам черт ногу сломит.

Сегодня на работе было на редкость спокойно, и я беспрепятственно смогла уйти. Ровно в половине второго я вошла в «Райскую птичку».

* * *

— Ну что на сей раз? — спросила Светка, когда я вернулась.

— На сей раз Гватемала!

— Что? — не поняла она.

— Гватемала! Знаешь такую страну?

— Бронька, кончай придуриваться!

— Ничего я не придуриваюсь! Он едет в Гватемалу строить металлургический комбинат. И зовет нас с Полькой ехать с ним.

— А ты?

— Отказалась. Под вполне приличным и правдивым предлогом. Польке не годится тамошний климат, и ей надо учиться в Москве, у нее переходный возраст...

— Обиделся?

— Обиделся. Но ты знаешь, я после твоих житейских мудростей просто не могу на него смотреть. Мне мерещится, что он Гумберт Гумберт.

— Значит, свадьбы не будет?

— Нет. Он, правда, сказал, что через полгода приедет и мы вернемся к этому вопросу.

— Ну за полгода много чего утечет...

— Это точно!

— Значит, теперь у нас на повестке дня господин Дружинин?

— Ни фиги подобного! У нас на повестке дня свобода! Ну их всех.

— А кстати насчет мужиков... Твой двоюродный брат все еще в холостяках ходит?

— При чем тут Венька?

— Понимаешь, я вчера видела его по телику... И что-то он мне так понравился. Познакомь, а?

— Светка, ты что, а как же твой Виктор?

— Я устала..., сколько можно? Я ребенка хочу... А у Виктора детей быть не может..., да и вообще.

— Видишь ли, я могу вас познакомить, но что касается детей...

— Он что, тоже бесплодный?

— О нет, он вполне плодovitый... Но у него сейчас...

И я рассказала ей про Венчика.

— Да... Но мне нравится, что он так себя повел... Хороший человек, значит. И все же познакомь. Как-то я вдруг на него запала... Чем черт не шутит... Слушай, а у вас никогда ничего...

— Никогда ничего. Обязательно вас познакомлю.

Но тут Светку вызвали к шефу, а мне Инна Геннадьевна подкинула целую кипу документов на проверку.

К отцу я ехала в поистине лучезарном настроении. Свобода! Свобода! Я поняла, что перспектива брака с Женей угнетала меня давно, я просто не отдавала себе в этом отчета, а уж после Светкиных слов о любви к нему Полины я и думать об этом не могла. А теперь так здорово все разрулилось! Само, без моего участия! Ура! И вдруг, когда я свернула на улицу, ведущую к дому отца, мне под колеса кинулся какой-то мальчишка. Я успела затормозить, но он упал и остался лежать. Я безумно испугалась и выскочила из машины. Мальчишка лежал на асфальте, раскинув руки, с закрытыми глазами. Неужто умер?

— Ой, женщина, смотрите! — раздался сзади крик. Я оглянулась и увидела, как другой мальчишка схватил с сиденья мою сумку и бросился наутек. А тот, которого я сбила, тоже исчез.

— Вот гаденыши! — посочувствовала мне женщина. А я стояла у машины, и меня била дрожь. Я так безумно испугалась, что убила парня... А сумку украли — это всего лишь неприятность.

— Ой, женщина, что с вами? Вам плохо?

— Нет, я просто испугалась.

— А в сумочке денег-то много было?

— Были... И все документы там, и ключи...

— Ой, женщина, тогда вам срочно надо менять замки. А то если там есть паспорт с пропиской, они могут и квартиру ограбить. Езжайте скорей домой.

К счастью, запасные ключи лежали у соседей. Сегодня поменять замки уже не удастся. Надо позвонить в банк и предупредить о краже кредитной карточки, на которую мне переводят зарплату. Потом я позвонила отцу и честно сказала, что со мной случилось.

— Бронечка, надо немедленно поменять замки!

— Папа, я знаю! Но где я сейчас их возьму?

— Позвони в какую-нибудь фирму, заплати подороже.

— Пап, у меня сто пятьдесят рублей в доме, остальное украли.

— Хочешь, я привезу тебе деньги?

— Нет, папочка, не надо. Я займу у соседей. Дверь закрою на задвижку, если кто-то полезет, вызову милицию. Не волнуйся.

Почему-то разговор с отцом меня добил. Я разревелась. Как быстро Бог наказал меня за Женю. Конечно, это не трагедия, но неприятность существенная. А хуже всего то, что я оказалась лохушкой, которую так здорово развели два едва ли десятилетних пацана. А что только не пронеслось в голове, пока я выскакивала из машины на помощь сбитому ребенку... Я успела увидеть себя в тюрьме, терзаемую муками совести, услышать горестные вопли матери, потерявшей сына по моей вине... Сумка пропала? Да черт с ней! Придется вытерпеть кучу неприятностей и потратить массу времени на восстановление документов, но по сравнению с

тюрьмой и смертью мальчишки это такие пустяки...

Мало-помалу я пришла в себя.. Приняла душ, поела, позвонила Инне Геннадьевне домой предупредить, что завтра не приду до обеда, надо поменять замки.

— Бронечка, — прониклась сочувствием начальница, — я вам сейчас дам телефон замечательного мужчины, вы скажете ему все, он завтра купит замки и врежет, все сделает честь по чести, останетесь довольны.

— Спасибо, Инна Геннадьевна, — растрогалась я.

Вдруг позвонила Полина.

— Мамуля, привет! Знаешь, мы где? Во Флоренции! Тут так клево! Просто супер! Мы с папой решили, что купим тебе здесь подарок. На мосту Понте-Веккьо!

— Поль, я так соскучилась!

— Мам, я тоже! А как Женя?

— Женя... Он уехал.

— Далеко?

— Очень. В Гватемалу.

— Гватемала? Это где?

— В Центральной Америке.

— Ух ты! Здорово! Мам, а он к свадьбе-то вернется?

— Нет. Он уехал на полгода.

— На полгода? — В голосе Польки послышались панические нотки. — Ты с ним поссорилась, да?

— Нет. Просто у него там очень выгодный контракт. Только и всего.

— А ты и рада, да? — Голос уже звучал враждебно.

— Нет, не рада. Но что ж мне, удавиться с горя?

— Я бы на твоём месте удавилась!

— Смотри только не удавись на своем. А Лабрадора я тебе сама куплю. Разумеется, если ты будешь за ним ухаживать.

— Ой, правда? Правда купишь?

— Обещаю. Вот вернешься — и купим.

— Ладно, — смягчилась она.

А я облегченно вздохнула. Несмотря на влюбленность во взрослого мужика, она еще совсем

ребенок. И никакая не Лолита. Да и Женя не Гумберт Гумберт, но все-таки в Гватемале он мне нравится больше.

И я решила подумать о чем-нибудь приятном... Может, и вправду стоит познакомиться Веньку со Светкой? Чем черт не шутит? А по-звоню-ка я ему.

— Буська, привет! Рад тебя слышать. Как дела?

— Долго рассказывать. А ты где?

— В Питере. Я, Буська, из театра ушел.

— Боже мой, почему?

— Целый ряд обстоятельств. Но думаю, так будет лучше. У меня ведь скоро появится семья. На той неделе лечу в Тель-Авив за Венчиком и Рахилью. Она уже сдала свою квартиру. А я подыскиваю обмен, вернее, хочу купить трехкомнатную. Свою продам, займу и куплю.

— Венька, в моем доме продается трехкомнатная квартира. Вот было бы здорово! Потянешь?

— Буська, завтра же пойдешь туда... Хотя нет, ты можешь дать мне телефон?

— Я его не знаю.

— Так узнай, черт побери!

— Узнаю и позвоню тебе. Значит, у тебя все хорошо?

— У меня все.., серьезно. Наверное, впервые в жизни. А что у тебя, как Андрей? Я слышал, ты его реанимировала после Ларкиных подвигов? Молодец, Буська!

— Мы поссорились.

— Милые бранятся. Ну все, целую, у меня телефон разряжается.

Милые бранятся.., легко сказать. Он не звонит. А я не буду. Не хочу просто. Но тут зазвонил телефон. Неужто Андрей?

— Алло!

Молчание.

— Алло, говорите!

Тишина.

— Андрей, это ты?

Хлоп! Трубку повесили. Неужто это он звонит и молчит? Бред. И вдруг я похолодела. Что, если это грабители проверяли, дома ли я?

По спине потек не холодный, а прямо-таки ледяной пот. Но может быть, услышав мой голос, они не пойдут на ограбление? Необязательно, что они мокрушники... Да, но они могут связать меня, запихнуть в ванную или пытаться... Достаточно показывают ужасов по телевизору. За

окнами темно, я одна... Что же делать? Звонить в милицию? Но они меня на смех подымут. И некому меня защитить... Конечно, я могу еще позвонить Жене, он улетает только послезавтра. Он примчится, и я буду по гроб жизни ему обязана... Ни за что! А вот Андрей... Он же рвался меня защищать! Вот пусть и защищает. А может, все-таки это он звонил?

Я решительно набрала его номер.

— Алло! — услышала я его голос, и капелька серотонина проникла в кровь.

— Андрей, ты сейчас мне не звонил?

— Нет.

— Ты понимаешь, кто-то звонит и дышит в трубку, а у меня сегодня украли сумку, там паспорт и ключи... Мне страшно... Я подумала, если это ты...

— Я еду! Никому не открывай, забаррикадируй дверь чем можешь. Я позвоню четыре раза. Пожалуйста, держись. Я люблю тебя!

Говорят, адреналин придает человеку сил. Насчет адреналина не знаю, но серотонин определенно придал мне сил. Я двинула старый комод, стоящий в прихожей так, словно это был невесомый столик. Обычно, чтобы протереть под ним во время уборки, мы вдвоем с Полиной с величайшим трудом отодвигаем его. Получилась весьма солидная баррикада. Я успокоилась. Да приезда Андрея я теперь продержусь.

Прошло минут двадцать. Раздался звонок. Я вздрогнула. Второй, третий, четвертый.

— Бронечка, это я!

— Сейчас, я только отодвину баррикаду!

Но переизбыток серотонина в организме привел к полному бессилию. Я не смогла сдвинуть комод даже на сантиметр.

— Что там у тебя?

— Комод. Я его придвинула, а отодвинуть не могу, сил не хватает.

— Бронечка, милая, прости меня, болвана! Я так счастлив, что ты меня позвала... Ты мне необходима, но я такой идиот... Открой скорее!

— Андрюша, я правда не могу. Не получается.

Я уже вся взмокла, но окаянный комод не двигался с места.

Я горько разрыдалась.

— Броня, не плачь, маленькая, я не выдержу... Послушай...

— Андрей, я так хочу тебя видеть...

Я еще раз приналегла на комод, но тщетно. Он стоял как скала.

И тут на лестнице раздался голос соседа:

— Что тут происходит, черт побери?

— Федор Петрович, — завопила я. — Это ко мне, а я не могу открыть!

— Ой, вы Андрей Дружинин? — узнала я голос соседки Анны Владимировны.

Я слышала, как Андрей что-то им объясняет. Но слов не могла разобрать.

— Броня, отоприте замки, — распорядился сосед. — Мы с вашим гостем попробуем приналечь!

— Не получается, один замок закрыт комодом, — уже в голос рыдала я.

Они опять посовещались.

— У тебя балкон открыт? — спросил Андрей.

— Нет, только не это, ты упадешь! — заорала я.

— Броня, у вас, кажется, был топор? Попробуйте порубить этот ваш комод!

— Хорошо!

Я кинулась за топором. Но это был не топор, а маленький топорик. И я принялась крушить проклятый комод с таким остервенением, как будто хотела сломать, к чертям, всю свою прошлую жизнь, пробиваясь к новой. Но комод был не просто старый, а старинный. Топорик оставлял на нем ужасные следы, но о том, чтобы разрубить его, не было и речи.

— Надо вызывать спасателей! — вспомнила соседка.

— Да-да, вызовите спасателей! — завопила я. Но тут вдруг сзади раздался голос:

— Не надо! Я уже тут!

— Андрей! Ты перелез через балкон? — испугалась я.

— Да.

Я кинулась к нему. Мы обнялись, он прижал меня к себе.

— Андрей, зачем ты так рисковал?

— Я не мог больше ждать... Ты одна в такой ситуации..., я не мог. Я сейчас его отодвину. Здорово ты его поуродовала...

— Да черт с ним!

Он приналег на комод. Но тот не двигался с места.

— Господи, как ты его придвинула?

— Не знаю!

Мы попробовали вдвоем. Ни в какую.

— Странно, с Полиной мы его сдвигали.

— Да? Вероятно, я ослабел.., от счастья. Знаешь, ну его к черту. Нам и так хорошо, правда? Отложим до утра?

* * *

Утром мы легко отодвинули комод. Просто вынули ящики. Вот уж поистине — утро вечера мудренее.

mir-knigi.org